

Юность

11

19 6 7

Алексей Сурков

Знамена Октября

Настороженный, темный Петроград.
Штык юнкера у царского крыльца.
Березовые плахи баррикад
Перед фасадом Зимнего дворца.

И вскинутый на мачту красный флаг.
И корабельной пушки разворот.
И, по торцам осклизлым, грозный шаг
Готовых в бой красногвардейских рот.

Крик выстрела среди кромешной тьмы.
Раскат «Ура!» сквозь пулеметный шквал.
Так этой мгливой ночью взяли мы
Истории высокий перевал.

Так взяли мы в бессмертие билет,
Прорвавшись к жизни всем смертям назло.
...Как я поверю, что полсотни лет
С тех пор в сраженьях и трудах прошло!

Как будто эта ночь была вчера,
И не умолкли посвисты свинца,
И жар красногвардейского костра
Осенний дождь еще не смыл с лица.

И Ленин только-только объявил
Конец господской власти навсегда,
И только-только дерзким взмахом крыл
Взлетел над Смольным красный флаг труда.

Еще в Кронштадте ревуны басят,
Бушлатников скликая на совет.
...И все ж с тех пор минуло пятьдесят
Неповторимых, легендарных лет.

Полсотни лет мы шли по целине.
Сквозь ветер, на виду у всей земли,
От стройки к стройке, от войны к войне
Свои знамена красные несли.

Сквозь эти годы, месяцы и дни
Нас ленинская мудрость провела.

И мы сегодня в мире не одни,
И крепко в землю наша новь вросла.

Не охладела кровь большевиков.
Пусть жив еще наш старый, кровный враг
Ведь навсегда в историю веков
Врубили мы красногвардейский шаг.

Как отблеск нашей верности, в Кремле
Рубиновые звезды высоки.
Быть счастьем коммунизма на земле
Всем бурям и невзгодам вопреки!

Ф. Н. Петров,
Профессор, Герой Социалистического Труда, член КПСС с 1896 года

БУДЬ СЧАСТЛИВ, МОЙ ЮНЫЙ ДРУГ!

Моим глазам пошел девяносто второй год, но я не жалею о зрении. Ни на физическое, ни на духовное. Мне было двадцать, когда я увидел, с кем и на чьей стороне правда. Тогда я стал коммунистом. Это было за четыре года до начала нашего столетия.

Мне было больше сорока, когда в Петрограде революционный пролетариат взял власть в свои руки. Весть об этом до Иркутска, где я тогда жил, из-за испорченной телеграфной связи докатилась лишь через три недели. Я смотрю на свою книжку красногвардейца и вспоминаю те дни — дни ожесточенных боев. В лютые морозы гибли мои друзья на реке Ушаковке, притоке Ангары; после взятия города их тела мы вырубали вместе со льдом и в ледяных гробах хоронили в братских могилах. Таким остался в моей памяти семнадцатый.

Мне исполнилось шестьдесят, когда в тридцать шестом году была принята новая Конституция, законодательно закрепившая победу социализма в СССР.

А когда родился ты, мой юный читатель, уже отшумел ураган Великой Отечественной войны, народ залечивал глубокие раны, поднимались из руин города. А я распечатал свой восьмой десяток.

Вот видишь, как много прошло перед моими очень немолодыми уже глазами, — целая эпоха. И чем больше остается за спиной прожитых лет, тем пристальнее всматриваешься в лица тех, кому предстоит наследовать начатое полвека назад строительство нового мира.

Так всматривался я в молодых людей двадцатых годов, годившихся мне в сыновья; так всматриваюсь я в юношей и девушек сегодняшнего дня, годящихся мне в правнуки.

Многое изменилось: облик, манеры, культура. Разматывая долгую ленту воспоминаний, я вижу коротко стриженных девушек в ситцевых косынках и в ботинках с обмотками, парней в буденовках и ватниках... Порывистые и резкие, с лицами осунувшимися и вдохновенными, они орудовали лопатой и киркой, как в гражданскую орудовали шашкой. И боевой клич «Даешь!» сопровождал их мирные победы.

А ты, их одноклассник из сегодняшнего дня? Спокойный и уравновешенный, счастливо сочетающий размах и деловитость, энтузиазм души и реализм мышления, высокообразованный (раньше бы сказали: европейски образованный), ты уверенно оперируешь логарифмической линейкой, математическими формулами, тебе подвластна сложнейшая техника второй половины двадцатого века.

Большие перемены коснулись не только внешнего облика и степени культуры, не только суммы знаний и орудий труда. Стал шире внутренний мир, углубился научный,

аналитический подход к экономическим и социальным процессам, возросли духовные требования.

Но при всем при том ты, молодой человек 60-х годов, как и твой сверстник из 20-х и 30-х, — ты покоряешь пустыни и тайгу, возводишь города, меняешь облик Родины. И пламя тех же идеалов освещает тебе твой жизненный путь. И та же преданность ленинским заветам стремительно ведет тебя в коммунизм. Не так давно я познакомился с итогами большого социологического исследования. Оно выяснило, в частности, важнейшие черты характера сегодняшней молодежи. Вот они: любовь к Родине, вера в коммунизм, справедливость, честность, работоспособность, увлеченность, своим трудом, правдивость, любознательность, чувство достоинства, дружелюбие, интернационализм.

Это прекрасный кодекс, который сделал бы честь любому человеку всех времен и народов. Будь верен ему всегда!

Будь крепок духом. Жизнь невысказана. без борьбы, без преодоления препятствий, без испытаний. Ты должен быть готов к ним в любое время... Мне через многое пришлось пройти. Семь лет и три месяца я просидел в одиночке Шлиссельбургской крепости. Довольно часто меня переводили в карцер — холодный и сырой каменный мешок. Я страдал от голода, от ревматизма, от тяжелых сердечных припадков. Но я был окрылен идеей, которая ставила меня выше физических мук. Это наша общая идея. Пронеси ее нетленной через всю жизнь, будь смелым и верным рыцарем Великого Октября!

Будь всегда молодым. Говорят, старость — не-радость. Определяя, что такое старость, энциклопедия упоминает об атрофии мышц, склерозе, ослаблении нервной деятельности. Как один из главных редакторов советских энциклопедий, могу сказать в порядке самокритики: одностороннее это определение, чисто биологическое.

Старость тела неизбежна. Но духовные силы можно сохранить молодыми всю жизнь. Это я говорю не с чужих слов, а на основании личного опыта. Будь всегда молодым!

Цени время. Даже самая долгая жизнь всегда коротка; к сожалению, эту истину часто постигают слишком поздно, «под занавес»... Живи интенсивно и целеустремленно, цени время.

Стремись к знанию. Коммунизм — это наука, его построит народ, у которого каждый будет в своем деле ученый. Будь чужд покоя и застоя, будь неутомим в учебе, которая должна длиться всю жизнь.

Одно время, на заре Советского государства, я возглавлял учреждение под названием «Главнаука». Ему было подведомственно все — от изобретений и проектов до изданий поэтических сборников, от охраны архитектурных памятников до организации научных институтов и субсидирования исследовательских лабораторий. Работая в «Главнауке», я часто вспоминал древнее египетское предание о том, что науку выдумал один из богов — враг человеческого покоя. Действительно, покой и наука несовместимы. «Вечный бой» за знания не может ни пресытить, ни утомить. Когда-то Руссо спрашивал: «Неужели мы созданы лишь для того, чтобы умереть у края колодца, в котором скрылась истина?» Сегодня ответ ясен: неутомимое человечество будет черпать из источника познания до тех пор, пока не засверкают на дне его золотые россыпи истины... Стремись к знанию, учись, как завещал тебе Ленин.

Люби свое дело. Каким бы оно ни было скромным или неприметным, оно расцветет, если ты вложишь в него свою душу. Человек подвига — это тот, кто трудится изо дня в день, кто не чурается черновой работы, кто видит красоту и цель наших созидательных будней.

Чего же еще пожелать тебе, мой юный друг? Будь счастлив. Я от всей души верю в твое счастье, неизбежное, как ежедневный восход солнца, как коммунизм, в котором тебе предстоит жить.

Петр Капица

ЗАВТРА БУДЕТ ПОЗДНО

Окончание. Начало см. в журнале «Юность» № 10 за 1967 год.

ПОВЕСТЬ

На сеновале

Утром, потемневший, с воспаленными глазами, Зиновьев встал в дурном расположении духа. Он отказался от завтрака, не спускался вниз к умывальнику, а сразу же уселся читать утренние газеты.

— Что с вами? — спросил Владимир Ильич. — Нездоровится? Плохо себя чувствуете?

— Я не спал всю ночь. Беспокоюсь... Злата ничего не знает. Она ведь с ума сходит, читая газеты. Надо бы сообщить, что я выбрался из Питера живым.

— Но как мы это сделаем?

— Она со Степой живет на даче у родственников. Это недалеко отсюда, в Тарховке. Может, уговорить хозяйку? Пусть съездит.

— А не слишком ли мы будем эксплуатировать добрую женщину? У нее и без нас полно хлопот.

— У меня иного выхода нет.

— Надеюсь, вам не изменило чутье конспиратора? Если хорошо продумали, действуйте.

Зиновьев спустился вниз и уговорил хозяйку съездить в Тарховку с запиской.

Для маскировки Надежда Кондратьевна оделась по-деревенски, купила на базаре курицу и с нею поехала на соседнюю станцию. Отыскав нужную дачу, она вошла в калитку и спросила у вышедшей прислуги:

— Не нужна ли курочка? Я недорого возьму. Служанка ушла в дом и скоро вернулась.

— Нет, нам, куры не нужны, — категорично отказала она.

— Как же так? А мне говорили, «дачница» искала... послали сюда. Неужто обманули?

Настойчивость «торговки» заставила «дачницу» выглянуть в окно. По гладкой прическе и другим приметам Надежда Кондратьевна поняла, что эта женщина и есть жена Зиновьева. Как бы вспомнив, она добавила:

— Златой ее зовут, что ли? — При этом она глазами показала, чтобы «дачница» вышла за калитку, и поспешно пошла со двора.

Злата Ионовна не поняла сигнала, но ее удивило, что странная торговка знает ее имя, и поэтому она крикнула вдогонку:

— Одну минуточку! Подождите! Догнав «торговку», она спросила:

— А сколько вы возьмете за курицу?

— А сперва поглядите, какая она.

Передавая курицу, Надежда Кондратьевна сунула в руку «дачницы» записку. Злата Ионовна, как бы взвесив птицу, узнала цену и поспешила сказать:

— Хорошо, я беру. Сейчас принесу деньги... Подождите!

Она ушла в дом и вскоре выбежала оттуда взволнованная, готовая броситься целовать посыльную. Надежда Кондратьевна сделала строгие глаза: «Осторожнее, не показывай радости!»

Отдавая деньги, Злата Ионовна шепнула:

— Я поеду с вами... очень нужно видеть его.

— Нет, со мной нельзя, — ответила ей Надежда Кондратьевна. — А если очень надо, то под вечер.

Она объяснила, как без расспросов найти ее дом, и предупредила:

— Только шпика с собой не приведите. У меня семеро ребятшек.

В ожидании Надежды Кондратьевны Владимир Ильич предложил:

— Не будем попусту терять времени, надо написать во все газеты, почему мы не отдаемся в руки прокуратуры. Мы обязаны объяснить.

— Но кто сейчас напечатает? К тому же здесь нет ни стола, ни чернил, — заметил Зиновьев, — да и темновато.

Дневной свет на чердак проникал только через щели, так как хозяин не прорубил окна. Можно было бы открыть дверцу, выходящую на крышу сарая, но тогда с улицы всякий бы разглядел, что на чердаке находятся какие-то люди.

Владимир Ильич спустился вниз и попросил Николая Александровича что-нибудь придумать. Тот вскоре притащил на сеновал небольшой стол, а ребята — два венских стула и чернильницу со школьной вставочкой. Чтобы стало немного светлее, Владимир Ильич приоткрыл дверцу и, глядя во двор, принялся диктовать:

— Товарищи! Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте по таким мотивам. Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете «Новое Время», стало ясно, что дело о шпионстве Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции. Переверзев вполне открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения, дабы поднять ярость солдат (дословное выражение) против нашей партии. Это признает вчерашний министр юстиции, человек, вчера еще называвший себя социалистом! Переверзев ушел, но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева, Алексинского, никто сказать не возьмется...

Вернувшись из Тарховки, Надежда Кондратьевна на скорую руку приготовила обед: на первое — суп из щавеля, на второе — чечевицу, заправленную жареным луком. Накормив малышей, чтобы они не мешали взрослым, хозяйка накрыла стол скатертью и послала старшего сына Александра приглашать гостей.

— Одну минуточку, — попросил Владимир Ильич, — нам осталось дописать всего несколько слов.

Закончив статью, гости сразу же спустились вниз. Здесь их уже ждал хозяин с чубатым пареньком, которому на вид было лет шестнадцать.

— Вот это и есть мой Кондратий, — представил сына Николай Александрович. — Ни в мать, ни в отца! Не зря ему дедовское имя дали, в старика пошел. Тот даже прозвище получил «Поперечный».

— Значит, вы юноша с характером! Это хорошо, — похвалил Владимир Ильич, пожимая руку Кондратию. — Люди без характера редко чего добиваются. Но, говорят, в анархисты записались?

— У нас не записываются, мы не признаем организаций, — возразил парнишка.

— О, это любопытно! Хотелось бы узнать подробности. Вы не откажетесь рассказать?

— Что ж это вы его все на «вы»! — запротестовал Николай Александрович. — Мальчишка он, не заслужил, чтобы с ним такие люди на «вы» разговаривали.

— Почему же? Кондратий Николаевич — вполне взрослый человек. Так когда мы с вами побеседуем? — вновь обратился Владимир Ильич к пареньку.

— Хоть сегодня, — ответил тот. — Только не здесь. Они не хотят слушать, — кивнул Кондратий в сторону родителей, — а только ругают.

За обедом Надежда Кондратьевна рассказала, как она продавала курицу и передала записку Злате Ионовне.

— А вот приглашать сюда не следовало, — заметил Ильич.

— Разве я приглашала? Она сразу же хотела со мной поехать, насилу отговорила!

— Видно, ей очень надо, — заступился за жену Зиновьев. — К тому же Злата будет кстати: поможет сегодня же переправить наши письма и статью.

Злата Ионовна примчалась к Емельяновым, не дождавшись вечера. Хозяйка, как бы показывая свой двор и постройки, привела ее в баньку у пруда. Вскоре туда явился и Зиновьев.

Надежда Кондратьевна ушла готовить ужин. А ее Кондратий, уловив момент, когда Ильич остался в одиночестве, поднялся на сеновал.

— Очень хорошо, что пришли. Садитесь на стул или прямо на сено, — пригласил Ленин.

Парнишка сел рядом и, смущенно потупясь, ждал вопросов.

— Анархизм обычно — порождение буржуазии, — сказал Владимир Ильич. — Не понимаю, почему возникла ваша организация в рабочем поселке? Какие люди входят в нее?

— Разные. Больше из нашего коммерческого. Начальник училища — у нас придира, а инспектор — сволочь. Нескольких ребят они выгнали с «волчьими» билетами. Те второй год никуда попасть не могут. И взрослые у нас есть. Из Кронштадта портной по кличке «Веник» приезжает. Вообще мы против всякого начальства и правил.

— Ну, это как следствие дурного обращения начальства с учащимися. А какие идеи движут вами?

— Мы хотим быть свободными, не связанными законами и условностями. Выступаем против всякого подавления личности и любых притеснителей: государства, школы, партии, семьи.

— А вам что-нибудь о Марксе известно? О научном социализме?

— Мало. Если это наука, она нам не годится, так как давит человека, мешает быть свободным.

— Но вы хоть с теоретиками анархизма познакомились? Или, не узнав, какие учения существуют, доверились какому-то Венику?

— Подчиняться авторитетам — преступление. Поэтому нам не по пути с пролетариатом, он погряз в болоте конкретных требований, его давит дисциплина труда. А человек должен быть свободен от забот.

— Значит, если следовать вашим воззрениям, родители обязаны бросить вас и братьев на произвол судьбы и заявить: «Кормитесь и одевайтесь как хотите, мы желаем быть свободными личностями». Так?

— Н-нет. Родители — это от природы. Птицы и звери тоже заботятся. Но когда выкормят, не притесняют, не заставляют ходить в школу, работать. Их дети свободны.

Чувствовалось, что парнишка на веру повторяет чужие слова, не вникая в их смысл, что его нетрудно будет переубедить.

— Вы хотите, чтобы человек уподобился зверю и птице?

Кондратий замялся.

— Я, видно, не умею выразить, как нужно... Вот вы бы послушали Веника! — продолжал он.

— Зачем же мне терять время на бредни вашего Веника, когда существуют тысячи умных книг? Человек прежде всего обязан быть человеком. Знания его не угнетают, а, наоборот, возвышают, ведут дальше. Хотите узнать, почему ваши родители не превратились в обывателей, а думают о вашем будущем?

Кондратий молчал. Он чувствовал, что этот человек может научить его, как нужно жить, чтобы не стыдно было смотреть в глаза отцу и матери, но он не мог вот так, сразу отказаться от своей веры и товарищей, с которыми поклялся отомстить инспектору и начальнику училища. Владимир Ильич, видя колебания парнишки, решил, что на первый раз хватит и такого разговора. Если юноша пытлив, то придет еще раз.

— Не буду принуждать, если это против ваших убеждений, — сказал он. — Подумайте и, если появятся ко мне вопросы, без стеснения приходите. Условились?

— Хорошо, я еще приду, — пообещал Кондратий и поспешил уйти.

Владимир Ильич спустился вниз, вышел во двор. Уже смеркалось. Над домом и деревьями с писком носились летучие мыши. Вечер был теплым, безветренным. Владимир Ильич вышел к пруду. В это время прибыл с озера хозяин со старшим сыном.

— Смотрели участок Игнатьева, — сообщил Николай Александрович. — Словно для нас придуман. Почти на берегу озера. Кругом болота — с суши не подойдешь. И Валера недорого берет. В общем, скоро переберемся. Надо только шалаш соорудить. Время покосное.

Емельяновы захватили с собой «дорожку», чтобы не зря пересекать озеро. На обратном пути их блесну схватила щука.

— фунтов шесть потянет! — похвастался Александр, поднимая на кукане еще живую, раздувающую жабры хищницу.

— Великолепная!.. С уловом вас! — поздравил Ильич.

Около баньки они встретили Злату Ионовну.

Владимир Ильич поздоровался с ней и спросил, какими новостями она порадует. Но у той, оказывается, не было никаких новостей, ей просто захотелось повидать мужа и узнать, что он намерен делать дальше.

— Для этого не следовало так спешить, — заметил Ленин. — Надеюсь, благоразумие вас остановит... повторных посещений не будет?

— А разве Надежда Константиновна к вам не приедет?

— Нет, исключено. Она у меня строгий конспиратор. Знает, что мы живем не на даче.

— Простите, но я сегодня вам пригодилась... отвезу письма.

— Ну, если так, тогда будем считать, что риск оправдан, — смеясь, согласился Владимир Ильич.

Шалаш за озером

Еще во времена Петра Первого реку Сестру перегородили высокой плотиной и на берегу образовавшегося искусственного озера, названного Разливом, выстроили оружейный завод. Мастеров на Сестрорецкий завод привезли из Тулы и, чтобы они не покинули новые места, дали тесу и нарезали каждому по два участка земли: один — для построек и огородов на высоком берегу, вблизи завода, другой — для пастбищ и покосов на затопляемой стороне озера.

Покос, арендованный Емельяновым у Игнатьева, находился верстах в трех от поселка. К этому островку суши, окруженному с трех сторон непролазными болотами, нужно было добираться на лодке по озеру не менее сорока минут.

Накосив с сыновьями сена, Николай Александрович просушил его на жарком солнце и, наметав стог, впритык к нему построил из ветвей ивы и ольхи шалаш без задней стенки. Чтобы жильё стало просторным, он выгреб из середины стога сено с таким расчетом, чтобы образовавшееся углубление было продолжением шалаша. Теперь в нем могли улечься человек пять.

Вечером, взяв удочки, подсачек и ведро, Николай Александрович усадил гостей в лодку и как бы отправился с ними в дальний край озера удить рыбу. А его сыновья тем временем, погрузив в лодку посуду, полуведерный котел, чайник и одеяла, поплыли прямо к покосу.

Перетаскивая вещи из лодки в шалаш, парни занялись костром. Они очистили от дерна площадку, вбили в землю две толстых рогатины и между ними развели огонь. Потом бреднем наловили окуньков и ершиков, сходили за ключевой водой и, наполнив ею котел, подвесили его над пламенем.

Когда отец с гостями прибыл с дальнего конца озера к огоньку, вода уже закипала. Николай Александрович велел ребятам бросить в котел соли, горсть крупы, немного нарезанной картошки, а сам принялся чистить пойманную рыбешку.

Свежий стог сена распространял удивительное благоухание. Миллионы хиленьких, порой почти незримых северных цветов, провяленных солнцем и горячим ветром, сохраняли нежнейший запах и давали о себе знать издалека.

Владимир Ильич не любил садовых цветов. Аромат роз и жасмина быстро утомлял его. Зато едва ощутимое благоухание скошенного луга он воспринимал, как родниковую воду, которую чем больше пьешь, тем больше хочется пить.

— Григорий Евсеевич, ощущаете, как пахнет стог? — спросил Ильич. — Учтите: запах полевых цветов всегда успокаивает, бодрит и, если хотите, веселит. Я это по себе знаю. Пойдем взглянем, какое жилье нам приготовили.

«Спальня» оказалась довольно просторной. Только в нее набилась уйма комаров. Яростный писк крылатых кровопийц несся со всех сторон. Комары вмиг облепили лица и руки.

— Здесь не уснешь, — определил Зиновьев. — Заедят. У меня и так вся кожа зудит.

— От зуда можно избавиться. Разве это комары! Вот в Шушенском мы от них натерпелись. Там без накомарника в лес не пойдешь. А этих пискунов мы живо выкурим.

Владимир Ильич вернулся к костру и стал выбирать головешку посырей, чтобы она больше дымила.

А Николай Александрович продолжал священнодействовать над котлом. Кинув в него по шепотке перца и лаврового листа, он вывалил из миски в кипящее варево рыбешек. И сразу на поляне остро запахло ухой.

На выкуривание комаров понадобилось немного времени. Емельяновские ребята вместе с Лениным так надымили в шалаше, что сами чуть не задохнулись и поспешили выскочить на свежий воздух. — Теперь закроем вход половиком, больше комары туда не ползут, — сказал Кондратий.

— А ну, работники, ужинать! — позвал Николай Александрович.

Расстелив на траве газету, он нарезал хлеба и, дав каждому по деревянной ложке, разлил уху в глубокие миски.

Насытившись, Николай Александрович протянул Владимиру Ильичу кисет с самосадам.

— Закурите, комар не будет липнуть.

— Спасибо, не курю... Из-за комаров не стоит привыкать.

Остальные же не отказались от крепкого табака: свернув по сигарке, задымили. Приятно было сидеть вот так у костра, глядеть на пламя, пожирившее сухие, постреливающие ветви, и наслаждаться ночной тишиной.

— Ну как, нравятся вам наши места? — спросил Емельянов у Ленина.

— Очень. Больше, чем Швейцария, — ответил тот. — Уж слишком там пышна растительность. Я бы сказал, по-кладбищенски упитанна. Скромный север приятней, он не утомляет. Вот если установим свою власть, надо будет сделать так, чтобы каждый рабочий хоть раз в году мог покинуть пыльный и душный город, наслаждаться солнцем, рекой, природой. Что может сравниться вот с таким благоуханием луга?

Утром Владимир Ильич до завтрака искупался в озере и стал подыскивать укромное место для работы.

Емельянов показал ему густые заросли ивняка.

— Если вот здесь вырубить середину кустарника, то может получиться довольно укромный закуток, — сказал Николай Александрович. — Ни с озера, ни с суши не разглядишь, кто в нем сидит.

Не откладывая дела, Емельянов принес топор, пробрался в гущу ивняка и принялся рубить лозу под корень. Когда площадка была очищена от поваленных ветвей, корни вырваны, а земля заравнена и утоптана, получилось нечто, похожее на комнату, имевшую живые стены из густозеленых хлыстов ивняка.

— Да вы мастер, прямо зеленый кабинет получился! — похвалил Владимир Ильич.

Чтобы «кабинет» стал кабинетом, Николай Александрович прикатил два чурбана. Толстый он поставил на середине и назвал «столом», а вдвое меньший — «табуретом».

Владимир Ильич хотел показать Зиновьеву оборудованный кабинет, но тот после бессонной ночи чувствовал себя разбитым. Оказывается, он долго не мог заснуть из-за назойливого комариного гудения, потом ему помешал храп Емельянова, а под утро — крики какой-то птицы.

— Нет, мне не привыкнуть!.. Мой организм не приспособлен к жизни на болоте, — сказал он.

— А вы относитесь ко всему философски, — посоветовал Владимир Ильич. — Ведь могли вы попасть на охоте в болото похуже этого. Вас бы не смутили шалаш и костер? Они были бы естественны, не так ли? Утром не ленитесь, сделайте несколько физических упражнений... только не до полного утомления. Я вам покажу, каких. А потом выкупайтесь, поплавайте. Вода здесь прохладная, бодрит. Пока есть возможность, закаляйтесь, укрепляйте нервы, потом сложнее будет!

— Думаете, в более глубокое подполье загонят?

— Наоборот, нам придется управлять государством. А это — дело хлопотливое, времени на променады не будет.

«О чем он говорит? — недоумевал Зиновьев. — Мы разбиты, загнаны в подполье. Каким государством мы будем управлять? Когда?..»

Почти десять лет, как привязанный, он следовал за Лениным, выполняя черновую редакционную работу, сперва в «Пролетарии», а потом в «Социал-демократе». Со сколькими людьми Ленин порвал, потому что не признавал идейных уступок и за ошибки не щадил! И статьи Зиновьева не раз вылетали из нелегальных сборников. Ленин и с ним был строг, как с другими.

Довольно терпеть! Зиновьев больше не будет послушным исполнителем и, как Каменев, однажды скажет: «Обойдусь без учителей».

Разве нельзя было, вернувшись из Швейцарии, занять достойное место среди революционной демократии, стать уважаемым политическим деятелем и продолжать легальную борьбу на правах оппозиционной партии? А ему немедля подавай диктатуру пролетариата. А нужна ли сейчас диктатура? Своевременна ли она? Об этом еще надо подумать.

— Владимир Ильич, — обратился он к Ленину. — Вы знаете, я не согласен ни с Каутским, ни с Плехановым. Мне просто хотелось бы понять их по-человечески, не для разоблачений. Как вы для себя объясняете поведение этих марксистов? Ведь они были ортодоксальны и считали диктатуру пролетариата неизбежной фазой революции, знали, что социалистам придется прибегать к насилию, отвергали всякое сотрудничество с буржуазией, а вот, когда решающие дни приблизились, оба заколебались. Что же встревожило и остановило их?

Прежде чем ответить, Владимир Ильич пытливо взглянул на Зиновьева.

Тот в ожидании ответа сидел напряженный и не поднимал глаз, боясь встретиться с колючим взглядом Ильича. Ленин уловит колебания. А Зиновьев знал, каким резким и беспощадным бывает Ильич с теми, кто вдруг начинает сомневаться в важнейших положениях марксизма. Ленин порывал с такими людьми, в каких бы отношениях с ними ни был, и редко жалел об этом.

— Я не желаю понимать оппортунистов «по-человечески», — сказал Владимир Ильич сухо, явно сдерживая себя. — Их развелось слишком много. Почти все наши эсеры и меньшевики скатились к мелкобуржуазной теории о примирении классов государством. Для этих господ диктатура пролетариата, видите ли, противоречит революционной демократии. А то, что государство выражает волю определенного класса и не может мириться с антиподом, — этого они не желают понимать. Каутский, конечно, подлей и тоньше наших оппортунистов. Он не отрицает, что государство — орган классового господства и что классовые противоречия непримиримы. Он только против разрушения государственной

бюрократии и поэтому извращает Маркса при помощи самого Маркса, приводя в спорах жутьнически подтасованные цитаты. Каутский ратует за правительство, «идущее навстречу пролетариату», то есть за буржуазную парламентскую республику. А с Плехановым я давно мечтаю встретиться лицом к лицу и спросить: «Ну, как вы, ура-патриот, намерены дальше прикрываться Марксом? Мы ведь будем по Марксу добиваться разрушения всей государственной машины. Что вы скажете, когда вооруженный пролетариат придет к власти, а его полномочные представители станут властью?»

Владимир Ильич пристально взглянул на Зиновьева и добавил:

— Сейчас крайне необходима марксистская книга, которая ответит на все эти вопросы. Я ее должен написать. Григорий Евсеевич, напомните, пожалуйста, если забуду, пусть Надежда Константиновна добудет мою синюю тетрадь и пришлет сюда. Книге следовало бы дать название «Учение Маркса о государстве и задачи пролетарской революции», но оно слишком длинное, лучше будет из двух слов: «Государство и революция».

— Владимир Ильич, до книг ли сейчас?

— Именно сейчас-то и нужны книги! — не принимая возражения, увлеченно продолжал свое Ленин. — В управление страной мы вовлечем миллионы неискушенных людей. Им необходимы будут направляющие теоретические труды.

— Но сумеют ли они прочесть их? И будут ли понятны простым пролетариям наши теоретические споры? Сперва надо подтянуть их до соответствующего уровня, а потом говорить о власти. Ведь сложнее всего удержать ее. Да и кто теперь решится сбросить Временное правительство?

— А давайте поговорим с простым рабочим, — вдруг предложил Владимир Ильич и, подзвав к шалашу Емельянова, спросил: — Николай Александрович, как вы думаете, возьмем мы к осени власть в свои руки?

— Возьмем, — словно давно обдумав ответ, без сомнения ответил Емельянов. — Народ дольше терпеть не может.

— Верно. Но мы сможем ее взять, если хорошо подготовим вооруженное восстание. Но вот как мы удержим свою власть? Сами-то вы, Николай Александрович, намерены принять участие в управлении государством?

Емельянов замялся.

— Образования маловато, — с сожалением сказал он. — Не гожусь я. Пусть люди пограмотней...

— Вот видите, — не без злорадства заметил Зиновьев. — И этак многие скажут.

Владимир Ильич, как бы не слыша его, продолжал допытываться:

— Что же получается, Николай Александрович, власть возьмем с бою, а вы тут же отдадите ее в чужие руки?

— Почему же в чужие? Разве среди нас, большевиков, нет людей побашковитей да больше меня в государственных делах понимающих?

— А сами не решитесь? Или не сумеете?

— Суметь-то, может быть, и сумел бы, но не годится мне, слесарю, отрываться от своего брата мастерового. Скажут, все революцию делали, а Емельянов, вишь, к теплему местечку рвался. А если человеком честолубие да корысть овладевают, грош ему цена. Наверху вмиг забудет, с кем водился. Власть — она портит человека.

— Верно рассуждаете, Николай Александрович, честные и преданные рабочему классу люди нам нужны. Как же мы без таких, как вы, будем страной управлять? Человек, конечно, может зазнаться, но мы ему напомним, кому он служит, а не подействует — встряхнем как следует и к станку лечиться отправим. А чтобы барство не зарождалось, заработную плату определим такую, какую получает квалифицированный рабочий. Нас ведь со всех сторон запугивают: не сумеете-де руководить государством, надо оставить бюрократию — всех старых чиновников, без них не обойдетесь.

— Ну, если так вопрос станет, то и я не лыком шит. Как староста справляюсь в цеху. Смогу и по заводу. Надо будет — подучусь. Но нельзя оставлять у власти прислужников буржуазии, их к старому потянет.

— Удивительное совпадение! — уже повеселев, воскликнул Ильич. — Мы с вами, Николай Александрович, не расходимся в мыслях. А вот некоторые товарищи сомневаются. Я думаю, что это у них от неверия в рабочий класс...

Сказав это, Ленин взглянул в сторону Зиновьева. Тот сделал вид, что не заметил его взгляда.

Разговор с Зиновьевым оставил у Ленина неприятный осадок. «Почему он вдруг хочет понять оппортунистов «по-человечески»? Правда, им и прежде не раз овладевали колебания...»

Серго Орджоникидзе получил задание тайно съездить к Ленину и посоветоваться, как строить работу дальше.

Боясь привлечь внимание шпииков, Серго на нескольких трамваях доехал до Приморского вокзала и там, купив билет до Сестрорецка, выбрал вагон потемней и уселся в уголок.

Поезд до Приморской линии едва тянулся. Внутри вагона, переполненного дачниками, было душно. Серго вышел на площадку. Здесь дышалось легче.

В домах приморских поселков уже зажглись огни. Орджоникидзе почему-то вспомнилась французская деревенька Лонжюмо, где он учился в партийной школе. Ему тогда не удалось дослушать всех лекций Ленина: Владимир Ильич послал его в Россию восстанавливать разгромленные охранкой партийные организации. Как и теперь, приходилось остерегаться слежки. Даже своим товарищам по школе Серго не сказал, куда едет, а придумал какую-то неотложную операцию горла, которую якобы могли произвести только в Париже.

Сколько станций и полустанков увидел он, пересаживаясь из поезда в поезд! В каких только вагонах не приходилось ему бодрствовать по ночам, прислушиваясь ко всякому подозрительному шороху! В своих скитаниях он научился распознавать, следят за ним или нет.

Сейчас никто не следил. Это Серго знал хорошо. Не доезжая одной станции до Сестрорецка, он спрыгнул с поезда и направился в малонаселенную часть поселка. Под ногами хрустел песок. В темноте трудно было разглядеть название улиц. Серго плутал по ним, опасаясь спросить у прохожих, где находится нужный ему дом. На верандах особняков светились огни, играли граммофоны. Слышался смех и звон посуды. Дачники, несмотря на тревожное время, веселились.

Только через час или два Серго нашел емельяновский дом. Пройдя во двор, он тихо постучал в стенку сарая.

Дверь открыла заспанная женщина. Серго шепнул заученные слова пароля. Она задала несколько вопросов и, убедившись, что он не подосланный шпиик, ушла в дом и вскоре вернулась с мальчишкой, которому на вид было лет одиннадцать.

— Идите за ним, — сказала женщина.

Орджоникидзе откланялся и пошел за босоногим проводником по каким-то закоулкам к озеру. Там стояла лодка. Они столкнули ее на воду. Мальчишка сел за руль, Серго за весла, и они поплыли по темной глади спокойного озера.

Ночь была теплая и безветренная. Ничто не нарушало тишины, только в камышах всплескивала сонная рыба.

Переправившись вдали от огней поселка на другую сторону озера, мальчишка пошел по едва приметной тропинке среди кустов. Орджоникидзе, решив, что Ленин живет на какой-то даче, доверчиво шагал за юным проводником, которого звали Колей. Под ногами скользила влажная от тумана земля. Домов нигде не было видно, только вдали мигали фонари пограничной станции.

На небольшой поляне Коля остановился и, засвистев снегирем, позвал отца:

— Пап... а пап! К тебе кто-то приехал.

Из-за стога сена неожиданно вышел человек в русских сапогах и рабочей куртке. Серго поздоровался с ним и, объяснив, зачем он явился сюда, попросил:

— Проведите меня побыстрее на дачу.

— На какую дачу?

— Ну, на ту, где живет Ильич.

— Я не знаю такой дачи...

Получился какой-то нелепый разговор. Из-за стога сена вышло еще два человека в пальто, накинутых на плечи. Они негромко поздоровались. Орджоникидзе не хотелось ни с кем знакомиться, он сухо ответил им и, уже сердясь, обратился к мальчику:

— Коля, ты куда меня привел?

В это время невысокий незнакомец подошел вплотную к Орджоникидзе, хлопнул его по плечу и, смеясь, спросил:

— Что, товарищ Серго, не узнаете?

50

1917-1967

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Перед Орджоникидзе стоял безусый, с бритым подбородком Ленин.

— Прошу к огню, — пригласил его Владимир Ильич. — Мы как раз собираемся ужинать.

Он повел Орджоникидзе к потрескивающему костру. Там на газете, посланной на траве, лежали краюха хлеба, несколько картофелин и селедка.

— Прошу прощения... стола и стульев не имеем, — извинился Ильич. — Устраивайтесь как удобней.

При свете костра они съели разделенную на пять частей селедку с печеным картофелем, выпили по кружке горячего, пахнущего дымом чаю без сахара и пошли беседовать в «апартаменты». Так Владимир Ильич шутливо величал шалаш.

Кругом было тихо, только пищали комары да изредка слышался свист крыльев диких уток, перелетавших с болот на озеро. Серго стал рассказывать, что делается в Питере.

Вести не радовали. В городе продолжались обыски, аресты, Каменев уже был в тюрьме. Пулеметчиков, вызвавших волнения в столице, по приказу Керенского безоружными вывели на площадь перед Зимним дворцом и там заклеили позором. Серго видел, как вели расхристанных солдат без ремней, чтобы отправить на фронт, у наказанных лица были бледные, а глаза горели злобой.

— Теперь городской комитет существует на Выборгской стороне, — сообщил Орджоникидзе. — В наш район каратели не суются: боятся, что нос прищемим. Настроение постепенно улучшается. Даже есть такие, что поговаривают: «Вот увидите, Ленин в сентябре будет премьер-министром».

— А те, кто верит в это, близки к истине, — вставил Владимир Ильич. — Я тоже думаю, что мы придем к власти этой осенью, не позже.

И он стал объяснять, почему так, а не по-иному разовьются события.

— Две недели назад Советы без особого труда могли взять власть, — не без горечи отметил Владимир Ильич. — Но меньшевики и эсеры испугались, стали выполнять то, что от них потребовали кадеты. Этим они себя дискредитировали. Советы стали жалким придатком Временного правительства. Большевикам надо снять лозунг «Вся власть

Советам!» и готовиться к вооруженному восстанию. Да, да! Мирный период развития революции кончился, наступает другой, чреватый взрывами. Будем накапливать оружие, обучать рабочих. Власть придется брать силой. Восстание, я думаю, назреет к сентябрю — октябрю...

Серго был потрясен: «Как же так? Нас только что расколотили, партия существует полулегально, а Владимир Ильич предсказывает через два-три месяца победоносное восстание. Вот здорово!»

Владимир Ильич заговорил о том, как, сообразуясь с обстановкой, по-новому действовать Петроградской организации. Кроме подготовки боевых отрядов, необходимо создавать подпольные типографии и то, что не разрешат поместить в легальных изданиях, печатать в нелегальных листках...

Орджоникидзе покинул шалаш окрыленный. Провожать его пошел Зиновьев.

— Видишь, товарищ Серго, как сложно стало с Лениным? Все только о восстании! Прямо одержимый!

— Очень хорошо, что у Ильича боевое настроение! Ты знаешь, как обрадуются наши товарищи, узнав об этом? Качать меня будут! — заверил Орджоникидзе. — После ночной беседы я прямо пьяный, петь хочется!

У лодки, спрятанной в камышах, их ждал Николай Александрович. Орджоникидзе прошел на корму. Емельянов столкнул лодку на более глубокое место и, забравшись в нее, подналег на весла. Камыши зашуршали и скрыли их.

Возвращаясь, Зиновьев думал: «Значит, Ленин всерьез думает о восстании. Хочет повторить недавние события. Это определенно безумие!..»

Когда он вернулся в шалаш, Владимир Ильич уже крепко спал. А у него под боком посапывал Коля.

«Вот и поговори!» — рассердился Зиновьев.

Выйдя из шалаша, он подбросил в угасающий костер несколько поленьев и, раздосадованный, уселся на чурбан.

Поднявшееся над лесом солнце позолотило край озера. Вокруг на разные голоса ликовали пичуги, радовавшиеся теплу, а обросший бородой человек не замечал ликования природы. Его заботила лишь дума о том, как бы скорей покинуть этот лес.

В полдень к покосу стала приближаться какая-то лодка. Ленин и Коля, выбравшись из шалаша, поспешили к озеру и стали всматриваться.

— Наша, — определил Коля. — Кондратий, кажется, он так веслами машет.

Мальчик не ошибся. Это был Кондратий. Он привез судки с едой. День был жаркий, парень взмок за веслами. Лицо его покрывали капельки пота.

— Может, выкупаемся? — предложил Владимир Ильич.

— Хорошо бы! — обрадовался Кондратий. Раздевшись, они втроем бросились в воду и почти одновременно нырнули. Коля первым выскочил на поверхность, Кондратий всплыл секунд через тридцать, а Ильич дольше всех пробыл под водой и вынырнул далеко в стороне.

Оставив Колю на отмели, Кондратий поплыл, за Ильичем. Нырняя, они перекликались меж собой.

— А тут уже глубоко... дна не достать!

— Я достал... только вода холодней, ключи, видно, есть.

Потом, бултыхаясь, они принялись вытворять на воде такое, что Зиновьев невольно потребовал: .

— Возвращайтесь назад... Довольно!

Но пловцы, видимо, не слышали его. Они удалялись то «саженками», то на боку, то повернувшись на спину и работая лишь ногами.

Подхватив судки, Зиновьев направился к шалашу. Коля же, натянув штанишки и рубашонку, несколько раз свистнул пловцам и побежал догонять его.

Пловцы показались на берегу минут через пятнадцать. Они прыгали то на одной, то на другой ноге, вытряхивая из ушей воду.

— Коля, зови их обедать! — приказал Зиновьев мальчику.

Коля, засунув два пальца в рот, пронзительно свистнул. Ильич и брат поняли его, замахали в ответ руками и стали одеваться.

Они приближались к костру, словно закадычные друзья. Владимир Ильич что-то рассказывал забавное, потому что Кондратий то и дело прыскал со смеху.

— Ну, что же вы так долго? — упрекнул Зиновьев. — Обед опять остыл.

— А вы почему не освежились? — спросил Ильич.

— Нет никакого желания резвиться! — буркнул Зиновьев.

Владимир Ильич посерьезнел, взгляделся в Зиновьева и спросил:

— Чем вы недовольны?

— Я уже говорил, лесная жизнь не по мне.

— А вы старайтесь не замечать неудобства. Держитесь естественней и свободней. Вы же молодой человек, не мне вас учить, как надо радоваться жизни. Встряхнитесь!

Николай Александрович вернулся на покос не один, он переправил на лодке члена Центрального Комитета Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Владимир Ильич обрадовался Дзержинскому. Поспешив навстречу, он протянул обе руки.

— Очень хорошо, что вы здесь. О многом надо посоветоваться.

— А я к вам не с пустыми руками, — сказал Феликс Эдмундович. — Позвольте вручить... вышли первые пять тысяч.

Говоря это, Дзержинский вытащил из кармана еще пахнущую типографской краской брошюру и с поклоном преподнес ее Владимиру Ильичу.

— Наконец-то! — бегло взглянув на обложку, воскликнул Ленин. — Многострадальная книжица, перемытая в семк водах!

Сколько он потратил труда на эту брошюру! Одних только выписок было двадцать тетрадей. Владимир Ильич, полистав брошюру, стал разглядывать обложку. На ней крупными буквами было напечатано: «Империализм, как новейший этап капитализма».

— А почему не обозначен издатель? — спросил Ленин. — Кто решился выпустить ее?

— Максим Горький в своем издательстве «Парус». , Осторожность, видимо, заставила выпустить без эмблемы.

— Испугался?

— Не думаю. Горькому легче было отказаться от нее, а он выпустил и в такой сложный момент. Кто прочтет брошюру, поймет, что обвинение в шпионстве — бред, для вас невозможны сделки с германским империализмом. Брошюра поступила на склад партийного издательства. Бонч-Бруевич намерен широко распространить ее.

— Спасибо... большое спасибо! Очень приятный подарок, — поблагодарил Владимир Ильич. — Чем же мне вас угостить? Может, рыбной ловлей? Рыбацкой ухой?

— О том и другом мечтаю.

— Ну и замечательно. Коля, вытаскивай бредень, — попросил Владимир Ильич. — Будем гостя эксплуатировать.

Коля мгновенно выполнил просьбу и кликнул Кондратия.

В этот раз купались все. Бредень был большим, каждому нашлось дело: Владимир Ильич с Кондратием, забравшись по горло на глубину, заводили крылья и тянули их к берегу, Николай Александрович следил за «меткой», а остальные шумно шли по краям, не давая рыбе уходить в стороны.

Сделано было три захода, и все удачные: рыбы наловили и на уху и про запас, чтобы отправить Надежде Кондратьевне.

Вволю накупались, Дзержинский вышел на берег и сказал:

— Вот это жизнь! Соблазнили. Готов вместе с вами скрываться у этого озера до самой осени. Принимаете?

— Нет уж, походите в легальных, — возразил Ленин. — Вы нам в Питере нужней. Кто же будет восстание готовить, боевые отряды создавать?

— А уже назрело?

— Назреет.

Когда все собрались у костра, Владимир Ильич спросил у Емельянова:

— Николай Александрович, вы ведь в пятом году добывали оружие. Как это делалось?

— Хитрить приходилось. Занумерованную винтовку не вынесешь. Таскали по частям. Одни по стволам специализировались, другие по затворам, а я деревянные ложа добывал. Ложевые сараи, как и теперь, почти не охранялись. Подгребешь на лодке к сараю, отогнешь подгнившие от сырости нижние доски и... давай выуживать. Трудней было с патронами. Но и тут приспособились. Каждое ружье заводом проверялось на стрельбище. Патроны выдавались по счету: двадцать пять штук на винтовку. Мой отец пристрельщиком работал. Контролер ч.е мог проверить, сколько раз он выпалит. А старик умел дюжиной выстрелов прицелы налаживать. Оставшиеся патроны прятал и нам отдавал. Мы свой арсенал за озером имели.

— А сейчас такую добычу оружия нельзя наладить?

— Как нельзя? Можно, только постарели все. Нет уж прежней прыти!

— Я тебе, папа, помогу, — вдруг предложил Кондратий. — У наших ребят кое-что припрятано.

— Чудеса! — удивился Николай Александрович. — Владимир Ильич, что такое вы с ним сделали? Прямо колдовство! Ну что ж, сын, по рукам, таким ты мне больше нравишься!

Ночная тревога

Зиновьев вновь и вновь обдумывал свое положение: «Ну, сколько можно прятаться в этом лесу? Время покосов скоро кончится. Куда денемся? Ленин словно не замечает окружающего, живет на болоте, как дома».

Зиновьев как-то намекнул Ленину об игре с опасностью, а у него один ответ:

— Разумный человек принимает меры предосторожности, чтобы свести опасность до минимума, но он обязан приучать себя не думать о ней и делать свое дело.

Белые ночи кончились. После захода солнца на лесную поляну напозла такая темень, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть. В одну из ночей Зиновьев сквозь сон вдруг услышал стрельбу. Сердце тревожно забилося: «Напали на след!.. Вызваны войска, прочесывают леса... будут и здесь!»

Выглянув из шалаша, Зиновьев увидел за озером мелькающие огни. «Так и есть! Окружают!».

Расталкивая Ильича, он свистящим шепотом сообщил:

— Мы окружены... Спасайтесь!

— Как окружены? Кем? — спросонья не мог понять Ленин.

— Не до расспросов!.. Нужно уходить!

Быстро натянув на ноги ботинки, Зиновьев схватил пальто и выскочил из шалаша.

— Григорий Евсеевич, погодите! — крикнул вслед Владимир Ильич, но в ответ услышал шелест кустарника.

Разбудив Колю, Ленин предложил:

— Одевайся. Кажется, надо уходить.

— А чего там? — прислушиваясь к стрельбе в поселке, спросил мальчик.

— Юнкера, наверно. Тебе папа не говорил, куда надо уходить в случае опасности?

— Говорил... за ручей к кособору. В ту сторону, где солнце всходит. Но сейчас темно.

— Как-нибудь найдем. Пошли.

Залив водой едва тлевший костер, Владимир Ильич взял мальчика за руку и пошел с ним по болоту к ручью.

Шум в поселке не утихал. То и дело раздавались выстрелы. «Что там творится? — не мог понять Владимир Ильич. — Видимо, облава. Но кто же стреляет?»

Болотистый мох сопел, колыхался и оседал под ногами. Ветки густого ольшаника хлестали по лицам. Болото становилось зыбким. Ноги порой по колено проваливались в холодную жижу. Ботинки промокли насквозь. В них чавкала вода. А Коля тянул все дальше и дальше.

— Скоро будет косогор, — заверил он.

Николай Александрович ночевал дома. Услышав выстрелы, он вскочил с постели и спросил у жены:

— Кондратий дома?

— Нет, с оружием все возится. Не их ли там ловят?

Николай Александрович быстро оделся, разбудил сына Сашу и вместе с ним вышел на улицу.

Беспорядочная стрельба доносилась с разных сторон. По всему поселку яростно лаяли собаки. В темноте мелькали огни. Происходило что-то непонятное.

Емельяновы поспешили к заводу. По пути к ним присоединялись проснувшиеся оружейники.

— Почему стреляют? Что случилось?

Но никто толком объяснить ничего не мог. На перекрестке неожиданно появился парень в белой рубашке и выстрелил в воздух из берданки.

— Ты чего пуляешь? — остановил его Емельянов. — Ошалел, что ли?

— Ничего не ошалел, — обиделся парень. — Велено всех заводских будить. Из Питера поезд с юнкерами прибыл. Все улицы оцепили. Хотят с обыском по домам пойти. Завком приказывает не допускать.

— Правильно. Ишь, новые жандармы объявились! Не позволим в ночное время ребятишек пугать!

— А чего юнкерам надо? — спросил пожилой оружейник.

— Начальство всполошилось. Много винтовок пропало. Думают, рабочие растащили.

«Ах, вот оно что! Тут, конечно, без моего Кондратия не обошлось! — подумал Николай Александрович. — Куда только они винтовки спрятали? Не в поселке же. Так юнкера и до покосов доберутся. Надо бы предупредить наших, подальше в лес увести».

У заводской проходной толпилось много народу. Ночная тревога возбудила рабочих. Они готовы были схватиться с юнкерами. Увещаний никто не слушал. Каждый выкрикивал свое.

Видя, что споры затягиваются, Николай Александрович шепнул сыну:

— Сашок, ты побудь здесь и разведай все, а я к нашим на покос проберусь. Если какая опасность, Сергея или Толю присылай. А Кондратию скажи, чтобы подальше от покоса был, а то хвост за собой потащит.

Вернувшись домой, Емельянов взял из двух лодок самую легкую и, осторожно гребя одним веслом, направился по затемненной части озера.

Стрельба в поселке стихла, и огней больше не было видно. Лишь изредка доносились невнятные выкрики у запруды.

Спрятав лодку в камышах, Николай Александрович поспешит, к шалашу. Но в нем никого не оказалось.

«Куда они подевались? — недоумевал он. — Может, в кустах прячутся?».

Емельянов несколько, раз свистнул по-снегириному. На свист никто не откликнулся.

«Вот те раз! И Колю не догадались оставить».

Досадуя, Николай Александрович свернул сигарку, подсел к костру и хворостиной поворошил угли. Но нигде не сверкнуло ни одной искорки. Пепел и уголь остыли. Значит, костер погашен давно.

«Через озеро перебраться не могли, не было лодки, — рассуждал Емельянов. — Значит, прячутся в лесу».

Дождавшись рассвета, он пошел на поиски. Сквозь заросли ивняка и ольшаника приходилось пробираться с предосторожностями, так как роса густо посеребрила листву. Стоило зацепить плечом ствол или головой ветку, мгновенно обдавало холодным дождем. Даже неприметная днем паутина так пропиталась росой, что всюду провисала жемчужными гамачками.

В несколько минут у Емельянова промокли брюки на коленях и пиджак.

Вскоре лес несколько поредел, стали попадаться низкорослые сосенки. Прыгая с кочки на кочку, Николай Александрович по временам останавливался, тоненько свистел и прислушивался.

Минут через двадцать он, наконец, услышал ответный свист. Навстречу выбежал Коля. На нем был пиджак Ильича.

— Вы что так далеко забрались? — спросил Николай Александрович.

— Чтобы не нашли, — ответил мальчик. — Ты сам велел прятаться за косогором.

Николай Александрович погладил сына по голове и похвалил:

— Молодец, только вот ты зря дядин пиджак взял.

— Я не хотел, он сам на меня надел. Владимир Ильич сидел на стволе поваленной березы. Он был разут. Носки и ботинки сохли рядом.

— Ну, как, Николай Александрович, нащупывают? — вглядываясь в Емельянова, спросил Ильич.

— Да вроде бы нет. Юнкера прибыли оружие у рабочих искать.

— Ах, вот, оказывается, в чем дело! И как вы думаете: отдадут его ваши товарищи?

— Наверяд ли. Не на таких напали. Разве только получше спрячут. Без оружия нашему брату теперь нельзя. Зажмут, хуже, чем при царе, будет. А где же Григорий? — поинтересовался Емельянов.

— Мы без него. Он разбудил и... куда-то исчез. Мы окликали, пытались искать — безуспешно.

Показав Владимиру Ильичу, как выйти к озеру, Емельянов пошел на поиски Зиновьева. Он почти час бродил по болотным трощам, пока не наткнулся на след в росистой траве.

Вымокший и перепачканный в болотной жиже, Зиновьев, скрючившись, сидел в густом ольшанике.

— Почему вы не выходите? — спросил Николай Александрович.

— Мне пок-казалось, что это они ходят... Пром-мок насквозь, — стал оправдываться Зиновьев. — Несколько раз проваливался по пояс... Едва нашел сухое место.

Лицо Зиновьева потемнело, глаза воспалились. Он с трудом выговаривал слова.

Емельянов помог ему выбраться из зарослей на едва приметную тропку. Николай Александрович старался идти быстрее, чтобы его спутник хоть немного согрелся в пути.

Когда они вышли на свой луг, у шалаша уже пылал костер, разведенный Лениным, и в закопченном котле закипала вода.

Обедали в этот день позже обычного. Надежда Кондратьевна пригребла на лодке к условному месту только под вечер.

— Укатали вояки Керенского! — сообщила она. — Поначалу грозились: «Чтоб все оружие было к запруде принесено! Если к двенадцати часам не будет сдано, пойдем с обысками и будем судить на месте». Но никого не напугали. Наш Сашок говорит, что только две старухи явились: одна с тесаком, который на огороде нашла, другая — со ржавым штыком. Так и убрались. И обысков не стали делать.

— Молодцы сестрорецкие рабочие! — похвалил Владимир Ильич. — Оружие не отдали и показали, что их врасплох не застанешь. Надо нам чаще показывать свою сплоченность.

Выспавшись, Зиновьев сидел молча и держался как-то отчужденно.

«Видимо, чувствует себя неловко после ночного бегства», — подумал Владимир Ильич.

— Вы никак все еще ночную тревогу переживаете? — спросил он. — Стоит ли придавать ей такое значение?

— Меня тревожит другое: не слишком ли мы беззаботны? Не знаем даже ближайших окрестностей. При новой облаве нас схватят и утопят в этом болоте. Мы не знаем, как из него выйти.

— Что же вы предлагаете?

— Подыскивать другое место, а пока тщательно исследовать, нет ли троп, по которым можно пройти.

— Ну, что ж, это не помешает. Было бы неплохо начертить хотя бы примитивную карту. Обязете, если исследуете окрестности.

На другой день Зиновьев надел высокие сапоги Емельянова, захватил охотничье ружье и пошел бродить по болоту. Он пропадал недолго, вернулся к шалашу задышающийся, с изменившимся, бледным лицом.

— М-мы обнаружены, — сказал он, запинаясь. — Я набрел на лесничего. Охота запрещена. Он накричал и отнял ружье. Теперь, наверное, спешит к властям. За вашу поимку обещано двести тысяч. Не сомневаюсь, что он воспользуется случаем.

— Вы ему сказали, кто мы такие?

— Нет, конечно, но разве трудно догадаться?

— Если встретился Аксенов, паниковать не следует, я этого лесничего хорошо знаю, — сказал Емельянов. — Вместе солдатчину отбивали, из одного котелка кашу ели. Михайлыч — свой мужик. Зря доносить не будет. Надо сперва разузнать, чего он задумал? Может, за простого браконьера принял?

— Верно, — вставил Владимир Ильич. — Надо бы переговорить с лесничим, пока он не успел в город сходить. Где ваш Аксенов живет?

— Отсюда недалеко: версты полторы, не больше.

— Отправляйтесь немедля и дождитесь его возвращения из леса.

— Так оно верней будет, — согласился Емельянов. — Хорошо бы, конечно, бутылочку прихватить, но, к сожалению, не водится.

Прямо с покоса Емельянов пошел по берегу к дому лесничего. Пробыл он у него часа три и вернулся навеселе, неся на правом плече ружье.

Не спеша, Емельянов вытер промасленной ветошью ствол и курок ружья, повесил тулку в шалаше, закурил и лишь затем принялся рассказывать:

— Прихожу, а его, конечно, еще нет дома. Заговорил с хозяйкой, жду. Вижу, идет с двумя ружьями на плече. «Михайлыч, — окликаю, — что ж ты у людей ружья отнимаешь?» «Пусть не браконьерствуют, — отвечает. — Охота еще не объявлена». «Михайлыч, а ружье-то ведь мое. Разве по-товарищески в казну забирать?» «Какое оно твое? — не верит он. — Я его у чернявого чухны отобрал». «Хочешь, номер скажу?» Называю номер тулки. Он проверил и удивляется: «Верно, а как оно к чухне попало?» «Да я его в косари нанял. Он втихомолку стянул ружье, видно, утятини захотел». «Не из храбрых твой косарь, — говорит Аксенов. — Я боялся, что без драки не отдаст, а он слова в оправдание вымолвить не может». «Так чухна по-русски не горазд, — замечаю я, — да и напугал ты его своими усищами». «Я его разношу на все корки, — хохочет Михайлыч, — а он ни бе, ни ме. Вижу, толку не будет. Выхватил я из его рук ружье, да и пугнул...»

— Очень хорошо, что вы не заговорили, — поспешил похвалить Владимир Ильич, видя, что емельяновский пересказ вогнал Зиновьева в краску. — Пусть лесничий думает, что он на финна наткнулся.

— В общем, отдал Аксенов ружье. «Только косарям больше не давай, — говорит, — пришлым нечего тут охотиться». И на прощание даже угостил. Опасаться его нечего, —

заверил Николай Александрович. — Михайлыч — человек свой. Если и догадается, не выдаст, ручаюсь.

Поздние пассажиры

В конце июля чуть ли не каждый вечер, как только темнело, с озера доносились всплески весел. Это к шалашу пробирались члены Центрального Комитета, готовившие Шестой съезд партии. Они рассказывали Ленину, как проходят губернские конференции и как настроены рядовые большевики.

Становилось ясно: съезд будет большим, соберутся делегаты от двухсот сорока тысяч членов партии. Их надо будет нацелить на восстание. Вернувшись на места, они поднимут на бой немалую армию.

Помогая составлять доклады и проекты резолюций, Владимир Ильич огорчался, что сам не сможет присутствовать на столь важном съезде.

— В доклады мы вложим ваши мысли, ваш дух. Быть идейным вдохновителем съезда важнее, чем присутствовать на нем, — уверял Яков Свердлов. — Ведь ничего другого мы придумать не можем. За вами охотятся, схватят на первом же заседании.

Ильич соглашался с ним, но в глубине души примириться с этим не мог.

Съезд проходил полуполюгально. Делегатам заранее не сообщалось, в каких помещениях будут проходить заседания, так как шпики Керенского давно мечтали одним разом захватить руководителей партии. Чтобы этого не случилось, прибывших делегатов поселяли не в гостиницах, а на квартирах у рабочих.

Съезд открыли на Выборгской стороне.

— Почему Ленина нет в президиуме? Где Ленин? — допытывались делегаты.

Яков Свердлов, председательствовавший на заседании, по секрету сообщил, что Владимир Ильич, хотя и скрывается от ищеек Керенского, но руководит съездом.

Это сообщение в тот же день стало известно журналистам. Буржуазные газеты подняли шум: они обвиняли прокуратуру в бездеятельности, требовали найти Ленина, и арестовать.

За руководителями партии усилилась слежка. Пришлось удваивать охрану съезда и заседания проводить в разных частях города. Обычно за сутки до заседания Красная гвардия выставляла свои секреты, а ночью большевики посылали патрули на соседние улицы, чтобы те следили, не окружают ли войска дом, в котором утром соберутся делегаты.

На одном из первых заседаний съезда решался вопрос, надо ли Ленину являться в суд. Докладывал Серго Орджоникидзе. Он рассказал о своих переговорах в Таврическом дворце, о том, как замышлялось убийство Ленина, и сделал вывод: враги ищут и будут искать любые способы, чтобы вырвать вождей из рядов революционной партии. Ни в коем случае нельзя выдавать товарища Ленина.

Вслед за Орджоникидзе на трибуну поднялся Феликс Дзержинский.

— Я буду краток, — сказал он. — Мы должны ясно и определенно сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищу Ленину... не арестовываться.

Дзержинский потребовал заявить от имени собравшихся, что большевики не доверяют правительству Керенского, а поэтому не выдадут Ильича.

Его предложение было принято: съезд высказался против явки Ленина в суд.

Жизнь в шалаше усложнялась. По ночам поднимались туманы. От болота тянуло холодом. Старые пальто и куртки плохо согревали. И работать стало трудней: днем часто моросил дождь, а по вечерам надвигалась непроглядная темень.

А тут еще на шалаш набрели грибники, заплутавшиеся в болоте. Потом пристала лодка к берегу. К костру подошли рыболовы, спросившие у косарей, не найдется ли курева. Этак можно было и шпииков дожидаться. Да и время покосов кончалось.

Надо было перебираться в другое место. Но куда?

Решили, что спокойней всего Ильичу будет за Сестрой-рекой, в Финляндии.

Переправить Ленина через границу поручили Александру Васильевичу Шотману. Это был профессиональный революционер, имевший финское подданство.

Шотман представил несколько проектов перехода через границу. Их обсудили и пришли к выводу, что Ленину лучше всего перебраться через речку Сестру под видом сестрорецкого рабочего. Оружейники, жившие за рекой Сестрой, пользовались упрощенными паспортами, похожими на обычные удостоверения личности. Емельянову поручили достать такие документы у товарищей. Но как их добудешь, у кого попросишь?

Зайдя в управление завода, Николай Александрович увидел, что у дверей начальства часовым стоит его давний приятель. Он поздоровался с ним и спросил:

— У себя помощник начальника Дмитриевский?

— Нет, куда-то вышел.

— Можно пройти... подождать его?

— Проходи, посиди.

Емельянов был старостой цеха, ему часто приходилось вести переговоры с администрацией завода, поэтому его просьба не вызвала подозрений.

В кабинете Николай Александрович заметил на столе стопку пропусков. «Надо бы стащить парочку, — подумал он. — Но какие лучше взять? Совсем чистые не годятся, они без подписи и печати. Готовые — опасно, через день-два хватятся: куда они делись?» За массивной чернильницей Емельянов разглядел пропуска уволенных с завода рабочих. «А вот эти подойдут, — обрадовался он. — Кому они понадобятся? Пропажу никто и не заметит».

Выбрав пропуска поновей, Емельянов спрятал их в задний карман брюк и, посидев еще немного, вышел из кабинета.

— Нет, не дожидаться мне Дмитриевского, — сокрушенно сказал он часовому. — Когда спешишь, всегда так. Позже зайду.

Добытые пропуска Емельянов привез на покос и вручил их Ленину.

— Значит, меня хотите превратить в Константина Петровича Иванова? — спросил Владимир Ильич после внимательного осмотра пропуска. — Ну, что же, подойдет. Иванов — распространенная фамилия. Среди Ивановых нетрудно затеряться. Только, к сожалению, я абсолютно не похож на Иванова, изображенного на этой фотографии.

— Фотографию придется осторожно сорвать и наклеить другую. Печать подрисуем, у меня есть знакомый художник.

— Но где мы возьмем фотографии для этих пропусков?

— М-да, действительно, — задумался Емельянов. — У нас в Сестрорецке не найдешь фотографа, чтобы на покос пошел. А если пойдет, то запросит столько, что не возрадуешься. Да и опасно звать, продаст.

— А мы из Петрограда пригласим, — предложил Владимир Ильич. — Я знаю человека, увлекающегося фотографией. Превосходный конспиратор, был у нас связным и не раз укрывал меня. И, главное, живет недалеко от Елизаровых, на Лахтинской улице. Дмитрий Лещенко. Скажите, чтобы нашли его и передали мою просьбу. Он ко мне пробирался и не через такие преграды.

Лещенко нетрудно было найти: он работал одним из секретарей на съезде партии. После утреннего заседания к нему подошел Шотман и передал просьбу Ильича.

— Когда нужно выехать? — спросил Лещенко.

— Сегодня.

— Но мне надо съездить домой, захватить фотоаппарат.

— Хорошо. Встретимся на Приморском вокзале через три часа.

Придя домой, Лещенко задумался, какой же из фотоаппаратов взять. Аппараты в те годы были громоздкими: камера походила на большой черный ящик, а деревянную треногустатив носили, словно ружье, на плече.

Лещенко взял с собой «зеркалку». Она по тем временам была небольшой и выглядела как нынешний спортивный чемоданчик. Штатив он оставил дома, чтобы не вызывать лишних подозрений.

На Приморском вокзале в условленном месте его встретил Шотман. Они вместе прошли в вагон, доехали до Разлива и в сумерки пришли к Емельяновым.

Через озеро Лещенко переправился на лодке с молчаливым подростком.

Владимир Ильич встретил позднего гостя, как старого друга, и пригласил к костру выпить чаю с брусникой. За чаем Ильич стал расспрашивать, как идут дела на съезде. Лещенко охотно рассказывал и вдруг, приглядевшись к Ленину, спросил:

— Скажите, а почему вы не носите парика? Разве вам не доставили?

— Как же, получил... Спасибо. Но здесь только примерял, носить пока не для кого.

— А вы знаете, что из-за этих париков я чуть не попался, — сказал Лещенко. — Мне их передали вечером, сказали, что завтра до одиннадцати утра зайдет за ними нарочный. Дома я бросил сверток на диван и забыл о нем. Ночью просыпаюсь. Чья-то рука шарит под подушкой. Смотрю: надо мной человек в военном. Оружие искал, боялся, что стрелять буду. «В чем дело?» — спрашиваю у него. Военный отвечает: «Обыск, вставайте». Оказывается, пришли арестовать Анатолия Васильевича Луначарского. Он ведь в моей квартире жил. Заодно решили и меня потревожить. Я глянул на диван и обмер: парики лежат. Спросят: для кого? Что я отвечу? Вскочил и, будто мне худо стало, бух на диван. Прямо на парики уселся. Тарашу глаза на юнкеров и ничего на их вопросы не отвечаю. А те потешаются: «Смотрите, что с ним от страха сделалось!» А я продолжаю изображать истукана. Даже с Анатолием Васильевичем, когда его повели, не вышел попрощаться из-за этих париков.

50

1917-1967

Гремела атака и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша приходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Спать улеглись на свежем сене. Всем было тесновато в небольшом шалаше: лежали плечом к плечу. Лещенко не мог заснуть от сильного запаха свежего сена, а когда вздремнул на часок, его разбудил резкий крик козодоя за шалашом. Не понимая, чей это крик, Лещенко поднял голову и прислушался. Крик больше не повторился.

Уже занималась заря.

«Светает. Сниму и уеду первым поездом», — решил Лещенко. Он осторожно тронул плечо Ильича и сказал:

— Вставайте, Владимир Ильич, уже светает, не будем терять времени.

Ильич поднялся, чтобы отогнать сон, растер ладонями лицо, отряхнулся, а потом, захватив полотенце, первым выскочил из шалаша и помчался к озеру.

Лещенко думал, что Ильич там ополоснет лицо и вернется, а он вдруг разделся догола. Растер мышцы и бросился в воду. Поплавав минут пять, Владимир Ильич вернулся бодрым, повеселевшим.

— А вы не боитесь простудиться? — спросил Лещенко. — Свежо ведь.

— Привык. Нашему брату полезно закаляться, неизвестно ведь, что ждет впереди. Советую и вам поплавать. Совсем по-иному будете себя чувствовать.

— Спасибо, что-то не хочется.

Ильич был в сатиновой русской рубашке и рабочей куртке. Лещенко натянул на его голову парик, разгладил, а кепку надел так, чтобы из-под козырька виднелись спадавшие на лоб волосы.

Таким Владимир Ильич и был снят. Лещенко спрятал использованные кассеты в карман летнего пальто и, распрощавшись с обитателями шалаша, пешком пошел вдоль озера на вокзал.

Он успел на первый утренний поезд. В полупустом вагоне благополучно доехал до Новой Деревни и только на перроне вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд человека, стоявшего у газетного киоска. «Шпик», — определил Лещенко. Не оглядываясь, он поспешил нанять извозчика и сказал ему вполголоса:

— Быстрее гони, получишь двойную плату! Шпик тоже нанял лихача. И поехал вдогонку не один: в пролетке с ним оказался еще какой-то тип в темных очках.

«Как быть? — в тревоге раздумывал Лещенко. Он легко бы мог уничтожить негативы со снимками, но не хотел этого делать. — Вся работа пойдет насмарку и назад не вернешься».

Вскоре на повороте показался трамвай, выходящий на Каменноостровский проспект. Лещенко сунул извозчику деньги и попросил догнать идущие впереди вагоны.

Извозчик задержал вожжами, и конь помчался. На мосту через речку Карповку они поравнялись с трамваем, замедлившим ход. Лещенко, не раздумывая, прямо с пролетки прыгнул на подножку последнего вагона и, оставшись на площадке, стал наблюдать, что будут делать шпики. Те, поднявшись, что-то кричали своему извозчику, но догнать трамвай уже не могли.

На одной из остановок Лещенко пересел в другой трамвай, потом, уже за Невой, перебрался в третий. Часа три он ездил по городу и домой сразу не пошел, а отнес аппарат с кассетами к товарищу.

Лишь поздно вечером Лещенко принес «зеркалку» домой. Проявив за ночь негативы и напечатав снимки, он отдал их утром Надежде Константиновне Крупской.

Прежде чем переправить Ильича в Финляндию, Александра Васильевича Шотмана попросили проверить, насколько тщательно пограничники просматривают документы.

Шотман без особых хлопот добыл в Главном штабе пропуск на переход границы. С разрешения Центрального Комитета он взял себе в помощники финна-большевика Эйно Абрамовича Рахья, работавшего слесарем на авиационном заводе. У молодой жены этого рабочего — Люли Парвиайнен — родители жили в финской деревне под Териоками. Удобней всего было у них укрыть Ленина.

Придя к Рахье, Шотман подозвал Люли и сказал:

— Нам с твоим Эйно надо укрыть одного человека. Ты можешь уговорить родителей, чтобы они приютили его?

— А кто он такой?

— Тебе можем сказать... Ленин. Но ни мать, ни отец не должны этого знать. Понятно?

— Понятно, постараюсь договориться, — пообещала Люли.

На следующий день и Рахья достал себе пропуск в Финляндию, и они вместе с Шотманом пошли обследовать границу от Сестрорецка до Белоострова. Шагали берегом пограничной речки Сестры. Если попадались навстречу пограничники, то говорили, что идут домой, в Финляндию.

— А почему вы так далеко зашли? Там ведь остался хороший переход — мост через реку.

— Захотелось прогуляться. Мы живем тут недалеко, вброд перейдем.

— Вброд не разрешается.

На заставах у мостов пограничники строго проверяли документы. Они подолгу вертели в руках и рассматривали пропуска, вглядываясь в фотографии и в лица. У них, видимо, имелись размноженные снимки Ленина, потому что они то и дело поглядывали на какие-то карточки, зажатые в кулаках, и на стоявших перед ними Шотмана и Рахью.

Стало ясно, что Ленину такой переход опасен. Решили переправить Ильича через границу на паровозе, как перевозили нелегалов в прежние времена. Но кто повезет?

— Гуго Ялава, — сказал Шотман. — Он мне друг с детства. Человек надежный.

Эйно Рахья тоже знал смелого машиниста Ялаву. Он работал у Гуго помощником на паровозе после пятого года. В те времена они умудрялись перевозить через границу даже раненых товарищей.

— Хорошо, если Ялава согласится, — сказал Рахья. Они с Шотманом поехали к машинисту и обо всем договорились. Надо было только с Приморской железной дороги переправить Ленина ближе к Финляндской. На это уйдет не менее суток, решили они. Чтобы иметь на всякий случай нелегальную квартиру, Рахья упросил Люли пойти к ее двоюродному брату — Эмилию Кальске, жившему недалеко от Финляндской железной дороги.

— Эту неделю твой брат работает в ночную смену, — сказал Эйно. — За его больной женой нужен присмотр, так что у тебя оправдание будет. Мы явимся, наверное, ночью. Ты не спи, поглядывай в окно. Как только появимся во дворе, сразу открывай дверь, чтобы стучать не пришлось. А то еще соседей всполошим.

На озеро к Ленину Рахья с Шотманом прибыли после обеда. Александр Васильевич принарядился на этот раз, чтобы походить на барина-дачника.

Емельянов сказал, что он знает тропы через лес на станцию Левашове.

— Верст пятнадцать-шестнадцать будет, не больше, — заверил он.

Решили пойти пешком. И вот под вечер, когда они уже собрались в путь, за кустами показался какой-то усач.

— Кто такой? — спросил Ильич.

— Сосед, — успокоил его Николай Александрович и пошел узнать, что тому нужно.

Соседу, оказывается, требовался косарь за небольшую плату.

— Кто у тебя работал? — спросил он у Емельянова. — У меня сын заболел, косить некому.

— Да финн тут один.

— По-русски говорит?

— Какое! Молчит, как все они.

— А не пойдет ли он ко мне работать?

— Не, не зови. Домой собрался, не удержишь.

— Жаль, жаль!.. Мне без поденщика зарез: травы перестояли.

Когда сосед ушел, Владимир Ильич поднялся и, низко поклонившись Емельянову, как это делали встарь, шутливо сказал:

— Спасибо, Николай Александрович, что в батраки не отдали. Век буду помнить.

Как только стало смеркаться, всей компанией двинулись по едва приметной тропке в лес. Впереди шагал Емельянов, за ним Рахья, затем Ленин, Зиновьев, а позади всех Шотман. Шли по чавкающему болоту, продираясь сквозь кустарник. Минут через тридцать выбрались на проселок. Тут стало веселей. Дорога была песчаная, сухая, навстречу — ни души.

Но вот Емельянов неожиданно свернул в сторону. Сначала он шел смело, потом начал неуверенно поглядывать по сторонам и, вдруг остановившись у какой-то речки, признался, что сбился с пути.

Речка от дождей разлилась. Пришлось всем раздеться догола и, держа одежду над головой, переходить вброд.

На другом берегу Владимир Ильич и его спутники оделись и принялись искать тропку. Но в сумеречной мгле они опять попали в болото, а из него в торфяное пожарище.

Дышать стало трудно. Торф горел под слоем земли. Через мох пробивался едкий и удушливый дым. От дыма было темно, ни земли, ни неба не видно. Спекшаяся земля потрескивала и колыхалась. Если кто-нибудь делал неосторожный шаг, из-под ног роем вырывались искры. Того и гляди провалишься и очутишься по пояс в раскаленной торфяной золе.

После долгих блужданий среди тлеющих сосенок и кустарников, кашляя и задыхаясь, они, наконец, пошли дальше. Темный лес, казалось, никогда не кончится. Но вот вблизи послышалось какое-то шипение. Все остановились, начали прислушиваться.

Там, впереди, пыхтел паровоз, выпускающий пар. Затрубил рожок стрелочника... Невидимый поезд тронулся, колеса застучали на стыках рельсов.

50

11917-1967

Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Послали Емельянова узнать, что это за станция, а сами уселись в ожидании под соснами. Всем хотелось пить и есть. Но никто не догадался захватить с собой еды. Только у Шотмана в кармане оказались три огурца. Их разделили и съели без соли.

Через несколько минут вернулся Николай Александрович.

— Кажется, Дибуны, — неуверенно сказал он.

— Как это «кажется»? Почему в точности не удостоверились? — с укоризной спросил Владимир Ильич. — В таких делах ничего нельзя делать на авось.

После Емельянова на разведку пошел Рахья. Он приблизился к вокзалу, прочел на стене надпись и, возвратясь, уже твердо заявил:

— Станция Дибуны.

Странно получилось: они шагали в обратную сторону от границы, а вышли опять к ней. От Дибунов до пограничной станции оставалось не более семи верст. Здесь можно нарваться на патрули.

Стараясь не шуметь, вышли к перрону и сели на скамейку. Емельянов сходил к стрелочнику и узнал, что последний поезд на Петроград пойдет в половине второго ночи.

Ждать оставалось минут пятнадцать. Шотман пошел в кассу за билетами. Но, не войдя даже в зал, вернулся.

— В зале много патрульных, — сказал он.

Патрульные в любой момент могли поинтересоваться, что за люди в такой поздний час появились на пустынном перроне.

Владимир Ильич, Зиновьев и Рахья отошли в кусты у насыпи, а Емельянов с Шотманом остались сидеть.

Не прошло и трех минут, как из помещения станции вышел военный с шашкой на боку. Оглядев перрон, он направился к сидящим на скамейке.

— Ваши документы? — козырнув, спросил он.

У Шотмана оказалось удостоверение служащего Финляндской дороги, а Емельянову, кроме заводского рабочего номера, показывать было нечего.

— Что ты делаешь здесь так поздно? — стал допытываться офицер.

— Сижу, поезда дожидаюсь, — ответил Николай Александрович. — А разве нельзя?

Он понял, что это комендант, и решил препираться, не отпускать его от себя.

— Иди за мной! — грозно приказал офицер.

— А зачем? Мне и здесь неплохо.

— Иди, говорят!

Офицер грубо толкнул его в плечо.

В помещении комендатуры было накурено. Здесь толклись гимназисты и юнкера, вооруженные винтовками. Офицер уселся за стол и, сделав строгое лицо, уставился на Емельянова.

«Ага, разыгрываешь из себя грозное начальство! Это мне на руку. Только бы ты на перрон не вышел», — думал Николай Александрович и, не спросив разрешения, уселся на скамью, небрежно развалился.

— Говори, кто ты? — стал допрашивать комендант.

— Сказано, рабочий Сестрорецкого завода.

— Рабочий! — с презрением процедил офицер. — А ведешь себя как? Встать, когда разговариваешь с комендантом! Обыскать его! — приказал он юнкерам.

Те обшарили карманы Емельянова и нашли депутатский билет, который Николай Александрович должен был передать одному из членов Петросовета.

— Твой билет? Ты депутат? — спросил офицер.

— Какой билет? Подобрал эту бумажку, думал, пропуск кто обронил.

Емельянов показал ветхую подкладку сильно поношенной куртки. Сунул руку в дырявый карман и в прореху показал указательный палец.

— Вот какой я депутат!

Все, кто был в комнате, расхохотались.

— На Сестрорецком заводе слесарем работаю. Понял?

— Сколько же лет ты там работаешь?

— Без малого тридцать.

— Тогда ты все начальство должен знать. Назови фамилии.

Емельянов стал перечислять всех старых и новых начальников, чтобы затянуть допрос. «В случае чего, ударю, пойду на скандал, — решил он. — Владимир Ильич успеет уехать».

Офицер нетерпеливо перебил его: (

— А кто старший врач на заводе?

— Гречин, конечно. Ох и взяточник же! Паршивый человек!

— "Что? — Комендант угрожающе поднялся и ударил кулаком по столу. — Как ты смеешь оскорблять моего дядю?

Он готов был избить Емельянова.

В это время подошел поезд. Несколько патрульных выскочили на перрон. Офицер, злобно выругавшись и пообещав: «Я тебя под расстрел подведу, сукина сына», — начал что-то писать.

На перроне неожиданно появились военные и штатские. К Александру Шотману подошел вооруженный юнец в форме ученика реального училища и предупредил:

— Господин дачник, это последний поезд. Больше в Петроград ничего не будет, садитесь.

Растерявшемуся Шотману ничего не оставалось, как поспешить к вагону и при помощи юнца подняться на площадку.

Владимир Ильич все это видел из кустов. Как же быть? Остаться в Дибунах до утра? Опасно. И к вагонам не подойдешь: арестуют.

Прозвучал сигнал к отправлению. Скучно освещенные вагоны один за другим медленно проплывали мимо. Раздумывать больше было нельзя. Владимир Ильич сказал Рахье:

— Садимся!

Они Нагнали последний вагон и один за другим на ходу вскочили на подножку, прошли в вагон. На их счастье, пассажиров не оказалось. Вошедший кондуктор, осветив фонарем неожиданных пассажиров, спросил:

— Ваши билеты?

— У нас билетов нет, — сказал Рахья. . . .

— Как так нет? Кто же вы такие, что без билетов ездите?

— Мы сестрорецкие рабочие. . . нам денег давно не выплачивали.

— Ах, вот оно что! До ручки, значит, дожили при новом-то царе, Керенском?

— Дожили! — согласился Рахья.

Кондуктор сочувственно вздохнул и, поставив фонарь на скамейку, сел напротив.

— Ну, что с вами поделаешь, — сказал он, — езжайте «зайцами». Нам тоже уже второй месяц не платят.

По пути кондуктор стал допытываться:

— А правда ли, что большевики — немецкие агенты, а Ленин на аэроплане за границу перекинулся и там с певичками гуляет?

— Вранье все, сплетни, никуда он не перекинулся, — возразил Рахья. — Здесь живет, статьи пишет. Не читал разве?

— Да грамотей я неважный, — признался кондуктор. — В нынешних газетах разве разберешься? А что у вас на заводе говорят? Вы ведь, сестрорецкие, все политиками стали...

Рахья стал объяснять словоохотливому кондуктору, что такое большевики и чего они хотят. Владимир Ильич, опасаясь, как бы железнодорожник не опознал его, сидел в темном углу и, опустив голову, делал вид, что дремлет.

Не доезжая одной остановки до Петрограда, они вышли из вагона и исчезли в темноте.

Арестованного Николая Александровича комендант продержал до прихода ночного поезда из Петрограда. Под дулами револьверов Емельянова вывели из комендатуры, посадили в вагон и заперли в служебном купе.

В Белоострове в вагон с арестованными пришел унтер-офицер Смирнов. Он был членом Сестрорецкого Совета рабочих и солдатских депутатов и хорошо знал Николая Александровича.

— Ты как сюда попал? — не без удивления спросил Смирнов.

— Ваше начальство загребло.

— За что?

— Повздорил малость... и об офицерском дядюшке Гречине нехорошо отозвался.

Смирнов оглядел опустевший вагон, открыл пошире дверь служебного купе и сказал:

— Беги. А я скажу, что ты раньше в окно удрал. Емельянов выскочил из вагона и пешком пошел домой.

Третью ночь Люли не спала: сидела у окна в квартире Ка"льске и поглядывала на калитку. «Не случилось ли что с Эйно? — думала она. — Не попал ли он с товарищами в руки шпииков?»

В четвертом часу ночи у калитки вдруг появились три темные фигуры. Двое мужчин в длинных пальто, третий — в куртке. Один за другим они прошли во двор, впереди был Эйно.

Люли бросилась к дверям, откинула крюк и, пропустив ночных гостей в дом, хотела зажечь лампу.

— Света не надо, — предупредил Эйно. — Нам хватит уличного фонаря.

Кальске жил очень бедно, у него не оказалось лишней кровати и постельного белья. Пришлось прикрыть крашеный пол газетами, постелить на них два тощих тюфяка, а в головы уложить свернутые пальто и куртки.

Улегшиеся на полу мужчины не могли угомониться, вполголоса переговаривались, вспоминая, что с ними приключилось в пути.

Все же куда делся Шотман? — недоумевал Ленин. — Почему он не сошел с поезда на Удельной?

Шотман появился в пятом часу. Решив, что Ленин и его спутники остались в Дибунах, он так расстроился, что вышел из вагона на одну остановку раньше, а когда спохватился, то было поздно: поезд уже ушел. Пришлось шагать пешком.

— Как же вы раньше меня приехали? — удивился он.

Ленин и Рахья, словно не было никакой опасности, принялись весело хохотать.

— Мы видели, как вас штыком в вагон подсаживали, — сказал Владимир Ильич, — Горе, а не конспираторы!

На другой день Люли поехала в Петроград, чтобы предупредить машиниста Ялаву.

Вечером, собираясь покинуть дом Кальске, Владимир Ильич отдал Шотману синюю тетрадь и предупредил:

— Берегите пуще глаза. Здесь выписки для моей новой книги «Государство и революция». Без нее мне нечего будет делать в Финляндии.

— Хорошо, — ответил Шотман. — Прячу в потайном кармане на груди.

В путь стал собираться и Рахья.

На станцию Удельная они пошли втроем. В зал все не входили. За билетами отправился Шотман, а Владимир Ильич и Рахья зашагали к переезду и там остановились в таком месте, куда свет фонарей не доходил.

Райволовский поезд пришел точно по расписанию. Гуго Ялава, как было условлено, остановил паровоз в самом темном месте. Кочегар, Не мешкая, Покинул паровоз, а Владимир Ильич быстро вскарабкался по железным ступенькам в паровозную будку.

Кочегар сел в первый вагон, Рахья — во второй, Шотман — в третий, а Люли находилась в четвертом. Все они из окон следили за паровозом, и на всякий случай мужчины держали в карманах заряженные револьверы. При необходимости они бы подняли стрельбу. Но все прошло благополучно, поезд тронулся и пошел дальше. Несколько освоившись на паровозе, Владимир Ильич спросил:

— А что у вас делал кочегар?

— О, работа нелегкий, — ответил Ялава. — Надо доставать дрова с тендера, бросать в топку... держать огонь. Но вам не надо, мы сами.

Ильич не согласился с ним. Сбросив пальто, он засучил рукава и стал выполнять работу кочегара: доставал березовые плахи с тендера и складывал их в клетку. Помощник машиниста бросал дрова в топку и так шурувал, что пар до самого Белоострова не снижался.

В Белоострове вагоны запирались: начиналась проверка документов. Подозрительных пассажиров пограничники забирали и уводили в комендатуру. Была опасность, что они доберутся и до паровоза.

Машинист решил перехитрить пограничников. Он отцепил паровоз от состава и погнал его к водокачке, где было совсем темно. Воду набирали до тех пор, пока не раздались звонки.

Дождавшись последнего сигнала, Гуго Ялава подкатил к вокзалу. Там его помощник прицепил паровоз к вагонам, и они, не дожидаясь свистка обер-кондуктора, тронулись в путь.

Брат капиталиста

В стороне от деревни Ялкала, меж двух озер, стоял приземистый финский дом, покрытый дранкой. К дому тянулась едва приметная проселочная дорога. По ней редко кто ездил. Кругом шумел высокий хвойный лес. Березы росли только у дороги и на болоте.

Здесь, у леса, жили Парвиайнены. Детей у них было много: шесть сыновей и две дочери. Впрочем, не все они жили с родителями, старших потянул к себе Питер. Там они работали и ютились в небольших дешевых комнатах.

Иногда к старикам из русской столицы приезжала старшая дочь, проворная крепышка Люли. В последний раз Люли приехала всего на два часа. Она привезла малышам гостинцев, расцеловала мать и, уйдя с нею на кухню, шепнула:

— Мама, приготовь ту комнату, где молоко ставишь, она ведь чистая? К нам очень хороший человек приедет, ему отдохнуть надо.

Люли так торопилась, что не сбегала даже на озеро искупаться. Сговорившись с братом Иоганном, где он будет встречать ее в субботу, она наскоро выпила кружку молока, сорвала несколько цветков, росших около дома, и уехала.

В доме пустовала небольшая комната с голыми бревенчатыми стенами. В ней обычно ставили на простоквашу молоко, хранили творог, сметану. Анна Михайловна убрала

комнатку, полы некрашенные вымыла, поставила кровать, столик, лампу и постлала пестрый половичок.

Вернувшись с поля, Парвиейнен поглядел на ее работу и нахмурился. Анна Михайловна знала крутой и несговорчивый характер мужа и ждала, что он сейчас рассердится, но старик молчал. Он любил свою старшую дочь и ради нее был готов принять гостя.

В субботу вечером Иоганн запряг коня и поехал на станцию Териоки. Тучи заволокли небо. От порывов ветра сосны раскачивались, шумели вершинами. Молодой конь то и дело вздрагивал и, наострив уши, замедлял ход. Иоганну приходилось подстегивать его хворостиной.

Привокзальная площадь была освещена тусклыми фонарями. Юноша выбрал место потемней, как просила сестра, и стал ждать поезда.

Ветер не унимался. Начал накрапывать дождь. Иоганн, конечно, мог бы пройти в здание вокзала, где было светло и сухо, но он накрылся брезентом и не отходил от повозки. Люли строго наказывала никуда не отлучаться.

Паровоз прогудел вдали, когда уже совсем стемнело. Вскоре показались его огни. Пассажирский поезд подкатил к станции с таким грохотом и фырканием, что конь от страха рванулся с места и понес. Иоганн ухватился за гриву и едва удержал испуганного дикаря на краю площади.

Пока парнишка возился с дрожащим конем и успокаивал его, на площадь высыпали пассажиры. Одни из них пошли пешком, а другие, усевшись в крытые извозчичьи пролетки, укатили под мост в город.

Люли подошла к Иоганну, закутанная в дождевик.

— Где же гость? — поинтересовался он. — Не приехал?

— Ладно, помолчи...

Сестра почему-то говорила шепотом и с опаской поглядывала в сторону освещенного вокзала.

Она села в повозку рядом с Иоганном, и, не задерживаясь, они двинулись в путь по темной, покрытой лужами дороге.

Люли сперва торопила брата, а потом, когда скрылся из виду вокзал, тронула за плечо и сказала:

— Не гони, поедем шагом.

Она все время всматривалась в темноту и прислушивалась, точно ждала погони. Ее беспокойство передалось Иоганну, он тоже насторожился.

Так они проехали километра два. Темнота еще больше сгущалась. От ручья и с полей поднимался туман, в низинах он закрывал дорогу. Дождь перестал накрапывать, только деревья изредка роняли капли на вздрагивающую листву кустарника.

Начался сосновый бор. Здесь дорога была суше. Под колесами заскрипел песок.

У поворота из леса вдруг вышел человек.

— Люли! — негромко позвал он.

Это был Эйно, Иоганн узнал его по голосу.

Как только Люли откликнулась, сразу же из леса вышел второй человек. Оба уселись в повозку, и Эйно сказал:

— Поезжай быстрее.

Всю дорогу гости и сестра разговаривали вполголоса.

— Константин Петрович, вам, наверное, сказали, что мы муж и жена? Об этом, пожалуйста, не говорите матери и отцу Люли, — попросил Эйно. — Мы для них жених и невеста. Они не признают гражданского брака. Рассердятся, если узнают, что мы не венчаны.

— Постараюсь не выдать, — пообещал Иванов и обратился к Люли: — А чем ваш отец занимается?

— Когда-то работал литейщиком, теперь крестьянствует, — ответила она.

— Почему же он ушел с завода в деревню?

— Так вышло. Семья у нас большая — десять ртов. А у отца почки стали болеть. Кому нужен больной человек? Хозяин стал спрашивать: «Почему брат тебя к себе не возьмет? Он мог бы дать работу почище». Брат моего отца — богач, владеет чугунолитейным заводом на Охте. Чтобы его не попрекали нуждающимся братом, он купил дом у деревни Ялкала и сказал: «Дарю тебе его с гектаром земли, хозяйствуй и в город больше не показывайся». Отец смирился, а я не поехала сюда. Сама себе на жизнь зарабатываю. Не люблю богатого дядьку.

«Удивительное переплетение, — думал Владимир Ильич. — Как только Шотман сумел найти такую семью? Смышленный конспиратор. Кому в голову придет, что меня будет скрывать брат крупного капиталиста?»

«Чего они опасаются, вполголоса говорят?» — не понимал Иоганн, но спросить не решался.

К дому подъехали поздно. На крыльцо вышли мать и отец с фонарем. Первым с повозки соскочил Эйно. Он поздоровался со стариками и представил им гостя:

— Знакомьтесь... Константин Петрович Иванов. Иванов сначала подал руку старшим, а потом за руку поздоровался и с детьми. Старики сразу отметили: вежливый человек.

Гости отряхнулись от прилипшего к одежде сена и прошли в дом. Иоганн и отец остались распрягать коня. Вскоре к ним вернулся Эйно.

— Кто ваш Иванов будет? — спросил Парвиейнен.

— О рабочих пишет, — негромко ответил Рахья. — В Питере житья ему нет. Приютите на время.

Старик молча отвел коня в хлев, задал ему корма и, видя, что Эйно не уходит со двора, стоит в ожидании, неохотно произнес:

— Ладно, пусть живет. Места всем хватит.

В большой комнате все сели за стол. Иванов у стенки, рядом с ним Люли, с другой стороны Эйно. Гость разговаривал, слегка прищурясь и посмеиваясь. Он, видно, два дня не брился: щеки и подбородок заросли золотящейся щетиной. От карих и очень живых глаз морщины разбежались наподобие лучей и делали их лукаво-веселыми.

Старик внимательно приглядывался к нему. Одет Иванов бедно: темная рубашка-косоворотка, старенький пиджак с потертыми рукавами. А по разговорам и манерам видно, что Иванов — человек не простой. Всех он называл на «вы» и всякий раз, когда хозяйка подвигала ему пирог или наливала в чашку кофе, благодарил ее.

Старик обратил внимание на руки гостя: небольшие, обветренные, но не огрубевшие, лишь кое-где в порых темнели следы неотмытой сажи или мазута.

Ел Иванов с аппетитом. Даже хозяину показалось, что жена сегодня приготовила ужин вкуснее, чем обычно.

«Что же такое этот человек мог натворить? — думалось старику. — За что его хотят арестовать? Наверное, политический, — строил он догадки. — Их всегда преследуют».

Когда старик работал литейщиком на заводе, он встречал немало революционеро-рабочих, не боявшихся ни тюрем, ни каторги. Он завидовал их независимости и бесстрашию, но сблизиться не решался.

После кофе гости еще немного посидели. Иванов заговорил о войне. Слушать его было интересно. Чувствовалось, что он многое повидал и многое знает. ...

«Пусть живет. Хороший человек, — решил старик. — Такой на подлые дела не способен».

Утром Иванов вымылся в бане, побрился и сразу стал моложе. Глаза заблестели, глубокие складки у рта разгладились.

— Впервые за этот месяц спокойно спал, — сказал он Эйно. — А после бани словно двадцать лет долой!

После обеда Люли и Эйно уехали, а гость остался жить в каморке.

Вставал Константин Петрович рано, наскоро завтракал вместе со всеми на кухне и принимался за работу: сидел за столом и все писал и писал.

Первое время, когда к нему в каморку кто-нибудь заглядывал, Иванов прятал листки, потом перестал остерегаться хозяев. Писал он быстро и мелко, свободного местечка на листке не оставлял.

Странный был гость — без газет он жить не мог. Иоганн с Эдвардом по очереди брали велосипед, мчались на вокзал в Териоки и там покупали все вечерние и утренние выпуски. Газет тогда выходило много, и Константин Петрович умудрялся все прочитывать.

Хозяин приглядывался к гостю и думал: «Что же он ищет в газетах?» Любопытствуя, старик сам стал читать газеты. По вечерам, когда Константин Петрович отдыхал у большого замшелого валуна, Парвиайнен подсаживался к нему и заводил разговор о политике. Гость с готовностью объяснял ему непонятное.

«Светлая голова, — пришел к заключению хозяин. — Что-то недоговорил мне Эйно».

И старик, работая в поле, с нетерпением ждал вечера, чтобы опять встретиться с Ивановым и потолковать с ним о жизни, о будущем.

Хозяйке тоже нравился своей вежливостью неунывающий и трудолюбивый гость. В еде он не привередничал: похваливал все, что она готовила, и в тарелке обычно ничего не оставлял. Больше всего ему полюбились финские ржаные пироги. Они пеклись по субботам, но Иванов и в другие дни, лукаво прищурясь, спрашивал:

— Анна Михайловна, а сегодня случайно не суббота?

— Суббота, суббота, — с торопливой готовностью отвечала хозяйка и принималась замешивать тесто.

Спутниками во всех прогулках Иванова были хозяйские белобрысые мальчишки: шестилетний Вернер и восьмилетний Эверт. Ребята знали, в какой час Константин Петрович прекращает работу. Они молча сидели на скамейке у дома и терпеливо ждали его.

Когда Иванов с затуманенными от работы глазами показывался из своей каморки, мальчишки бросались ему навстречу.

Втроем они отправлялись в лес или на озеро.

Ребята не умели говорить по-русски, а Константин Петрович — по-фински, и все-таки они как-то понимали друг друга. Иванов запомнил, как по-фински красные ягоды. Если ему хотелось поесть брусники, он произносил эти слова, и ребята мгновенно мчались к брусничнику.

Веселей всего с Ивановым было на озере. Он отдавал команду:

— Вэси!

По-фински так называется вода. Но ребята знали: Константин Петрович зовет купаться. Они сбрасывали рубашонки и штанишки на траву и раньше Иванова прыгали в воду.

Иногда Константин Петрович вдруг ни с того ни с сего становился задумчивым, оставлял мальчиков загорать на песке, углублялся в лес и, заложив руки за спину, ходил по тропинке, о чем-то размышляя. Но никто не видел Иванова грустным. Все, чем бы ни занимался Константин Петрович, он делал с веселым азартом. Если собирал грибы, то старался больше других набрать темноголовых, крепких, как репка, боровиков. А как он умел смеяться! Смеялся Иванов заразительно, смеялся до слез. И любознательный был, как никто еще в этих местах. Ему надо было знать, кто и как живет в деревне Ялкала, о чем крестьяне думают, кого ругают.

В воскресенье приехала из Петрограда Люли.

— О, да вы, Константин Петрович, за эти дни даже посвежели! — удивилась она.

— А как же! Друзей у меня много. Кругом раздолье. И работается хорошо, — ответил он. — Здесь я успел многое сделать. Когда-нибудь приеду к вам отдыхать с женой. Можно будет?

— Пожалуйста.

Уезжая, Люли получила от Константина Петровича какие-то письма, спрятала их в книгу, которую читала по дороге, и, прощаясь с матерью, шепнула:

— Мамочка, приглядывай за Константином Петровичем, пусть ему у нас будет хорошо.

— Без тебя знаю, — ворчливо ответила та, — не учи. Отцу Люли опять ничего не сказала об Иванове.

И он рассердился на нее за скрытность.

На другой день, выбрав минутку поудобней, когда никого вблизи не было, старик подсел к Иванову и смущенно сказал:

— Признайся... Ты ведь не Константин Петрович?

— Почему вы так решили? — чуть склонив голову, сощурясь, спросил гость.

— А я разве слепой?.. В наших финских газетах часто о вас пишут.

Взгляд у гостя стал острым. Он настороженно всматривался в старика, словно хотел проникнуть в душу, узнать, что тот задумал.

— Ты не бойся, — успокаивающе сказал Парвйайнен, — живи сколько хочешь. Я на стороне рабочих. От меня никто не узнает, что тебя зовут Ленин.

У гельсингфорского «полицмейстера»

Пока Владимир Ильич жил у Парвйайнена, Шотман отправился в столицу Финляндии. В Гельсингфорсе был у него давний друг — Густав Ровно. Этот веселый и отчаянный парень неожиданно взлетел на высокий пост. За смелость и решительность рабочие выбрали его в начальники милиции, а по положению начальник милиции считался старшим помощником полицмейстера. В Гельсингфорсе случилось так, что полицмейстер, испугавшийся нараставших событий, подал в отставку. И Ровно волей-неволей пришлось выполнять его обязанности.

Придя на прием к «красному полицмейстеру», Шотман вспомнил молодость, поговорил о питерских делах, а потом по секрету сообщил, что партия поручила ему переправить в Финляндию Ленина и надежно укрыть.

— Что ты говоришь? — удивился Ровно. — А я только что собирался писать ему письмо. Мы хотели пригласить Ленина на наш праздник, который проводим в последнее воскресенье августа. Он будет у нас главным оратором.

— Нет, теперь ему не до речей. Всюду шпики. И тебя прошу: никому ни слова. И подумай, где бы поселить Ленина.

— Зайди денька через два-три, — сказал Густав, — что-нибудь подыщу.

— Мне надо сегодня знать.

— Ну, хорошо. Веди тогда прямо ко мне на квартиру. Только предупреждаю: никаких услуг. Жена уехала в деревню, так что жить придется по-холостяцки.

— Еще и лучше, — заверил Шотман. — Ему для работы тишина и покой нужны. А раз жены нет, значит, любопытные соседки заходить не будут. А то ведь эти сороки все вынюхают и по городу разнесут.

Они условились, что сигналом для встречи будет телефонный звонок из Лахти.

В один из августовских дней в Ялкалу приехали два финна и спросили Иванова. Отрекомендовавшись артистами Народного дома, они сказали, что Шотман поручил им загримитовать Константина Петровича и отправиться вместе с ними в Лахти.

Ильич не возражал, он только попросил подождать Люли, которая должна была привезти письма из Петрограда.

Когда Люли приехала, Владимир Ильич передал ей записку для Надежды Константиновны и десятка два страниц книги «Государство и революция».

— Смотри, Люли, за эти листки отвечаешь головой. Если они пропадут, значит, и ты пропала, — в шутку пригрозил он. — В сохранности передай все Надежде Константиновне. А родителям скажи, чтобы мои бумаги из печки никто не брал, их нужно сжечь.

Было уже около двенадцати часов ночи, когда Владимир Ильич, загримированный под финского пастора, с двумя артистами и Эдвардом отправились на вокзал.

Лошадь шла плохо. Они едва не опоздали к лахтинскому поезду. Хорошо, что билеты были куплены заранее. Владимир Ильич успел сесть в вагон за минуту до звонка.

В небольшом и тесном вагоне было жарко. Старательные артисты наложили на лицо Ильича столько грима, что от жары он потек. Слабо приклеенная борода отстала. Пришлось пойти в уборную, сдрать бороду и смыть весь грим.

До Лахти доехали благополучно. Здесь их встретил Шотман. Поблагодарив артистов, Александр Васильевич не сразу отправился в Гельсингфорс, сначала он повез Ленина к знакомому лахтинскому рабочему, а через два дня — к депутату сейма, жившему в пригороде столицы. Оттуда позвонил Шотман по телефону Густаву Ровио и сказал:

— Все благополучно. Завтра буду у тебя.

Они договорились встретиться в одиннадцать часов вечера у Хагнесского рынка.

В условленный час новый полицмейстер столицы вышел на улицу и, как бы недовольно присматриваясь к тускло горевшим фонарям, остановился в назначенном месте.

Из темноты вышли двое. В одном Ровио узнал депутата сейма Вийка, другой был ему незнаком.

— Господин полицмейстер! — как бы случайно встретясь, воскликнул Вийк. — Вышли прогуляться? Хороший вечер, не правда ли?

— Да, вечер прекрасный! Вот с освещением у нас плохо, не по-столичному. На такой площади должно гореть больше фонарей.

Вийк представил своего спутника, но так тихо, что Ровио не разобрал имени, хотя понял, что перед ним стоит Ленин.

— Очень рад, — сказал он негромко и дружески пожал руку.

Вождь большевиков походил на скромно одетого учителя или пастора. Он был невысок, гладко выбрит, носил широкополую черную шляпу, надвинутую на лоб.

Они прошлись втроем вокруг площади. Вийк разговаривал с Лениным по-французски, Ровио их не понимал. Он шел рядом и с опаской посматривал по сторонам: не следит ли кто за ними. Риск был большой. Ведь он взялся укрывать человека, объявленного вне закона, и это вызвало у него возбуждение, какое бывает в моменты опасности.

У скобяного магазина депутат Вийк покинул их, свернув в темный переулок. Ровио молча повел гостя к своему дому, не зная, как с ним держаться.

В подъезде они еще раз огляделись и лишь затем поднялись на пятый этаж. Открыв дверь с цифрой «22», Ровио пропустил гостя в переднюю и зажег электрический свет.

У вновь испеченного полицмейстера столицы была весьма скромная квартира: одна комната и кухня.

— Располагайтесь, как дома, — сказал хозяин по-русски. — Я здесь бываю редко. Надо только условиться... как вы будете питаться?

— Я не привередлив, — ответил Ленин. — Если вы достанете яиц, немного масла или сала, больше ничего не понадобится. *

— Может, лучше приносить обеды из нашей кооперативной столовой? Повар Арви неплохо готовит.

— Спасибо. У вас же нет свободного времени. К тому же обеды, которые носят в пустующую квартиру, вызовут излишнее любопытство. Лучше помогите мне с газетами. Когда они приходят в Гельсингфорс?

— Почтовым, в седьмом часу вечера.

— Вам придется каждый вечер ходить на вокзал и покупать все русские газеты. Кроме того, необходимо наладить пересылку почты через надежного человека.

— Такой человек будет. Есть знакомый в почтовом поезде. Он через день бывает в Петрограде.

Густав и не заметил, как с первого часа знакомства был вовлечен в дела Ленина и стал его невольным помощником.

Вскипятив на газовой плитке воду и заварив чай, хозяин выставил на стол засохшее печенье, оставшееся со дня отъезда жены. Никакой другой еды у него в запасе не было, так как питался он не дома.

После чая Владимир Ильич помог убрать со стола посуду и посоветовал хозяину лечь спать.

— Мне еще нужно поработать, — виновато сказал он. — Статья не терпит отлагательства.

Несмотря на поздний час, Владимир Ильич уселся за стол, бегло просмотрел привезенные с собой газеты и принялся писать. Писал он быстро, сосредоточенно, только изредка бормотал фразы перед тем, как их записать.

50

1917-1967

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда
мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть подвиг доблести и
подвиг славы,

Хозяина поразило это умение без всякой подготовки и освоения на новом месте садиться за серьезную работу.

«Вот это работоспособность! — с завистью подумал Ровио. — Ну и человечие! У такого есть чему поучиться».

Он так и уснул, не дождавшись, когда гость погасит свет.

Проснулся Ровио в девятом часу. Ленин спал, положив руку под щеку. Стараясь не разбудить гостя, хозяин ополоснул под краном лицо и взглянул на стол. Там лежали газеты, чуть потрепанная синяя тетрадь и стопка свежеисписанных листков.

«Видно, работал до рассвета, — решил Ровио. — Проснется, наверно, поздно. Успею побывать на службе и купить чего-нибудь на завтрак».

В полицейском управлении, прежде чем просмотреть бумаги, он вызвал к себе уборщицу, дал ей денег и попросил купить на рынке сотню яиц, свежих помидоров, деревенского сыра, масла, сала.

— Что, уже жена приезжает? — спросила женщина.

— Нет, решил сам себе готовить завтраки, — ответил Ровио. — Натощак вредно курить.

— Да, курите вы много. Но лучше пить молоко, — посоветовала уборщица.

— Молока мне не надо, оно быстро прокисает. Когда Густав принес продукты, он застал Ленина сидящим на корточках перед открытым книжным шкафом. Владимир Ильич просматривал на нижней полке толстые тома.

— У вас прекрасная библиотека, — похвалил Ленин. — Маркс и Энгельс на немецком языке. Мне они понадобятся для работы. Прямо повезло.

— Значит, не зря в шкафу стоят? Очень рад! Я вам тут яиц, сыру и сала принес, — показал Ровио на корзинку, сплетенную из ивовых прутьев. — Думаю, на несколько дней хватит.

— Сколько я вам обязан?

Ровио вслух подсчитал стоимость продуктов. Владимир Ильич достал из заднего кармана брюк аккуратно сложенную хрустящую бумажку.

— У меня только «Катеринка» 1.

1 «Катерниками» называли сторублевые купюры, на которых была изображена царица Екатерина Вторая.

— Необходимо скорей обменять, — посоветовал Ровио. — Курс рубля непрерывно падает. Есть только трудность: наш банк принимает русские деньги на сумму, не превышающую десяти марок. Если я приду с солидной суммой, меня заподозрят в валютной спекуляции. Газетчики это раздуют в сенсацию. Они следят за милицией. Так что мне сперва придется разменять «Катеринку», а потом просить товарищей по очереди ходить в банк.

— А у товарищей это не вызовет... ну, скажем, любопытства?

— Понимаю вас. Я буду иметь дело с такими, которые объяснений у меня не требуют.

Густав Ровио сам умел зажигать людей, но то, что сумел сделать с ним этот русский, поразило его. Ленин ведь не льстил, не уговаривал, а был лишь настойчив в требованиях и не признавал отговорок, словно Ровио состоял с ним в одной партии. Впрочем, так оно и случилось. Ведь у Ровио не было расхождений с Лениным. Чем же он его все-таки взял? Верой в победу рабочих? Умом и ученостью? Или просто душевностью? Видимо, чудесным сплавом всего этого. Не хочешь, а выполняешь, что он попросит, и радуешься, если хорошо получается.

Ровио исчезал на весь день. Владимир Ильич сам готовил завтрак и сразу же садился за стол. Он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Работал Ильич много и споро. Возникавшие при чтении Маркса мысли порождали новые, никого не повторявшие, и это вызывало глубокую радость творчества. Порой Ленин работал без передышки даже на обед.

В его отшельнической жизни свежие газеты были отрадой. По разрозненным сообщениям с разных позиций он восстанавливал истинную картину жизни России и делал выводы.

Газеты расписывали, как Керенский, получив власть, переехал жить в Зимний дворец и все чаще стал принимать излюбленную наполеоновскую позу: по-императорски скрещивать на груди руки и смотреть исподлобья. На всех совещаниях за его креслом теперь стояли навытяжку два адъютанта.

Но не этот фигляр заботил Ленина. Он знал, что пустых болтунов революция быстро отметет. Все эти керенские, церетели, Черновы и даны были хлипкими краснобаями, скроенными по образцу русских интеллигентов-обывателей, не веривших в то, к чему призывали. Во много крат опасней стали Милюковы, рябушинские, терещенки, выражавшие волю крупных капиталистов. Решающий бой в конечном счете придется давать не керенским, а им. Поэтому Владимир Ильич внимательно следил за поведением главных врагов.

Рябушинские не верили «социалисту» Керенскому, заигрывавшему с Советами. Они подыскивали себе человека «дела и сабли» — решительного генерала, который не постесняется применить оружие. Думая о диктаторе, лидеры буржуазных партий то называли имя жестокого адмирала Колчака, то бывшего начальника Генерального штаба при царе — Алексева, но когда Временное правительство назначило главнокомандующим генерала Корнилова, поиски прекратились, диктатор был найден.

Свою решительность Корнилов уже показал. Это он, командуя Петроградским военным округом, приказал выставить против демонстрантов пушки на Дворцовой площади. Это он, а не кто иной восстановил на Юго-западном фронте палочную дисциплину и потребовал от Керенского введения смертной казни. Корнилов первый отдал приказ расстреливать из пулеметов воинские части, которые самовольно вздумают покинуть позицию. Генерала, конечно, надо было приукрасить, сделать национальным героем,

поэтому немедленно выпустили брошюру под громким заголовком: «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов». В ней поражения и неудачи выдавались за успехи, а подлость — за ум и геройство.

Кроме рекламы, сторонники Корнилова во всех крупных городах создавали тайные союзы.

В августе в Москве собрался торговый съезд. На этот съезд прибыли крупнейшие капиталисты России. Они открыто говорили о том, что надо принять решительные меры для обуздания бунтующей черни. Генералу Корнилову была послана приветственная телеграмма. В ней говорилось: «В грозный час тяжелых испытаний вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждою и верой».

В эти же дни Временное правительство устроило в Москве Государственное совещание. Партер и ложи Большого театра заполнились кадетскими профессорами, архиереями, предводителями земств и городских дум. Сюда же прибыли и «социалисты» во главе с Керенским. Московские рабочие, узнав, что в городе собрались все темные силы России, объявили забастовку. Керенский был вынужден вызвать для охраны Большого театра войска и, открывая совещание, пообещал, что он «железом и кровью» подавит всякие попытки изменить власть.

На другой день в Москву приехал главком Корнилов. На вокзале ему была устроена торжественная встреча. Офицеры на руках вынесли генерала из вагона на площадь, где миллионерша Морозова упала на колени перед будущим «спасителем России».

И небольшой, похожий на задиристого петуха, жидкоусый и жидкобородый генерал вообразил себя диктатором. Ораторствуя на совещании, он потребовал немедленно «упразднить Комитеты и Советы», а для наведения порядка ввести смертную казнь не только в армии, но и в тылу.

Государственное совещание превратилось в съезд заговорщиков. Пока меньшевики и эсеры уговаривали «живые силы» буржуазии войти в общую коалицию, банкиры и заводчики вели тайные переговоры с Корниловым.

Керенский с ревностью и настороженностью следил за быстро растущей популярностью генерала. Он даже пытался сместить главнокомандующего, но кадеты не позволили ему это сделать.

В Петрограде к премьер-министру явился обер-прокурор синода Львов. По секрету, как юрист юристу, он намекнул, что некоторые «общественные группы» настоятельно рекомендуют изменить состав кабинета.

— Какие общественные группы? — поинтересовался Керенский.

Львов дал понять, что он имеет в виду Ставку.

Керенский решил воспользоваться посредничеством обер-прокурора синода. Через него можно было многое выяснить. И премьер-министр попросил Львова поточнее выведать намерения Корнилова.

Львов помчался в Ставку и там встретился с Корниловым. Генерал вел себя как диктатор.

— Я посылаю для умирения конный корпус Крымова, — сказал он. — Предлагаю объявить отставку всех министров, не исключая и Керенского, а дела до образования нового кабинета передать заместителям министров.

Вернувшись в Петроград, обер-прокурор все это, конечно, передал в более мягких выражениях. Он даже намекнул, что и Керенскому будет обеспечено теплое местечко в новом правительстве.

Во избежание недоразумений Керенский попросил изложить условия Корнилова на бумаге. Львов не возражал.

Позже премьер-министр вызвал к прямому проводу из Ставки главнокомандующего и, передав привет обер-прокурора, от его имени попросил Корнилова лично подтвердить ультимативные требования. Провокация удалась: главнокомандующий охотно согласился это сделать и посоветовал Керенскому не мешкая выезжать в Могилев.

Имея в руках важное вещественное доказательство — телеграфную ленту, Керенский решил круто изменить свое поведение. Не опускаться же ему до второстепенных деятелей!

Укрыв для подслушивания в своем кабинете помощника начальника столичной милиции, он вновь вызвал обер-прокурора синода, усадил в подготовленное кресло и попросил для уточнения деталей еще раз изложить пункты ультиматума. Львов, удивляясь бестолковости бывшего адвоката, учтиво выполнил просьбу.

Как только обер-прокурор синода кончил говорить, премьер-министр поднялся и суровым голосом объявил:

— Обер-прокурор Львов, вы арестованы как соучастник мятежа!

Передав арестованного в руки милиции, Керенский поспешил на заседание Совета министров и там взволнованным голосом сообщил, что им только что раскрыт заговор. Показав ультиматум, подписанный Львовым, и телеграфную ленту, он потребовал себе чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежниками.

Кадеты, входившие в правительство, ждали всего от Керенского, но не такой выходки. Они сами были участниками заговора и не понимали, почему вдруг адвокат взбесился.

Полагая, что произошло какое-то недоразумение, министры принялись уговаривать премьер-министра не горячиться, пойти на соглашение и уладить дело миром.

Но возмущенный Керенский был непреклонен. Тогда кадеты заявили, что они выходят из состава правительства. Это был благовидный повод выполнить приказ Корнилова.

Оставшись с небольшой кучкой «министров-социалистов», Керенский обратился за поддержкой к Советам. Вместе с Чхеидзе он стал бить в набат и уговаривать питерских рабочих забыть старые обиды и объединиться для борьбы с приближающимися войсками Корнилова.

— Все, что нужно для обороны, мы дадим, — обещал он.

Но рабочие словам не верили, они потребовали оружия и освобождения из тюрем товарищей, арестованных в июльские дни.

Керенский вынужден был пойти на это. Иного выхода он не видел, хотя знал, что играет с огнем.

Пора возвращаться в Питер

Примчавшийся из Петрограда в Гельсингфорс Александр Шотман был необычайно возбужден. — Мы на коне! — радостно сообщил он Владимиру Ильичу. — Почти всех выпустили из тюрем, кончается подполье. Скоро вас опять встретит на вокзале почетный караул.

С забавными деталями он рассказал, как перетрусивший Керенский позволил большевикам открыто вооружать рабочие отряды.

— Мы оказались самыми деятельными, — продолжал радоваться Шотман. — Теперь у большевиков небывалый авторитет. Меньшевики и эсеры, видя, как трясутся их вожаки, рвали свои партийные билеты. «У вас народ дружнее, — говорили они нам. — Заодно драться будем». Корниловцы не дошли до Питера. Наши агитаторы распропагандировали их в пути. «Дикая дивизия» отказалась драться с рабочими, а казаки взяли да и арестовали своего генерала Крымова. Крымов так расстроился, что в горячах застрелился.

— Все же выходить из подполья еще рано, — заметил Ленин. — Керенские скоро опомнятся, раз опасность миновала. Нужно сделать так, чтобы оружие осталось у рабочих, тогда мы сумеем не только взять власть, но и отстоять ее.

На радостях Владимир Ильич приготовил омлет с сыром и заварил крепкий чай. Когда пришел Ровио с газетами, они сели ужинать. Разливая чай, Владимир Ильич поинтересовался, почему враждебная «Биржевка» расхваливает кронштадтских моряков.

— Да, да, матросов встречали с обожанием, — подтвердил Шотман. — Поставили охранять самые важные пункты. Произошла забавнейшая история. Керенский, заметив вооруженных моряков в Зимнем дворце, решил, что кронштадтцы одумались. Благосклонно улыбаясь, он принялся пожимать им руки и лукаво спросил: «Я только не понимаю, как у вас совмещается несовместимое: охраняете меня, а подчиняетесь Ленину!» Один из матросов вскинул руку к бескозырке, шелкнул каблуками и с невозмутимым видом ответил: «Простите, господин министр-председатель, мы не вас охраняем, а стоим на революционной вахте и смотрим, чтобы кто-нибудь из тех, кто сейчас во дворце, не переметнулся к Корнилову». Говорят, Керенский прямо взвился по лестнице и приказал адъютанту: «Убрать матросню! Она мне на нервы действует!»

На следующий день Шотман отправился к депутату Вийку и сказал:

— Надо бы найти для Ленина жилье с хорошей хозяйкой, а то ведь стыдно, что за ним некому присмотреть.

Вийк, нахмутив лоб, задумался.

— Может, к Усениусам поселить? — спросил он. — У них пока пустует комната. Мария обедом накормит и белье постирает.

Они сходили к Усениусам, договорились об оплате и вдвоем помогли Владимиру Ильичу перебраться на новую квартиру.

Но в гостеприимной семье гельсингфорского рабочего Владимир Ильич прожил недолго. Неожиданно появился постоянный жилец Усениусов, и Ленину пришлось спешно собрать свои пожитки и отнести обратно на Хагнесскую площадь. А у Ровио вот-вот должна была вернуться из деревни жена.

Стали подыскивать другое жилье. Наконец нашли удобную комнату в квартире железнодорожника-машиниста Артура Блумквиста. Железнодорожник состоял в рабочей организации финских шведов и считался надежным товарищем. Блумквисты детей не имели.

Эмилия с готовностью согласилась принять жильца. Хозяйка не знала русского языка, а Ильич — финского и шведского. Объясняться приходилось жестами или ждать вечера, когда появится с газетами Густав Ровио и переведет все, что им нужно было сказать друг другу.

У Блумквистов жилось лучше, чем у Ровио, но здесь Ленина почему-то одолевало тревожное чувство одиночества. Эмилия была заботливой хозяйкой. Она содержала квартиру в чистоте, готовила вкусные обеды и делала все, чтобы Ильичу хорошо работалось. Но добрая женщина была чрезмерно стеснительной, вела себя тише мыши: казалось, будто ее вовсе нет дома. Владимиру Ильичу не с кем было перекинуться словом, отвести душу, посмеяться. И так целые дни, потому что Ровио теперь забегал лишь на несколько минут и исчезал.

В один из вечеров Владимир Ильич меж ничего не значащих строк приветствий написал молоком Надежде Константиновне, чтобы она приехала к нему хотя бы на один-два дня. В нижнем углу письма он начертил план, по каким улицам нужно идти, чтобы без расспросов попасть к Блумквистам.

Получив «химическое» письмо, Надежда Константиновна принялась нагревать его над стеклом керосиновой лампы, чтобы невидимые молочные буквы приняли коричневый оттенок и их можно было прочитать. Нечаянно она передержала тонкий листок над лампой, и он обуглился именно в том месте, где был чертеж. Это сильно расстроило Надежду Константиновну. «Как же теперь быть? Русских в Гельсингфорсе немного, да и расспрашивать нехорошо. А он будет ждать и волноваться. Рискну, — решила она, — нашла же я Володю в Германии, хотя совсем не знала, где он живет, а тут адрес есть и фамилия хозяев».

Надежда Константиновна съездила в Разлив к Емельяновым и спросила, не смогут ли они добыть ей пропуск в Финляндию.

Жителям Сестрорецка, не работавшим на заводе, пропуска выдавал волостной староста. Емельянова сходила к жене старосты и попросила, чтобы та помогла ей выправить пропуск тетке Агафье Атамановой, жившей в Райвола. .

— Сама бы похлопотала, да некогда. Ведь семеро ребятишек, едва по дому управляюсь.

Старостиха взялась помочь и велела принести две фотографии.

Надежда Константиновна оделась по-деревенски, повязала голову, платком и так сфотографировалась. Потом она уехала в Петроград готовиться в дорогу.

Через два дня пропуск был получен. Надежда Константиновна приехала в Разлив с дорожной сумкой. Вытащив из нее деньги, завернутые в платок, она достала три двадцатипятирублевых бумажки и протянула их Емельянову.

— Возьмите, пожалуйста, у нас не было денег, теперь я получила...

— За что мне их? — удивился Николай Александрович.

— Ильич у вас так долго жил, питался... — начала было Надежда Константиновна.

Но Емельянов ее перебил: .....

— Он у меня гостем был... сам рыбу ловил... товарищи еду привозили. Что вы, как можно, не возьму! Не обижайте.

И он вернул ей деньги. Надежда Константиновна взяла, но позже, когда переодевалась в деревенскую одежду, незаметно сунула их под тарелку, стоявшую на столе, и никому ничего не сказала.

Емельяновы пошли провожать ее. Они пешком провели ее через дюны на станцию Оллила. Там купили билет в вагон третьего класса и посадили в поезд.

В душном и тряском вагоне Надежда Константиновна доехала до Гельсингфорса. В столице Финляндии, никого не расспрашивая, она ходила по улицам до тех пор, пока не наткнулась на нужную. Небольшой дом Блумквиста найти уже было нетрудно.

Владимир Ильич очень обрадовался приезду жены. Он не знал, куда ее усадить. Глаза Ильича сияли почти так же, как девятнадцать лет назад в селе Шушенском, когда она невестой вместе с матерью приехала к нему в ссылку.

— Проголодалась? — спросил Ильич, держа обе ее руки.

— Очень, — призналась она. — Правда, мне на дорогу достали баночку паюсной икры, но я знаю, как ты ее любишь, и не тронула.

— Тогда мы сейчас устроим пир!

Схватив икру, Владимир Ильич отнес ее хозяйке на кухню и попросил открыть к обеду.

Эмилия не поняла, что он ей сказал. Северянке не доводилось прежде пробовать паюсную икру. Решив, что в банке вакса, она достала сапожную щетку, сняла с икры крышку и все принесла жильцу.

Владимир Ильич в комическом ужасе схватился за голову. Он жестами объяснил, что в баночке не сапожная вакса, а лакомство, изысканная еда. А когда Эмилия поняла его и, смущенно улыбаясь, вытащила из буфета две ложечки для варенья, он так заразительно хохотал, что рассмеялась и Надежда Константиновна.

Питерские дела радовали. Большинство арестованных товарищей уже было на свободе. Центральный Комитет собирался почти в полном составе; правда, еще не открыто, а на конспиративных квартирах, но действовал и руководил борьбой.

Надежда Константиновна с обычной усмешкой рассказала, как в горячке событий руководители Петроградского исполкома оказались за бортом:

— Им вынесли вотум недоверия, и прошла наша резолюция... Эсеров и меньшевиков полно, а победили большевики! Скандал. Чтобы исправить положение, меньшевики выпустили на трибуну Церетели. Ты представляешь, какую тот может подпустить слезу с демагогией, расписывая страдания Чхеидзе в царской тюрьме? Под конец, чтобы пристыдить депутатов, Церетели призвал: «Пусть тот, кто не доверяет убеленному сединами каторги товарищу Чхеидзе, поднимется и стоя проголосует против него!» Расчет был

верным. Таких, конечно, не оказалось. Тогда меньшевики закричали: «Надо переголосовать поименно!» Наши особенно не возражали, только заметили, что большевиков тюрьмой не удивишь: многие сидели больше Чхеидзе и каторжными сединами не хвастаются. Поименное голосование, когда каждый вставал и переходил в ту или иную сторону, ничего не изменило: три четверти присутствующих выразили недоверие. Оскорбленный Чхеидзе и члены президиума демонстративно покинули зал. В новый состав президиума попали те, кто был настроен по-большевистски.

— Это новость первостепенной важности, — отметил Владимир Ильич. — Теперь мы вновь можем требовать всей власти Советам.

Два дня, которые провела Надежда Константиновна в Гельсингфорсе, пролетели незаметно. Дела требовали возвращения в Питер. Владимир Ильич надавал ей столько поручений, что она не знала, сумеет ли выполнить их.

Прощаясь, он взял с нее слово, что неделки через две она опять приедет.

Ильич собрался проводить Надежду Константиновну до вокзала, но она воспротивилась:

— К чему? Нарушишь только конспирацию.

Но Владимир Ильич все же дошел с нею до углового дома улицы, а там они расстались без поцелуев и объятий, просто как знакомые.

Вторично собравшись к Ильичу, Надежда Константиновна решила не заезжать к Емельяновым. Зачем отрывать славных людей от повседневных дел? Ведь нелегко сейчас прокормить семерых ребят.

Она хорошо запомнила путь, по которому шли они первый раз. Перейдя без препятствий границу, лесом направилась к станции.

В смешанном лесу осень ощущалась острее: березы уже позолотило, осины шелестели листвой, словно объятые бездымным пламенем. Рдела рябина, и чернели ягоды шикши и вороньего глаза. От палого листа земля так пестрела, что кружилась голова.

Боясь сбиться с тропы, Надежда Константиновна выбралась на открытое место и пошла вдоль желтевших дюн. Здесь пахло морскими водорослями. Ноги утопали в песке.

Темнота надвигалась быстрее, чем в прошлый раз. Боясь опоздать, Надежда Константиновна ускорила шаг. К станции она подошла запыхавшись, с трудом переводя дыхание.

На перроне собралось много солдат и матросов. Как только поезд подошел, они, толкая друг друга, ринулись к вагонам. В эту толчею опасно было попасть. Надежда Константиновна чуть ли не последней прошла в вагон. Сидячих мест уже не оказалось, пришлось стоять в очень тесном проходе.

Как только поезд тронулся, в вагоне начались громкие разговоры. Казалось, едут не пассажиры, а любители митинговать. О чем только здесь не говорили солдаты и матросы! Всем был ненавистен Керенский, обещавший одно, а делавший другое.

50

1917-1967

Вставай страна огромная
вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною
с проклятою ордой

— Махорки не стало. Пайку хлеба урезали. Овсом кормят. Сам бы попробовал воевать на пустое брюхо!

— А за что воевать? — спрашивал молодой солдат. — За то, что моего батьку и деда каратели избили? Не смей помещичью землю трогать! А если своей нет? Жрать-то что будем?..

— Не один Керенский шkodит. Всю шайку-лейку пора шугануть.

— И Корнилов еще себя покажет, — уверял матрос. — Вместо тюрьмы в гимназии живет, которую его Текинский полк охраняет.

— Верно, — поддержал его другой матрос, — он там себе новую армию соберет.

— Черного кобеля не отмоешь добела.

— Чего большевики ждут? Почему власти не берут? — кипятясь, спрашивал рыжеватый пехотинец. — Народ же за них!

— Говорят, погодить надо. Ситуация не созрела, — вставил бородач из ополчения.

— Какая такая «ситуация»?

— Да вроде чирья, что ли. Ждут, когда нарвет, потом стукнут по нему, чтоб лопнул.

— Дождутся, что самих за глотку схватят и на холку сядут. Тут зевать нельзя!..

От шума, духоты, запаха стеариновых свечей, горевших в фонарях, и махорочного дыма у Надежды Константиновны закружилась голова. Сердце стало биться учащенно, как во время приступов «базедки», но никто из спорщиков не заметил, что «деревенской тетке» стало дурно, и не предложил ей места.

Она с трудом выбралась в тамбур и там, глотнув свежего воздуха, уткнулась лбом в холодную стенку и приказала себе: «Не распускаться».

Какой-то щеголеватый военный с подстриженными усиками заглянул в вагон, но, услышав, о чем говорят бойцы, тотчас же вернулся в тамбур и на остановке исчез.

А шумный разговор в вагоне продолжался, он окончился только в Гельсингфорсе, потому что нужно было выходить.

Отдохнув на вокзальной скамейке, Надежда Константиновна с трудом доплелась до дома Блумквиста. Увидев в прихожей Ильича, она сказала:

— Я вся пропахла махоркой. Зверски устала... хочу только спать.

Она прилегла на диван. Сев рядом, Ленин стал согревать ее руки в своих. От этой ласки она почувствовала облегчение и уже не могла удержаться, чтобы не рассказать, о чем говорили солдаты и матросы в вагоне.

Слушая ее, Владимир Ильич устремил взгляд вперед, и лицо его вдруг стало каким-то отрешенным. Он уже думал о чем-то своем. Когда она умолкла, Ленин осторожно выпустил ее руки и, подсев к столу, принялся записывать возникшие мысли.

Засыпая, она видела зеленоватый круг мягкого света, падающего от лампы, его темную спину и склоненную над листками бумаги голову.

Весь следующий день, о чем бы они ни говорили, задумчивость не сходила с его лица. Он уже не удерживал ее в Финляндии, а попросил скорей подыскать в Питере конспиративную квартиру. Он стремился туда, где должно было начаться то, главное. Прощаясь, Владимир Ильич сказал:

— Больше в Гельсингфорс не приезжай. На днях перебираюсь в Выборг, чтобы быть ближе к Питеру.

Владимир Ильич написал два письма в Центральный Комитет партии. В них он требовал немедленно переходить к решительным действиям.

«История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь», — писал он и одновременно предупреждал: восстанием играть нельзя, к нему надо относиться как к военному искусству, готовить выступление с такой тщательностью, чтобы оно обязательно принесло победу. Он даже набросал примерный план действий в Петрограде и советовал, не мешкая, создать штаб боевых отрядов.

Отправив письма «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть» сестре Марии, он попросил перепечатать их на машинке в десяти экземплярах и передать на обсуждение в Центральный Комитет.

Готовясь к поездке в Выборг, Владимир Ильич внимательно осмотрел свою одежду. Костюм и ботинки еще сохраняли хороший вид, а старый парик рискованно было надевать: он лоснился и обтрепался по краям. Как же приобрести другой?

Вечером Владимир Ильич попросил помощи у Густава Ровио. Отыскав в финских газетах объявление театрального парикмахера, Густав позвонил к нему по телефону. Парикмахер заверил, что он может сделать любой парик по заказу, только для этого нужно прийти лично.

Рано утром Ровио зашел за Ильичем и повел его по безлюдным переулкам на Владимирскую улицу.

Парикмахер оказался старым петербуржцем, он работал гримером в Мариинском театре. Хвастливый болтун принялся рассказывать, как он «омолаживал» князей и графов.

— Хотите быть брюнетом, блондином? — неожиданно спросил он.

— Мне нужен парик с сединой, — ответил Владимир Ильич.

Парикмахер был потрясен: до сих пор никто из клиентов не желал стариться.

— Зачем такой парик? Что он изменит? — принялся отговаривать он. — Вам сейчас не больше сорока, а у меня вы будете выглядеть тридцатилетним.

— Сколько времени потребуется на изготовление парика? — спросил Владимир Ильич, чтобы прервать этот поток слов.

— Недели две, не больше.

— Меня такой срок не устраивает. А нет ли у вас готового?

— Боже мой! Да разве у готового парика будет приличный вид? Я ведь волос к волосу укладываю... а цвет подкладки? Мой парик украсит голову. Вы меня благодарить будете...

Владимир Ильич не стал слушать его. Пройдясь вдоль застекленных шкафов, в которых лежали образцы изделий, он остановился у крайнего и, указав на седенький парик, попросил:

— Покажите мне вот этот.

Парикмахер с сокрушенным видом достал парик и отдал его примерить странному покупателю.

Парик оказался подходящим, следовало лишь немного подправить, чтобы он плотней прилегал на висках. Мастер взялся это сделать к вечеру, но очень сожалел, что клиент оказался таким упрямым.

В Выборге Владимир Ильич устроился жить на окраине города у редактора местной социал-демократической газеты Юхо Латукки. С помощью журналиста легче было связываться с Петроградом и получать свежие газеты.

Вести были такими, что следовало торопиться с подготовкой восстания. Посланные в Петроград письма, как передали Владимиру Ильичу, вызвали странные разговоры на заседании Центрального Комитета. Особенно негодовал Каменев. Он предлагал уничтожить письма о восстании.

— Ленин оторвался от жизни, — убеждал всех Каменев, — прячется в Финляндии и представления не имеет о том, что творится в стране. Он предложил в протоколе записать: «Центральный Комитет, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать указаниям только Центрального Комитета и вновь подтверждает, что Центральный Комитет находит в текущий момент совершенно недопустимыми какие-либо вооруженные выступления».

Это предложение хотя и отклонили, но принятая резолюция мало чем отличалась от него. Решено было обсуждение вопроса на время отложить, членов партии с ленинскими письмами не знакомить, а копии их уничтожить, оставив только по одному экземпляру.

«Да, сидеть в Финляндии больше нельзя, — решил Владимир Ильич. — На важных заседаниях надо присутствовать самому».

Тревогу вызвало и другое. В Петроградском Совете после забаллотированного Чхеидзе председательствовал Лев Троцкий. Правда, внешне он вел себя, как ярый

большевик, все же Владимир Ильич не доверял герою звонкой революционной фразы. За этим необузданным фракционером, вносившим в рабочее движение элементы авантюризма, необходимо было следить в оба глаза. Троцкий никогда не признавал партийной дисциплины. Теперь же, находясь на высоком посту, он может так все обострить и запутать, что оттолкнет не только крестьян, которых не считает революционной силой, но и рабочих.

«Скорей, надо скорей перебираться в Питер!» — твердил Ильич.

Решение принято

В зашифрованной записке Владимир Ильич попросил Надежду Константиновну ускорить подготовку конспиративной квартиры, о которой бы никто не знал.

Крупская надумала поселить его у своей хорошей знакомой — Маргариты Васильевны Фофановой. Вместе с ней Надежда Константиновна создавала на Выборгской стороне школы для неграмотных рабочих. Когда задерживались допоздна, Маргарита Васильевна говорила:

— Нельзя же ночью идти пешком на -Петроградскую сторону, переночуй у меня, квартира ведь пустует.

У Маргариты Васильевны хорошо можно было отдохнуть и поработать в тишине. Кроме того, фофановская квартира была удобна тем, что находилась в доме, стоявшем у насыпи Финляндской железной дороги, вблизи от станции Ланская. Если Владимир Ильич приедет, то ему не нужно будет шагать по городу. Но как к этому отнесется хозяйка?

Надежда Константиновна намекнула, что Ильича устроила бы фофановская квартира, но можно ли на нее рассчитывать?

— Ну, конечно, какие могут быть разговоры, — просто ответила Маргарита Васильевна.

Она только не знала, как ей быть с ребятами. Дочь Галя училась в коммерческом училище, а Сережу в этом году следовало отвести в школу, в первый класс. Годится ли держать детей в квартире, где будет скрываться подпольщик?

— Может, их временно поселить у тетушки? — спросила Фофанова.

— Нет, — сказала Надежда Константиновна. — Не сочти меня жестокой, но ребят твоих нельзя оставлять в городе. Если здесь поселится Владимир Ильич, предстоит напряженная, связанная с большим риском работа, а дети, конечно, будут мешать.

Маргарита Васильевна тут же решила отправить ребят к своим родителям в Уфимскую губернию.

Там им будет лучше, в Питере уже становится голодно.

Женщины прошлись по комнатам, обдумывая, в какую же поместить Владимира Ильича. Самой подходящей оказалась спальня. Она была светлой и находилась в конце узкого коридора.

Получив запасные ключи от квартиры, Надежда Константиновна решила, что Ильичу лучше сойти с поезда не на Ланской, где всегдалюдно, а на Удельной. Она специально прошла пешком весь маршрут, запоминая переулки, приметные дома и заборы.

Прошла неделя, вторая, а Ленин с Крупской не показывались у Фофановой.

«Видно, нашли другое пристанище», — подумала Маргарита Васильевна.

Обычно у нее по пятницам собирались преподаватели рабочих школ и устраивали нечто похожее на педагогический совет. Дважды Фофанова откладывала заседания, но в третью пятницу, полагая, что Владимир Ильич не появится, назначила коллективную встречу.

И вот, когда в столовой шло шумное обсуждение школьных дел, кто-то ключом открыл дверь и, не задерживаясь в передней, быстрым шагом прошел по коридору.

«Он!» — догадалась Маргарита Васильевна. Она выглянула в коридор, освещенный тусклым ночником, и увидела человека в шляпе с поднятым воротником. Ни слова не говоря, он метнул взгляд на столовую. Фофанова моментально прикрыла дверь. В полутьме

она разглядела и Крупскую. Надежда Константиновна, услышав голоса в столовой, с укоризной покачала головой и пошла за Ильичем.

«Что же я наделала! Как быть? — растерялась Маргарита Васильевна. — Надо скорей спровадить гостей».

Вернувшись в столовую, она сказала, что неожиданно приехали родственники и ей теперь придется заняться ими.

Видя ее озабоченность, учителя заспешили домой.

— Безусловно, конечно... — говорили они, поднимаясь. — О других делах мы поговорим в следующий раз.

Проводив всех, Маргарита Васильевна, огорченная своей оплошностью, пошла на кухню приготовить ужин. Вскоре туда зашла и Надежда Константиновна.

— Что ж ты, милая, так подвела? — с укоризной сказала она. — Володя успел разглядеть у тебя в столовой очень болтливую женщину. Она была эмигранткой в Париже, могла узнать его.

Видя, что Фофанова и без ее укоров расстроена, она стала успокаивать ее:

— Ну что ты, не огорчайся, вина на мне! Следовало прийти и предупредить, а я боялась опоздать к поезду. Поэтому так все и случилось. И чая не надо. Володя страшно устал, сразу лег. У него одна к тебе просьба: утром достань свежие газеты, какие только сможешь.

На другой день рано утром Фофанова купила несколько газет, добыла ситного и, вернувшись домой, приготовила завтрак.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна в столовую вошли вместе. Крупская, улыбаясь, сказала:

— А теперь знакомьтесь по-настоящему. Это Владимир Ильич.

Ленин был без усов, в седом парике. Пожимая руку, он шутливо поправил Надежду Константиновну:

— Вот и не верно. Совсем не Владимир Ильич, а рабочий Сестрорецкого завода Константин Петрович Иванов. Прошу запомнить и по-иному не называть.

За завтраком Фофанова спросила, как Владимир Ильич привык питаться, какие будут требования.

— Никаких! — ответил он. — Ем, что дадут. Позавтракав, Владимир Ильич заинтересовался расположением квартиры и соседями.

Квартира Фофановой находилась на четвертом этаже, выше был чердак. Слева и справа жили довольно скромные люди, не делавшие никому зла. Только в одной семье, этажом ниже, был шестнадцатилетний парень, который нигде не учился, связался с такими же шалопаями и часто бездельничал дома. Днем, когда все на работе, он мог расслышать, что у Фофановой кто-то ходит.

— Тебе, Володя, придется отвыкать от привычки расхаживать из угла в угол, — сказала Надежда Константиновна — К тому же при этом ты любишь бубнить какой-нибудь мотив, а тут нельзя. И ботинок не надевай: нижние соседи шаги услышат.

В окно виднелась высокая насыпь железной дороги, небольшой пруд в низине, клетки птичьего питомника и осыпающиеся деревья старого парка.

Ленин вышел на балкон и посмотрел, где проходят водосточные трубы. Ближняя была у левого окна в столовую.

— Это окно, прошу - вас, не замазывайте на зиму, — попросил он Фофанову. — Черного хода у вас нет, а мне, может быть, придется разок спуститься не по парадной лестнице. Кстати, нельзя ли в заборе раздвинуть две доски, устроить лаз? Там, кажется, птичий питомник?

— Да, держат каких-то особых гусей и породистых кур.

— Значит, удирать придется под гусиный гогот? Ничего, они и нас предупредят, если шпики вздумают окружить.

Тут же они условились: дверей по звонку не открывать, а делать это только после условленного стука.

Чтобы не навести шпигов на след, Надежда Константиновна продолжала жить на Петроградской стороне. Условленный стук в квартиру Фофановой, кроме нее, знали только сестра Владимира Ильича Мария и Эйно Рахья.

Днем хозяйка квартиры уходила на работу в издательство и не возвращалась допоздна. Весь день Владимир Ильич был в одиночестве. Он ходил по квартире в мягких тапочках, сам себе на примусе подогревал суп, жарил яичницу, колбасу, кипятил воду и старался как можно меньше производить шума.

На свежем воздухе ему удавалось бывать лишь по вечерам. В темноте он выходил на балкончик, прижимался к стенке и, дыша полной грудью, всматривался в манящие огни железной дороги, вслушивался в неумолчный шум большого города.

Порой с большой высоты доносились зычные голоса птиц, летевших с севера на юг. Им отзывались проснувшиеся на зов гуси, сидевшие в неволе на земле. В такую минуту хотелось спуститься вниз, пройти по рабочей окраине, выйти к Неве и побывать в центре города. Но он сдерживал себя. Глупо было в такое важное для революции время попасть в руки ищеек Керенского.

Квартиру Фофановой Владимир Ильич покидал только для очень важных встреч. Ходил не один, а с Эйно Рахья, которого партия обязала охранять Ленина.

На десятое октября было назначено тайное заседание Центрального Комитета. Вечером за Владимиром Ильичем зашел молчаливый Эйно, и они вместе отправились по окраинным улицам города к речке Карповке. Там, на набережной в доме против женского монастыря, находилась конспиративная квартира, подготовленная Яковом Свердловым.

Приходивших встречала хозяйка квартиры, большевичка Суханова, и, удостоверившись, что это свои, пропускала в комнату с занавешенными окнами.

Некоторые члены Центрального Комитета впервые после июльских дней видели Владимира Ильича, безбородого, в седеньком парике. На радостях они крепко жали ему руку.

Каменев тоже было кинулся приветствовать Ленина, но осекся. Владимир Ильич был сух с ним. Не ответив на вопрос о здоровье, он повернулся к Свердлову и, пожимая тому руку, не без укоризны спросил:

— Яков Михайлович, что ж это вы, а?.. Уничтожили копии моих писем?

— Каюсь, Владимир Ильич, чрезмерно дисциплинирован... выполнял решение большинства, хотя голосовал против, — ответил Свердлов,.. глядя сквозь пенсне прямо в глаза. Отведя Ильича к окну и несколько понизив голос, он добавил: — По секрету могу сообщить: с содержанием ваших писем все же знакомы крупнейшие, организации. И подготовка к восстанию идет...

— Если так, снимаю обвинение, — с улыбкой сказал -Владимир Ильич,: — спасибо.-.

Владимир Ильич подошел к Коллонтай. Она была очень бледной. \:

— Слышал, вы/ Александра Михайловна, болели.

— Да, в тюрьме расхворалась. Вызволили Горький и Красин. Внесли залог в пять - тысяч рублей. Но Керенский держал под домашним арестом. Солнца не видела. На улице не была.

Последним пришел Феликс Дзержинский. Всего собралось двенадцать человек., Свердлов, открыв заседание, доложил о положении на фронтах. Его внимание привлек странный отвод войск на Северном фронте и подозрительные переговоры Ставки со Штабом фронта. К Минску стягивались казачьи части, видимо, для разоружения солдат, настроенных по-большевистски. Там достаточно одной искры; — и вспыхнет восстание. Надо это "учитывать, Питер может получить сильное подкрепление.

Слово по текущему моменту было предоставлено Ленину.

Владимир Ильич не напоминал о своих сентябрьских письмах. К чему ворошить прошлое? Не время для обид и упреков. Но он все же отметил недопустимое равнодушие к подготовке восстания.

— На нас, руководителей партии, революция возложила необычайную ответственность, — сказал Ленин. — Всякое промедление смерти подобно. К восстанию призывает и международная солидарность. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством.

Он рассказал о кровавой расправе в Чехии и Моравии с голодными людьми, которые не давали вывозить продукты в Германию. И в Италии нехватка макарон и мяса заставила рабочих возмутиться. В Турине бастовало более сорока тысяч. Но разительнее всего бунты на военных кораблях в германском флоте.

В морской крепости Вильгельмсгафен в сентябре восстали матросы четырех броненосцев. Они выбросили за борт офицеров и высадились на берег. Моряки с других кораблей отказались атаковать восставших, их умирляли пехотинцы. Матросы броненосца «Нюрнберг» повели свой корабль в Норвегию, но, окруженные вызванными миноносцами, вынуждены были сдаться.

— Подумайте, в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами, — продолжал Ленин. — Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, нет свободы собраний и Советов рабочих или солдатских депутатов. И мы все же сделали попытку восстать, имея всего лишь один шанс из сотни. А вы, русские, обладающие своими газетами, победившие в Советах обеих столиц, имеющие на своей стороне Балтийский флот и войска Северного фронта, не отвечаете на наш призыв, не свергаете вашего Керенского, имея девяносто девять победных шансов.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях ответим только... резолюциями! — уверял Ильич. — Добавьте к этому, что мы все прекрасно знаем о нарастании сговора империалистов против русской революции, знаем, что они хотят задушить ее общими усилиями, и... почти ничего не предпринимаем. Это особенно опасно. Я бы сказал: преступно с нашей стороны медлить с восстанием!

Керенский и корниловцы готовы сдать Питер немцам. Для спасения Питера необходимо свергнуть Керенского. Только немедленное движение Балтийского флота, войск, находящихся в Финляндии, в Ревеле и Кронштадте, способно Спасти русскую и всемирную революцию.

По всей стране крестьяне берутся за топоры и вилы, добывают винтовки и идут на помещиков. Кадеты и всякие их прихвостни умаляют значение этого движения, пишут о «мелких стычках», «бунтах», «анархизме», а на самом деле разгорается крестьянское восстание...

Владимир Ильич, оказываясь, и в подполье всесторонне изучал жизнь, он приводил столь поражающие факты настроений на фронте и в тылу, что Свердлов невольно взглянул на Каменева. Тот сидел рядом с Григорием Зиновьевым и, видимо*, мня себя первейшим теоретиком партии, слушал Ленина со снисходительной улыбкой: «Зря-де стараешься, все равно мы разобьем твои умозаключения и оставим в силе старое решение».

— Мне известно, что в партии, — продолжал Ленин, — и даже среди членов Центрального Комитета существует течение, или, скажем, мнение против немедленного восстания и взятия власти. Некоторые товарищи предлагают подождать: одни — Учредительного собрания, другие — съезда Советов. А задумываются ли эти товарищи над тем, что лозунг «Вся власть Советам!» — сейчас призыв к восстанию? Кто употребляет его, не сознавая этого, пусть пеняет на себя. Наша нерешительность похожа на измену пролетарскому делу. Неужели мы, имеющие большинство в Петроградском и Московском Советах, подведем крестьян: позволим залить кровью пламя восстаний в деревнях? А что мы скажем немецким товарищам?

Не слыша ответа, Ленин заключил:

— Будем опозорены на века! Честь партии большевиков под вопросом. Все будущее русской революции поставлено на карту. И еще могу с твердым убеждением сказать: ждать съезда Советов — идиотизм. Это значит пропустить недели, а теперь недели или даже дни решают все. Если мы сейчас трусливо отречемся от власти, то в ноябре ее уже не возьмем. Ко дню глуповато назначенного выступления корниловцы соберут силы и прихлопнут всех, кто прибудет на съезд. А если мы сейчас начнем подготовку, то можем внезапно ударить из нескольких пунктов. Мы имеем лозунги, обеспечивающие поддержку масс. Никто не пойдет против правительства, давшего мир, землю, свободу...

Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед —
Тебе любимая, родная армия
Шлет наша Родина песню-привет.

Вывод Ленина был ясен: восстание неизбежно и вполне назрело. Ждать больше нельзя, враг может опередить. Надо воспользоваться моментом, когда его войска разбросаны. Восстание может начаться в Москве, в Минске, в Гельсингфорсе, но решающий бой надо дать в Питере — политическом центре страны.

С возражениями первым, конечно, выступил Каменев. Он стремился убедить собравшихся, что Ленин неверно оценивает международную и внутреннюю обстановку.

— Она неблагоприятна для нас, — уверял он, потрясая поднятыми руками. — Пролетариат Франции и Англии не поддержит нас, а немецкие моряки подавлены. Мы будем изолированы, а империалисты пойдут на сговор против революции и, объединяясь, обрушат на нас всю свою мощь...

Каменев подкреплял слова примерами, уже употреблявшимися им не раз. Он, в сущности, повторял то, что говорил в сентябре, и сейчас это звучало неубедительно. Чувствовалось, что Каменев сам не очень-то разбирается в событиях последних дней.

Зиновьев, пытавшийся поддержать его, говорил тускло и как-то по-торгашески мелко.

— Буржуазия не осмелится больше откладывать Учредительное собрание, она его соберет. У нас будет треть мест, — уверял он. — Мелкая буржуазия заметно склоняется в нашу сторону. Вместе с левыми эсерами мы составим правящий блок. Нам надо занять оборонительную позицию. Она не подведет.

Другие члены ЦК не согласились с маловерами, разбили их доводы и решительно проголосовали за ленинскую резолюцию. Против поднялось только две руки — Каменева и Зиновьева.

По предложению Дзержинского было выбрано Политическое бюро для подготовки восстания. Все условились, что его возглавит Ленин.

После голосования Владимир Ильич подошел к Зиновьеву.

— Что с вами творится? — спросил он. — Почему вы решили поддерживать Каменева?

— Это — мое собственное мнение! — вдруг тонким, почти истерическим голосом стал возражать тот. — Я так не оставляю... Мы обратимся с письмом ко всем партийным организациям... не позволим ставить на карту судьбу партии и революции!

— Я бы вам не советовал нарушать партийную дисциплину, — негромко сказал ему Ленин. — Возьмите себя в руки. Как не стыдно! Нельзя же так распускаться!

Больше они ни о чем не говорили. Владимир Ильич повернулся к окну, отодвинул краешек занавески и взглянул на улицу.

У ворот женского монастыря, покачиваясь, тускло светил фонарь. Темная вода Карповки пузырилась и, казалось, кипела от крупных капель сильного дождя.

— Взгляните, какая погода! — воскликнул Владимир Ильич и в досаде невольно признался: — А я не сообразил захватить пальто.

Дзержинский снял с вешалки свой непромокаемый плащ и накинул Ленину на плечи. Владимир Ильич начал было отказываться, но Дзержинский настоял на своем:

— Никаких отговорок! Извольте надеть, иначе я вас не выпущу.

Идти пешком до Ланской было далеко, а дождь все хлестал и хлестал. Рахья предложил переночевать у него, он жил в Певческом переулке. Владимир Ильич согласился.

Вымокшие, они вошли в небольшую комнату, где Люли и ее брат Эдвард уже спали. Ленин не позволил Рахье будить жену. Развесив плащи, они устроили постель на полу и, положив под головы пачки книг, улеглись отдыхать.

Эдвард должен был уходить на работу рано утром. Люли проснулась первая. Стараясь не разбудить гостя, она на цыпочках прошла в кухню, приготовила чай, напоила брата и, когда тот ушел, начала собираться сама на службу.

Минут через пять Эдвард вернулся с побледневшим лицом.

— Дом оцеплен шпиками, — шепнул он. — Ходят с собаками.

Люли моментально разбудила мужа и Владимира Ильича.

Встревоженный Рахья посоветовал Ленину пройти с Эдвардом на площадку черной лестницы и там подождать, а сам отправился вниз на разведку. Ходил он недолго и вернулся веселый.

— Зря переполошились, — сказал он. — Это в соседнем доме каких-то грабителей ищут.

Досыпать уже не ложились, пора было собираться в путь. В потоке рабочих, спешивших на завод, они могли пройти безопасно.

Предательство

Владимир Ильич вставал так же рано, как и Маргарита Васильевна. Пока хозяйка квартиры ходила за хлебом и газетами, он раскрывал окно и занимался гимнастикой.

Еще в тюрьме, более двадцати лет назад, он придумал упражнения, которые разминали и прогревали мышцы так, что чувствовалась легкая усталость.

Октябрьское утро было туманное и прохладное; Владимир Ильич все же распахнул окно настежь и проделал каждое упражнение по нескольку раз, затем, обнажась до пояса, ополоснулся холодной водой и растер тело полотенцем.

Вчера вечером, встретясь с руководителями «военки» — Подвойским, Невским и Антоновым-Овсеенко, он поинтересовался, как идет подготовка к восстанию, можно ли рассчитывать на успех.

Подвойский и Невский были настроены скептически.

— Очень мало времени на подготовку, — жаловался Подвойский. Он не был уверен, что в Петрограде большевики смогут собрать больше сил, чем противник.

Антонов-Овсеенко стал возражать ему, приводить весьма веские доводы. Особые надежды он возлагал на моряков Балтийского флота.

— Балтийцы настроены весьма решительно и определенно, — заверил Антонов-Овсеенко. — Неоценимую помощь, как это ни странно, оказал Керенский. Этот фигляр догадался в день немецкого наступления у Эзеля и Даго послать телеграмму, в которой сообщал, что наступил грозный час испытаний, и требовал: «Пора опомниться. Нужно прекратить вольно или невольно играть на руку врагу».

Антонов-Овсеенко оставил на память и текст телеграммы и ответы моряков на нее. Владимир Ильич подошел к столу и, взяв листки, еще раз прочитал текст резолюции второго съезда Балтийского флота.

«Требовать от Центрального Исполнительного Комитета немедленного удаления из Временного правительства авантюриста Керенского, позорящего своими бесстыдными действиями и наглым политическим шантажом, в угоду буржуазии, Великую революцию.

Тебе же, продавшему революцию, Бонапарту-Керенскому, шлем проклятие в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах Балтийского моря, призывая защищать революцию...»'

А воззвание моряков к пролетариям всех стран Ленин с удовольствием стал читать вслух:

«Братья, в роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем к вам свой голос, мы посылаем вам привет и предсмертное завещание. Атакованный превосходящими германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу. Оклеветанный, заклеянный флот исполнит свой долг перед великой революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками... Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания. Мы идем к смерти с именем великой революции.

— Великолепно! В балтийских морях можно не сомневаться. Они будут ударной силой революции.

Чтобы представить себе соотношение сил, Владимир Ильич попросил подробней рассказать, на какие воинские части могут рассчитывать большевики. Статный и рослый Подвойский, развернув карту, стал показывать, где расположены в городе полки, отдельные батальоны и сводные отряды, готовые выступить на стороне восставших.

— Это же силища! — не смог удержать радостного восклицания Ильич. — Только нам не следует основную ставку делать на военных. Солдаты солдатами, а в социалистической революции основная сила — пролетариат. Пусть питерские рабочие будут на решающих участках, сами берут власть, а потом отстаивают ее.

Подвойский стал говорить об отрядах Красной гвардии, и тут выяснилось, что он не очеу хорошо знает, как подготовлены командиры.

— Ай-я-яй, вот так председатель Военной организации! — невольно вырвалось у Владимира Ильича. — Как же вы будете руководить восстанием, если не уверены, умеют ли ваши командиры владеть оружием, знакомы ли с тактикой уличных боев! Восстание — острейший вид войны. Великое искусство! До мелочей все нужно выверить. Да, да!

Подвойский заговорил о трудностях и спросил, нельзя ли хоть на несколько дней отложить выступление.

— Ни в коем случае! Всякое промедление с нашей стороны поможет противнику подготовиться. А внезапность дает преимущество.

Вчетвером они еще раз вывели соотношение сил, наметили, какие красногвардейские отряды необходимо усилить опытными командирами и куда послать для успеха дела своих агитаторов и комиссаров.

Они просидели на квартире рабочего Павлова допоздна и разошлись, уверенные в том, что неожиданное вооруженное выступление принесет успех.

Хорошее настроение у Владимира Ильича не исчезло и утром. После того, как хозяйка ушла на службу, он закрыл дверь на крюк и, сняв ботинки, остался в носках. С этого часа полагалось ходить по коридору и в комнате бесшумно.

Он любил, когда в квартире наступала тишина, на свежую голову хорошо работалось. Кроме восстания, его заботили и будущие декреты Советской власти.

Одним из первых придется принять декрет о земле. Что же в него войдет? Об этом следует подумать заранее.

Углубившись в работу, делая записи и подыскивая простые, понятные крестьянам выражения, он не заметил, как пролетело время. Поднялся из-за стола, только когда послышался условный стук в дверь. Так обычно стучала Надежда Константиновна.

Владимир Ильич поспешил в коридор и открыл дверь.

Надежда Константиновна выглядела усталой. Сняв пальто, она первым делом спросила:

— Ты, конечно, еще не обедал?

— Собирался... но одному скучно. Посиди, отдохни, а я сейчас налажу примус. Нам только разогреть.

— Ладно уж, сама займусь. На вот, читай.

Отдав пачку свежих газет, Надежда Константиновна отправилась на кухню. Она пришла с недобрými вестями и не решалась сразу выкладывать их. Пусть спокойно пообедает, а то еще от еды откажется.

Они вместе не спеша съели по тарелке разогретого супа, йотом жареной колбасы с картофелем и стали пить чай с брусникой. Надежда Константиновна как бы невзначай спросила:

— Ты, надеюсь, читал «Новую жизнь»?

— Нет, не добрался еще. Опять новожи́зненцы что-нибудь выкинули?

— Напечатали интервью Каменева, в котором этот... не могу даже подыскать названия... сообщает, что им совместно с Зиновьевым разослано по партийным организациям письмо с протестом против вооруженного восстания.

— Не может быть! — удивленно сказал Ленин.

— Прочти сам.

Надежда Константиновна нашла «Новую жизнь» и подала ему. Владимир Ильич развернул газету и, найдя интервью Каменева, впился глазами в строчки.

По мере чтения лицо его сперва покраснело, затем кровь схлынула, и оно стало таким, каким бывало только в минуты большого волнения и возмущения.

— Неслыханно! Этому действительно нет названия, — бормотал он. — Впрочем, есть... Штрейкбрехерство!.. Измена!

Ленин сжал кулаки от негодования. Он ждал всего, но не предательского интервью. И от кого? От соратников, членов Центрального Комитета! Теперь враг предупрежден, Керенский насторожился, восстание будет сорвано. Временное правительство, конечно, уже бьет тревогу и действует. Большевики поставлены в тяжелое положение.

Надо немедленно что-то предпринимать. Но что? Не писать же опровержение? Этим внесешь смуту и колебания.

— Ну и мерзавцы! Самый отъявленный враг этакое бы не придумал!

На последнем заседании Центрального Комитета с руководителями питерских партийных организаций Каменев и Зиновьев вели себя так, что обоим нужно было немедленно выгнать из партии, а их лишь предупредили, надеясь на порядочность. И вот результат: предатели выступили с нападками на Центральный Комитет в болтливой интеллигентской газетенке, идущей рука об руку с буржуазией, и выдали тайну.

А как они нагло держались на этом заседании! Сперва задавали каверзные вопросы: «Можно ли победить без почты и железных дорог? Сумеем ли дать хлеб повстанцам?» Потом обрушились с демагогическими нападками: «Подготовка пущена на самотек... с момента решения ЦК прошла неделя, а ничего еще не сделано, дали только возможность организовать противнику».

Они понимали, что такие обвинения невозможно опровергнуть. Не раскроешь же на расширенном заседании карты восстания и не расскажешь, что уже предпринято, какие силы будут собраны, как и где расставлены! Поэтому они изошрялись: один уверял, что борются две тактики — тактика заговора и тактика веры в движущие силы революции, а другой запугивал:

— Мы недостаточно сильны, чтобы уверенно идти на восстание. На подкрепления из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится, а в Питере у нас недостаточно сил. У противника огромный, четко действующий штаб...

Они ошеломляли присутствующих названием корпусов, якобы движущихся с фронта., подсчетами пушек, юнкеров, казаков и ударников, видели силу только у противника и требовали пересмотра решения Центрального Комитета.

— Партия не опрошена, — твердил Зиновьев. — Такие вопросы не решаются десятью человеками. Надо, не откладывая разведывательных, подготовительных шагов, считать, что выступления с оружием впрямь до совещания с большевистской частью съезда Советов недопустимы.

Зиновьев уговаривал подождать хотя бы пять дней, а Каменева устраивала даже трехдневная отсрочка. Уже тогда, видно, задуман был подлый ход. Видя, что остаются в меньшинстве, они потребовали немедленного телеграфного созыва пленума Центрального Комитета, а когда сорвалось, Каменев заявил, что он больше в ЦК не состоит.

Удобная позиция! В случае поражения есть возможность оправдаться: «Я-де был против восстания». А если победа, нетрудно будет доказать: «Простите, не учел... ошибся». Полностью обезопасил себя, шельмец! Где же предел вероломства?

— С ними надо поступать так, как поступают рабочие во время стачки со штрейкбрехерами, — решил Владимир Ильич. — Иначе предатели не только будут разлагать других, но и сорвут восстание.

— И Троцкий хитрит, — вставила Надежда Константиновна. — Голосовал за восстание, а во всеуслышание говорит, что до открытия съезда вооруженное выступление не планируется. Это-де вопрос компетенции съезда.

— А когда у Троцкого были устойчивые взгляды? Ты права, эта игра в формализм весьма походит на предательство.

— Есть еще одна неприятная весть, — оказала Надежда Константиновна. — Большевики и эсеры из ЦИК, видимо, уловив суть наших споров, перенесли открытие съезда Советов с двадцатого на двадцать пятое.

— Ну, конечно же! Мы разглашаем секретные решения. Что же им остается? Этого и нужно было ожидать. Значит, хотят, чтобы Керенский успел подготовиться? Ловкий ход!

Расстроенный Владимир Ильич стал ходить из угла в угол, что-то бормоча про себя. Потом, чтобы излить гнев, он ушел в комнату, сел за стол и взялся за перо.

«Товарищи! — написал он. — Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая жизнь», то я отказался верить этому...»

Из конспиративных соображений Владимир Ильич вынужден был придумывать, будто он пишет в этот вечер не из Петрограда, а из какого-то другого города, куда звонили товарищи по телефону. Высказав возмущение, он заверил:

«Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати и в ряды борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут...»

Ленин ни на мгновение не сомневался в победе, поэтому письмо закончил призывом:

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»

На другой день буржуазные газеты затрубили о готовящемся вооруженном выступлении большевиков. Некоторые из них даже называли сроки восстания, но более солидные пришли к выводу, что раньше двадцать пятого ничего не будет. Газеты требовали решительных действий со стороны правительства и подсказывали: «Пора обуздать и обезвредить большевиков».

Казалось, что после удара, нанесенного предателями, намеченное выступление невозможно будет выполнить. Беда непоправима.

И вдруг большевикам удалось перехватить секретный приказ штаба, разосланный командирам частей Петроградского военного округа. В нем указывалось, какие полки по тревоге должны немедленно выступить и в каких частях города занять оборону до подхода войск с фронта.

Стало ясно, что в ближайшие дни главную роль в планах Керенского будут играть только войска Петроградского округа. Это несколько обнадежило. Ведь можно сделать так, чтобы названные полки не выполняли приказов Керенского. Для этой цели во все казармы и на военные склады по совету Владимира Ильича были направлены комиссары-большевики, а на собрании представителей частей гарнизона в Смольном проведено решение: выполнять только приказы, подписанные Военно-революционным комитетом.

На следующий день штаб округа убедился в силе солдатского решения: ни один склад не выдал снарядов и патронов. Накладные возвращались, так как на них не было подписи комиссара Военно-революционного комитета. Это, конечно, встревожило Керенского.

В последние дни он выбивался из сил, собирая верные ему войска. Съездил на фронт, чтобы заручиться поддержкой генералов, оберегал от большевистского влияния юнкерские школы, сколачивал «ударные» батальоны. Но видел, что время работает не на него. Красногвардейские отряды растут, а большая часть столичного гарнизона, в сущности, уже не подчинялась ему.

Теряя самообладание, премьер-министр собрал секретное совещание штабистов и потребовал принятия крутых мер.

Штабисты были уверены, что до начала Всероссийского съезда Советов большевики не начнут восстания, так как не могут меж собой договориться о дне выступления. Поэтому решено было за день до съезда нанести сокрушительный удар: разослать приказ об аресте большевистских комиссаров, закрыть рабочие газеты, поставить усиленные караулы в государственных учреждениях, занять вокзалы, развести в городе мосты и, вызвав войска с ближайшего фронта, двинуть их на штурм Смольного, где обосновался Военно-революционный комитет.

Ждать больше нельзя

Рассвет двадцать четвертого октября зарождался в туманной мгле. Над Петроградом нависло серое, непроглядное небо. Моросил мелкий, почти неприметный дождик. Панели и мостовые лоснились от влаги.

Это был обычный трудовой день. Мастеровые, подняв воротники курток и пальто, спешили на работу, а хозяйки с раскрытыми зонтиками — в очереди за хлебом, воблой, картошкой.

У типографии большевистской газеты «Рабочий путь» толпились мальчишки — продавцы газет. Часовые в юнкерских шинелях не пропускали их во двор.

— Газет сегодня не будет, — говорили они.

— Как не будет? Что же нам продавать? Волнение мальчишек привлекло внимание прохожих.

— Что тут стряслось?

Но никто из газетчиков толком не мог объяснить происходящего.

На панели вдруг появился без пальто и кепки растрепанный наборщик.

— Товарищи, — негромко сказал он, — выручайте. В типографию недавно ворвались ораниенбаумские юнкера... остановили машины, рвут газеты, разбивают стереотипы... Надо сообщить в Смольный.

В толпе оказались красногвардейцы Рождественского района. Один из них побежал в аптеку и по телефону сообщил в райком партии о случившемся.

Через несколько минут и в Смольном раздался тревожный звонок.

— Юнкера, прибывшие из Ораниенбаума, громят нашу типографию, — сообщил дежурный по райкому. — «Рабочий путь» не выйдет.

— Сколько их там?

— Небольшой отряд с офицером.

— Хорошо, сейчас вышлем подмогу.

Стало ясным: Керенский спешит опередить события. Ему важно лишить большевиков газеты. Пришла и другая весть: оказывается, штаб округа, кроме ораниенбаумских юнкеров, ночью вызвал в Петроград петергофцев, «ударников» Царского Села и гвардейцев-артиллеристов Павловска.

Было созвано экстренное заседание Центрального Комитета. Без прений и длинных речей вынесли постановление: никому из Смольного не отлучаться, создать дополнительный штаб в Петропавловской крепости, Свердлову следить за действиями Временного правительства, а Дзержинскому подготовиться к захвату почтамта и телеграфа.

Во все концы города из Смольного помчались связные мотоциклисты с секретным приказанием Военно-революционного комитета: привести отряды в боевую готовность.

Владимир Ильич плохо спал ночью и утром не мог унять волнения. «Все ли сделают так, как позавчера договорились с Подвойским? Что послужит толчком к наступлению? Только бы действовали решительно».

Он послал Маргариту Васильевну на улицу, чтобы та пригляделась: не началось ли? Но Фофанова ничего особенного не заметила. На Выборгской стороне жизнь шла по-обычному: из парка один за другим выползали трамваи и мчались к центру города, работали булочные и парикмахерские, у продуктовых магазинов скапливались очереди.

Владимир Ильич попросил хозяйку не ходить на службу, но Маргарита Васильевна ответила, что не может этого сделать — есть неотложные дела. Но она постарается быстро их закончить и отпроситься.

— Хорошо, — согласился Владимир Ильич. — Прошу по пути внимательно приглядываться к тому, что творится в городе. Если будут продавать какие-нибудь газеты, покупайте.

Маргарита Васильевна ушла на Васильевский остров, а Ленин, приоткрыв дверь на балкон, стал ходить из угла в угол в ожидании выстрелов. Он не мог сесть за стол. Разве можно в такой день спокойно работать!

Ему, конечно, следовало бы сегодня находиться в Смольном. Он зря не настоял на этом. Там мозг восстания, оттуда пойдут приказы. Надо непрерывно наращивать силы и идти от успеха к успеху. Кто проверит и вовремя поправит? Ведь советчиков, как всегда, окажется много. И среди них могут затесаться такие, как Каменев и Зиновьев. Очень плохо, что этих трусов не исключили из партии. Был бы урок другим. Таких нельзя ни терпеть, ни прощать, а некоторые члены Центрального Комитета отнеслись к ним примиренчески.

Редакция «Рабочего пути» самочинно опубликовала письмо Зиновьева с жульническими увертками и оправданиями, а кроме того, напечатала примечание «от редакции», что этим-де письмом и устным заявлением Каменева в Петроградском Совете вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками.

Хороши единомышленники! И на заседании Центрального Комитета двадцатого октября многие из присутствующих поступили не лучше. Они не поддержали требования об

исключении из партии штрейкбрехеров, а лишь приняли «отставку» Каменева и вменили обоим не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК. Вот так наказали!

— Нет, этого я так не оставлю, — машинально сняв парик, рассуждал Ленин. — Пусть нас разбирает партийный суд. Я не остановлюсь... буду клеймить трусов и требовать исключения. Колебания в такие моменты преступны. Партия, не карающая изменников, придет к гибели...

Днем стало известно, что разведен Николаевский мост. Маргарита Васильевна, отпросясь с работы, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадерскому мосту. Все остальные проходы были закрыты. Через Неву пешеходов перевозили лодочники на яликах.

— Ну, как в городе? Много ли солдат на улицах? Что делают рабочие? — принялся расспрашивать Ленин вошедшую в дом хозяйку.

Маргарита Васильевна видела вооруженных людей, но их было немного. Они ни на кого не нападали, а стояли лишь на охране мостов. Ни у кого она не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста, — попросил Владимир Ильич. — Отнесите в райком записку. Пусть получают от ЦК разрешение, я не могу больше сидеть дома.

Фофанова сходила в Выборгский райком партии и передала записку. Пока секретарь райкома Женя Егорова связывалась со Смольным, прошло немало времени.

Из Смольного был получен устный ответ: Ленину не разрешали покидать конспиративную квартиру.

Вернувшись домой, Фофанова рассказала Ильичу обо всем, что она услышала в райкоме.

— Значит, еще не началось, — определил он. — Они там совещаются и разглагольствуют, когда надо действовать и захватывать. Завтра будет поздно! Идите к ним снова! — потребовал Ленин. — Нельзя ждать, можно потерять все.

— Ладно, я пойду, — согласилась Фофанова, — но только при одном условии: вы должны сесть за стол и хоть сейчас пообедать. Я готовила, старалась, а вы даже попробовать не хотите.

Владимир Ильич вздохнул.

— Хорошо, я поем, но вы обязательно еще раз сходите. Я напишу письмо.

Он ушел к себе, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогревать обед.

«Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ленин. — Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Он еще раз объяснил, что революции делаются не на съездах, а вооруженной силой, что ждать больше нельзя, можно потерять все.

«...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно».

Закончив письмо, Владимир Ильич вышел на кухню, где его уже ждал разогретый обед.

Быстро поев, Фофанова помчалась в райком. Там шло какое-то заседание. Передав письмо Владимира Ильича Егоровой, она стала ждать ответа. Вскоре из комнаты заседаний вышла обеспокоенная Надежда Константиновна.

— Владимир Ильич очень гневается? — спросила она.

— Очень.

— И все же передайте ему: пока еще нельзя выходить, пусть ждет. Письмо мы немедленно перешлем в Центральный Комитет.

Фофанова надеялась, что после совета Надежды Константиновны Владимир Ильич несколько успокоится, а он еще больше рассердился и потребовал, чтобы Маргарита Васильевна в третий раз пошла в райком.

— Спросите у них твердо: почему не хотят? Чего боятся? — настаивал Ильич. — И попутно узнайте: есть ли у них хоть сотня верных солдат или красногвардейцев с винтовками? А то подумайте, лишь позавчера Подвойский хвастался: у него такой-то полк и такой-то! А что же сегодня этих полков не видим? Куда они делись? Почему мне нельзя выходить? Город захвачен юнкерами, что ли? Узнайте все это и возвращайтесь с определенным ответом. Если к одиннадцати часам вас не будет, волен действовать сообразно своему разумению.

Доставленное в Смольный письмо Ленина обсудили на экстренном заседании Центрального Комитета. Оно было столь убедительным, что возражающих не нашлось. Никто уже не питал иллюзий. Временное правительство без вооруженной борьбы не уйдет со сцены, надо опередить его: начинать не медля ни минуты.

Когда было принято твердое решение, Военно-революционный комитет стал действовать по намеченному плану. Тотчас же в базу Балтийского флота в Гельсингфорс отправили условленную телеграмму из трех слов: «Центробалт, высылай устав». Это означало, что в Петроград надо немедленно двинуть боевые корабли и отряды моряков.

Нужно было вызвать и кронштадтских матросов, но с ними не договорились о шифре. А в телефонограмме с открытым текстом много не скажешь. Решили с нарочным послать срочный пакет. Но кто его доставит? Нужен был смелый и опытный моряк, который сумел бы обмануть юнкеров, занявших мосты на Неве, и на катере прорваться к морю.

Подвойскому доложили, что в Смольный прибыл моряк, привезший листовки кронштадтцев, призывающие к восстанию.

— Зовите его сюда.

Вскоре в комнате Военно-революционного комитета появился коренастый балтиец в бушлате, на котором поблескивали дождевые капельки.

— Связой Проняков прибыл в ваше распоряжение! — доложил он и вытянулся, как полагалось по уставу.

Моряк не вызывал сомнения. «Такой прорвется», — решил Подвойский. Он вытащил из стола пакет и предупредил:

— Кронштадтцы должны прибыть завтра не позже полудня. «Авроре» приказано стать на Неве... Впрочем, все это изложено в приказе. Пакет надо доставить немедленно и в полной сохранности.

— Есть, — вскинув руку к бескозырке, ответил Проняков. Он запихал конверт в боковой карман бушлата, круто повернулся и, придерживая рукой висевший на правом боку маузер, поспешил к выходу.

Через десять минут по темной Неве, вздымая волну, помчался буксирный катер с погашенными ходовыми огнями.

Темнота над рекой сгущалась. Пошел мелкий снег. В окнах прибрежных домов загорелись огни, отражавшиеся на воде рябыми бликами.

Катер благополучно миновал Литейный мост, Троицкий... оставалось еще два. Проняков, напрягая зрение, вглядывался в туманную мглу. Огромный мост, перекинутый через Неву, казался ему пустым, но моряк на всякий случай сказал рулевому:

— Прибавь ходу!

Тот нагнулся к раструбу переговорной трубы и вполголоса произнес:

— В машине!

— Есть в машине, — донесся снизу ответ.

— Подходим к Дворцовому. Пар не травить, приготовиться к полному.

— Есть к полному!

Патрулей на середине моста не оказалось, заставы юнкеров были на дальних концах. Катер проскочил под высоким пролетом и помчался дальше, оставляя за собой серебристый след.

Последний мост был разведен у правого берега. Рулевой направил катер в средний пролет.

На мосту сразу же забегали темные фигуры в шинелях, послышались грозные голоса:

— Стой! Нельзя под мост!

— Как это нельзя? — притворно возмутился Проняков. — Мы по приказу командующего!

— Пароль?.. Стрелять будем!

Моряк, не слушая юнкеров, скомандовал:

— Полный вперед!

Катер дернулся и, обдав патрульных дымом, влетел под мост.

Через несколько секунд он выскочил с другой стороны и, разбрасывая воду, словно на крыльях, понесся дальше.

Вслед раздался выстрел, за ним другой, третий... Пули звякали по железу, с визгом проносились над рубкой. Но катер не останавливался.

Вскоре он был так далеко, что с моста его уже трудно было различить в темноте.

— Пронесло! — облегченно сказал Проняков. — Теперь дойдем до Котлина без происшествий.

Он пощупал пакет в кармане и рукавом бушлата вытер пот со лба.

Фофанова долго не возвращалась. Вместо нее в дверь постучал Эйно Рахья. Владимир Ильич обрадовался гостю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в городе.

Но что мог рассказать Рахья? Он ведь не был членом Военно-революционного комитета. Знал лишь, что вооруженное выступление началось. Рабочим роздано много оружия. По его соображениям, если войскам Керенского удастся развести мосты и захватить подходы к ним, то рабочие районы будут разъединены. А по частям, известно, противника легче бить. Лишь в Выборгском районе положение ясное: власть фактически в руках Красной гвардии. Керенский сюда боится сунуться. Народ крепкий, спаянный...

Владимир Ильич, слушал рассказ, расхаживал по комнате, хмурился, о чем-то думал. Вдруг остановился и в упор спросил:

— А вы бы могли разыскать в Смольном нужного мне человека и привести сюда?

50

1917-1967

Мы на стройку идем,

Мы на вахту встаем,

Мы находимся в звездном полете...

Это мы коммунизм на земле создаем,
Значит, мы на партийной работе...

Рахья подумал и развел руками:

— Навряд ли. Трамвай, поди, уж не ходят. Значит, пешком туда и обратно, а это верст пятнадцать будет. Времени много уйдет, да и пропуска нужны. Правда, есть у меня две штуки, но они резинкой потерты... подделка будет грубой.

— Два пропуска у вас? — спросил Ильич. — Очень хорошо! Тогда мы сами пойдем в Смольный.

Рахья начал было отговаривать его, но Владимир Ильич не желал слушать.

— Никаких рассуждений, идем!

Ленин на минутку присел и написал Фофановой записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Без маскировки выходить было опасно. Владимиру Ильичу пришлось, кроме парика, еще повязать щеку платком, как это делают, когда болят зубы, а на голову надеть старую, завалившуюся кепку.

— Ну, в путь! — наконец сказал он. — Гасите свет. Рахья потушил лампу. Они вышли на лестницу и спустились вниз.

Улицы были безлюдны. Неожиданно из-за угла появился трамвай. Владимир Ильич нагнал его и вскочил на подножку. Рахья едва успел прицепиться рядом. В вагоне пассажиров не было. Владимир Ильич сел против кондукторши и начал расспрашивать ее, куда идет трамвай. А та с тревогой поглядывала в темноту за окном.

— Молчите, — шепнул Рахья. — Если она когда-нибудь слышала ваш голос, узнает.

Но Владимир Ильич не унимался. Кондукторше, видимо, надоели расспросы пассажиров, и она сердито буркнула:

— В парк.

— А почему?

— А ты кто такой, что тебе все надо знать?

— Рабочий.

Кондукторша с недоверием оглядела пассажира:

— Тоже мне рабочий! «Куда», «почему», — передразнила она. — Иль не чуешь, что делается? Буржуев бить будем, вот куда едем!

Ее ответ Владимиру Ильичу очень понравился.

На углу Боткинской и Нижегородской трамвай свернул к парку. Пришлось оставить вагон и дальше двигаться пешком.

Вход на Литейный мост охраняли рабочие Выборгской стороны. Они не задерживали «вольную» публику. Но на другом конце стояли «ударники» Керенского. Солдаты никого не пропускали в центр без разрешения штаба. Около заградительного отряда скопилось много народу. Люди, живущие в центре, возмущались, ругали патрульных, стоящих на пути, стремились прорваться сквозь живую цепь. Кое-кому удавалось. Рахья отвел Ленина к левому краю и, уловив момент, толкнул вперед и сам прошмыгнул мимо солдата, сдерживавшего напор с другой стороны. Пройдя быстрыми шагами по Литейному проспекту, они свернули на Шпалерную улицу.

Длинная и прямая улица точно вымерла. Ворота домов были наглухо заперты. Впереди ни дворников, ни пешеходов. Где-то здесь, на Шпалерной, в июльские дни офицеры растерзали рабочего Воинова, продававшего экстренный выпуск «Правды». Но сейчас, казалось, никакой опасности не будет.

Владимир Ильич и Рахья прошли уже изрядное расстояние, как вдруг из-за угла показались двое верховых. Они было проскакали мимо, но, заметив пешеходов, остановились. Это были юнкера артиллерийского училища.

— Идите вперед быстрее, — шепнул Рахья Владимиру Ильичу. — Я их задержу.

Юнкера, поговорив меж собой, повернули к Рахье.

— Пропуск!

— Какой такой пропуск? — словно не понимая их, удивлялся Рахья. — Где его дают? Что за новые порядки?

Владимир Ильич тем временем уходил все дальше и дальше.

— Пропуск, или...

Юнкер замахнулся нагайкой.

— А ну, дай, дай, если ты такой храбрый! — начал пьяно выкрикивать Рахья и, засунув руку в карман, где был револьвер, шагнул к коню.

Конь пугливо шарахнулся в сторону.

— Брось этого пьяницу! — трусливо сказал второй верховой. — Ну его, не связывайся!

Юнкер хлестнул нагайкой по воздуху и, повернув коня, поскакал вслед за приятелем к Литейному проспекту.

Рахья чуть ли не бегом кинулся догонять Владимира Ильича, а тот не спеша шагал вперед и даже был весел:

— Ловко вы их провели!

Шпалерная кончилась. Показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего института «благородных девиц» ярко сияли. На площади стояла трехдюймовая пушка. Невдалеке светился костер, около которого грелись солдаты с красными повязками на рукавах. В саду под деревьями виднелись броневики. Слышались команды, суетились вооруженные красногвардейцы.

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, заседавшие в мандатной комиссии, в последние часы изменили цвет пропусков: вместо белых они выдали своим сторонникам красные и приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами.

Собравшиеся шумели. Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите!.. Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддерживали его:

— Что за безобразие! Напутают, а потом не пропускают! А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль, увлекая за собой Ленина и Рахью.

Поднимаясь по лестнице, Владимир Ильич смеялся:

— Где наша не берет!

Смольный гудел от грохота тяжелых кованых сапог, громких голосов, лязга оружия.

За все свое стопятидесятилетнее существование этот институт, выпускавший дворянских дочек, воспитанных «в послушании богу и преданности монарху», еще не видел в своих длинных сводчатых коридорах столько простого народу. Сюда стекались прибывшие из разных селений, городов, с фронтов делегаты Второго съезда Советов и командиры боевых дружин питерских рабочих.

Владимир Ильич остановился на широкой лестничной площадке, присел на край скамейки в полутемной части коридора и послал Рахью разыскать кого-нибудь из руководителей Военно-революционного комитета.

Мимо Ленина непрерывным потоком сновали люди. Одни разыскивали регистратуру, другие — комнаты для ночлега, третьи мчались с поручениями, четвертые солидно вышагивали, с неодобрением поглядывая на суету.

Владимир Ильич вглядывался в посетителей Смольного и старался угадать, кто и по какому делу находится здесь.

Вон тот в кожанке, придерживающий рукой кобуру тяжелого кольта, — явно командир отряда, получивший задание. Не зря же он бегом спускается по лестнице. Тот, испачканный в грязи парень, с защитными очками на шапке, скачущий через две ступеньки, бесспорно связной, принесший хорошую весть. Солидные господа — один в форме

лесничего, другой с повязкой Красного Креста на рукаве — без сомнения эсеры. Они чем-то недовольны, идут кому-то высказать свое возмущение. А тот, в пенсне... будто бы знаком. Ну, конечно же! Это же швейцарский эмигрант... из меньшевиков. Только бы он не подсел. Еще рано раскрываться.

Владимир Ильич отвернулся и, словно страдая от зубной боли, прижал ладонью повязку к щеке. Но меньшевик, устремившийся к скамейке, видимо, узнал его, потому что круто изменил направление и, засеменя в обратную сторону, то и дело оглядывался.

«Сейчас начнет разносить новость, — подумал Ленин. — Жди теперь любопытных».

Он поднялся, вышел на лестничную площадку и там столкнулся с Рахьей.

— Нашел, — коротко сообщил Эйно. — Там они все. — И повел Ленина по коридору третьего этажа к покоем классных дам.

В узкой прихожей и большой приемной Военно-революционного комитета было сильно накурено. Вооруженные люди толклись около столов и сидели прямо на полу в ожидании приказов. Пахло кожей.

Владимир Ильич и Рахья подошли к двери, охраняемой часовым.

— Велено пропустить, — сказал Эйно.

Часовой без возражений толкнул дверь и пропустил Ленина.

Войдя в ярко освещенную комнату, Владимир Ильич остановился на пороге. На него никто не обращал внимания. Находившиеся здесь члены Военно-революционного комитета, склонясь над планом города, о чем-то совещались.

Владимир Ильич молча снял пальто, бросил его на груды шинелей, лежащих на столе, потом сорвал с лица повязку и громко произнес:

— Приветствую! С началом пролетарской революции, товарищи!

Услышав знакомый голос, все присутствующие в комнате обернулись и несколько секунд стояли ошеломленные, не веря своим глазам, затем с радостными возгласами кинулись пожимать Ленину руку.

Быстро войдя в курс дел, Владимир Ильич первым делом послал сводный отряд очистить Литейный мост от патрулей Керенского, потом попросил стакан горячего чаю и принялся проверять достоверность донесений о захвате вокзалов, мостов, почты и телеграфа. Он не верил на слово и требовал подтверждений.

Телефоны в Смольном по приказу штаба Военного округа еще днем были выключены. Связь приходилось поддерживать через полевые телефоны, через связных на мотоциклах и лошадях.

Войска Временного правительства серьезного сопротивления не оказывали, хотя и были стычки на мостах и у телеграфа. Кончились они победой восставших.

В пятом часу утра вдруг стали действовать телефоны Смольного.

Владимир Ильич вместо тонкого голоса телефонистки услышал в трубке простуженный боцманский бас.

— Вот закавыка! Как их тут соединяют, сам бес не поймет! А барышни в обмороке лежат, — жаловался моряк, захвативший телефонную станцию. — Стрельбы испугались, сомлели. Но мы их сейчас поднимем, — пообещал он.

Керенский метался: то он появлялся в штабе и, угрожая сместить командующего, требовал решительных действий, то связывался по прямому проводу со Ставкой и узнавал, где и почему застряли посланные с фронта войска, то возвращался в Зимний дворец и успокаивал министров. .

— Большая часть гарнизона верна мне, — заверял он. — Я только что говорил с казаками, они выступят по моему приказу.

Уже во втором часу ночи министры Временного правительства разъехались по домам, во дворце остались бодрствовать Керенский и его заместитель Коновалов.

Они вызвали к себе командующего Военным округом, начальника штаба и комиссара ЦИК. Доклады военных не успокоили, а, наоборот, еще больше встревожили. Положение в городе с каждым часом усложнялось: все меньше и меньше оставалось воинских частей,

которые еще подчинялись приказам, остальные же были ненадежны и серьезного сопротивления рабочим не оказывали. Большевистские отряды без стрельбы и столкновений захватывали важнейшие пункты в столице.

Вскоре стало известно, что в Неву без разрешения вошла «Аврора» и что ее матросами захвачен Николаевский мост.

Керенский, не надеясь больше на командующего Петроградским военным округом, сам принялся командовать. Он связался со Ставкой, требуя войск с ближних фронтов, отдавая грозные приказы, но их мало кто выполнял. Командовать уже было некем. Даже верные казаки обнаглели и отвечали: «Без пехоты выступать не можем».

На рассвете, опасаясь худшего, Керенский вернулся в свой кабинет, чтобы собрать переписку и укрыть в надежное место. Но здесь силы оставили его: во френче он упал на оттоманку и пролежал на ней более получаса в каком-то полубредовом забытии.

Из обморочного состояния его вывел фельдъегерь. Он доложил, что большевики захватили Центральный телеграф и телефонную станцию. Многие телефоны дворца выключены...

Керенский поднялся с оттоманки, подошел к окну и раздвинул портьеру.

Над Невой занималось хмурое северное утро. Из кабинета был виден нависший над взъерошенной рекой Дворцовый мост, торцовая набережная и гранитный парапет.

Чуть правей на другой стороне Невы в тумане вырисовывались тускло поблескивающий шпиль и серая громада стен Петропавловской крепости. «Там уже враг, — думал Керенский. — Штаб округа без боя уступил большевикам такую могучую крепость. Только за одно это надо сместить командующего».

Председатель-министр вновь взглянул на набережную и почувствовал где-то внутри острый холод, словно внутренности пронизал стальной штык. Он ясно видел, как по мосту пробирались два матроса, катившие пулемет, а за ними, пригнувшись, бежал парень с винтовкой.

«Неужели они уже так близко?» — не мог поверить Керенский. Он протер глаза. Видение не менялось: ненавистные ему матросы продолжали двигаться. «Окружают», — понял председатель-министр. И головная боль сразу же прошла. Осторожно пятясь, он отошел от окна, вызвал адъютанта и приказал:

— Усилить охрану Дворцового моста и держите наготове автомобиль!

Он надел походный френч и вместе с Коноваловым направился в штаб Военного округа. Там, к своему огорчению, они узнали, что кто-то выкрал из бронированных автомобилей магнето и еще какие-то части. Боевые машины стали столь же полезными, как и водовозные бочки. Не порадовало и продвижение войск с фронта: они были еще далеко. Керенский принял твердое решение прорваться через большевистские заставы и самому встретить эти войска.

Премьер-министру достали в американском посольстве легковую машину. И вскоре с площади Зимнего дворца выкатили два поблескивающие лаком автомобиля. Они направились в сторону Исаакиевского собора. Патрули Военно-революционного комитета, видя на их радиаторах полосато-звездные американские флажки, расступались. Иностранные автомобили пользовались правом неприкосновенности.

После тревожной ночи министры собрались во дворце к двенадцати часам. На своем заседании они сместили командующего военным округом Полковникова и приняли указ о возложении на министра призрения Кишкина исключительных полномочий по наведению порядка в столице. Кишкину в помощники были приданы бывший заместитель командующего округом Рутенберг и новый генерал-губернатор Петрограда инженер Пальчинский.

Кишкин и его помощники первым делом взялись за укрепление обороны дворца. Открытая, широкая площадь хорошо простреливалась. С трех сторон ее замыкали громады зданий. Путь к Неве преграждала речка Мойка. Восставшие могли прорваться со стороны

Миллионной, Невского проспекта, Александровского сада и Адмиралтейства. Следовало соорудить укрепления перед входами.

В Зимнем дворце оказалось много дров, запасенных на зиму. Решили ими воспользоваться. Артиллеристы вместе с казаками вытаскивали тяжелые плахи на площадь, укладывали их штабелями и воздвигали укрытия с проходами к амбразурам для пулеметов и пушек.

Пальчинский, отвечавший за оборону, первым делом захотел взглянуть на план Зимнего дворца и его пристроек, но ему ответили, что такого плана не нашли. Вот и обороняй как хочешь, когда только одних лестниц во дворце сто семнадцать, а комнат более тысячи!

Тут же выяснилось, что для войск, прибывших во дворец, не завезено продовольствие. Продовольствие оказалось лишь в Главном штабе, но им можно было прокормить только человек пятьсот, а во дворце и на площади уже скопилось более полутора тысяч.

Владимир Ильич к утру написал обращение «К гражданам России». В нем говорилось, что восстание в Петрограде победило и государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали свое обращение по эфиру всем народам.

В третьем часу дня, сбросив с себя парик, Ленин неожиданно пришел на экстренное заседание Петроградского Совета.

Увидев похудевшего, с еще не отросшей бородкой, словно помолодевшего Владимира Ильича, депутаты вскочили с мест и в радости устроили такую овацию, что председательствующий долго не мог успокоить их. Пришлось самому Ленину с укоризной качать головой и показывать на часы: мол, что вы делаете, у нас нет времени на приветствия, угомонитесь!

Наконец депутаты утихли. Владимир Ильич поднял руку и внятным голосом сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Слова Ленина покрыло «ура». Питерцы бешено били в ладоши, радуясь успеху.

Штурм Зимнего

Самых крепких и отчаянных путиловцев вечером никуда не посылали, держали в резерве. Молодые дружинники, чтобы не скучать в ожидании, притащили в клуб социалистической молодежи гитары, мандолины, губные гармошки и под этот разноголосый оркестр принялись отплясывать. Плясали они самозабвенно, не жалея ни подметок, ни ладоней. От стука каблучков, хлопанья по голенищам, лихих высвистов и выкриков дребезжали стекла окон и, казалось, пол ходил ходуном.

Заехавший в клуб руководитель боевых отрядов Иван Егоров даже крикнул от удовольствия.

— Молодцы! В бой, как на праздник, идут! — Но тут же заметил командирам, что особо на пляс нажимать не следует. — Лучше сберегите силы, — посоветовал он. — А то выдохнетесь раньше времени.

— А когда нас вызовут? — спросили те.

— Может, ночью, а может, утром. Вот съезжу в Смольный и узнаю. А вам бы отдохнуть не мешало. Теперь дело солдатское, неизвестно, когда поспать придется.

Дружинники, получив приказ кончать пляску, стали устраиваться на ночлег — одни на сцене, другие — на стульях и скамейках, третьи — просто на полу.

Ночью их никто не будил. А утром на Путиловский завод приехал представитель Военно-революционного комитета. Доложив об успехах восстания, он сказал:

— Нам нужно захватить Зимний дворец и как можно скорей. Требуется ударный отряд путиловцев. Поставим его впереди солдатских цепей. Поэтому в отряде должны быть только храбрецы, которые сумеют повести за собой других. Найдете у себя таких?

— Найдем, — заверил Иван Егоров, вспомнив отплясывавших парней. — Куда высылать?

— На Морскую улицу, к арке Главного штаба. Через полчаса в Петергофско-Нарвском клубе молодежи послышалась команда:

— Подымайся... в ружье!

Молодые путиловцы мгновенно построились на улице и, взяв винтовки на ремень, быстрым шагом двинулись в центр города.

На крейсере «Аврора», стоявшем на якоре у Николаевского моста, по всем кубрикам шли разговоры о ночных сражениях с юнкерами и о предстоящем штурме Зимнего дворца. Матросы, готовясь к десанту, одевались теплей.

Вдруг по кораблю тревожно забили колокола громкого боя. Они призывали матросов и старшин на боевые посты к пушкам, машинам, топкам, к механизмам управления.

Матросы бегом помчались на свои места. На мостик взбежал комиссар Бельшев.

— Что случилось? — спросил он. — Почему боевая тревога?

Вахтенный молча показал на устье широкой реки.

Бельшев схватил бинокль и стал вглядываться. По Неве, поднимая буруны, шли против течения миноносцы, тральщики и еще какие-то небольшие корабли. На их мачтах колыхались красные флаги, палубы были заполнены вооруженными матросами.

— Наши! — громко объявил комиссар. — Отставить боевую тревогу!

— Ур-ра-а! — закричали матросы крейсера, подбрасывая вверх бескозырки. — Молодцы кронштадтцы, не опоздали!

Корабли подходили к пристаням, к гранитным стенкам правого берега Невы и высаживали десантников. Набережная покрылась моряками в черных бушлатах. На бескозырках золотились имена кораблей; как боевые вымпелы, трепетали и щелкали на ветру длинные ленточки.

Пройдя Николаевский мост, десантники захватили Военный порт, другие вышли к Исаакиевскому собору и окружили Мариинский дворец, где заседал предпарламент, третьи хлынули в Александровский сад, подобрались к Адмиралтейству и с ходу захватили Главный Морской штаб.

С дальних улиц живыми цепями подходили солдаты и рабочие к площади Зимнего дворца.

Юнкера, следившие за продвижением головных отрядов, то и дело открывали огонь из винтовок и пулеметов. Особенно трудно было продвигаться по Миллионной улице. Она насквозь простреливалась. Приходилось короткими перебежками занимать проходы меж домов и прятаться под арками ворот.

С Невы дул пронизывающий ветер. Временами он приносил то дождь, то ледяную колючую крупу.

Окоченевшие бойцы развели на прилегающих улицах костры.

Марсово поле походило на лагерь кочевников; бойцы приплясывали у множества костров, от которых летели искры и дым стлался по Летнему саду.

Оперативная «тройка» Военно-революционного комитета: Подвойский, Антонов-Овсеенко и Чудновский — еще ночью заслала на площадь, Зимнего дворца своих разведчиков. Рабочие прошли туда небольшими группами под видом санитаров, сторожей, дежурных пожарников и водопроводчиков. Разведчики высмотрели, как обороняются дворец и Главный штаб, установили, что в Зимний можно проникнуть через лазарет, находившийся в первом этаже здания, а кроме того, с набережной, через Детский проезд.

Во внутреннем дворе Зимнего разведчики обнаружили несколько бронированных автомобилей. Чтобы эти машины стали бесполезными, рабочие повываскивали из моторов важные детали и спрятали их в колодцах канализации. Часть разведчиков вернулась еще затемно, а часть осталась «дежурить» с тем, чтобы их «законно» могли сменить другие.

Днем оборона дворца усилилась: казаки, юнкера и «ударники» построили перед дворцом баррикады из березовых и сосновых плах.

Это обеспокоило Подвойского. Пришлось заслать на смену разведчикам агитаторов.

Юнкера Михайловского артиллерийского училища получили за подписью комиссара и начальника приказ покинуть позиции. Скучавшие артиллеристы обрадовались. Захватив свои четыре пушки и никому ничего не доложив, они ускакали с площади.

Позже, якобы для заправки бензином, так как во дворце его не оказалось, укатили машины броневое дивизиона. У Зимнего дворца остался только броневичок «Ахтырец».

50

1917-1967

На пыльных тропинках
далеких планет
Останутся наши
следы.

«Может, нашим агитаторам удастся распропагандировать и других, — думал Подвойский. Ему очень не хотелось первый день революции омрачать кровопролитием. — Авось, сдадутся без сопротивления».

Наспех на пишущей машинке был отпечатан ультиматум, в котором говорилось, что если Временное правительство не сдастся, то по дворцу будет открыт артиллерийский огонь из Петропавловской крепости и крейсера «Аврора».

Парламентеры, размахивая белым платком, надетым на штык, прошли в штаб округа и вручили ультиматум министру Кишкину.

— На размышления даем двадцать минут, — предупредили они.

— А вам известно, что во дворце госпиталь? — спросил Кишкин. — И в охране находятся ударницы... Будете стрелять в раненых фронтовиков и женщин?

— Эта хитрость вам не пройдет, — ответили парламентарии. — Мы министров отыщем.

Кишкин велел ждать и вместе с помощниками и начальником штаба удалился во дворец.

Прошло больше двадцати минут, а ответа все не было. Солдаты первого самокатного батальона — товарищи парламентариев — стали волноваться. Кто-то пустил слух, что в штабе расправляются со смельчаками, пытаются их. Самокатчики выделили группу решительных бойцов, чтобы те попытались выручить парламентариев.

Когда разведчики подобрались к зданию штаба, то у входа увидели невредимых парламентариев. Те в нетерпении вышли на улицу поглядеть, не идут ли с ответом офицеры. Заметив своих самокатчиков, один из парламентариев предложил:

— Раз они волюнку тянут, давайте накажем... захватим штаб.

Сговорившись, как действовать в здании, они ворвались в штаб, разоружили и арестовали офицеров. Но это ничего не изменило. Зимний дворец, утопавший во мгле, молчал.

Восставшие начали занимать исходные позиции для штурма. И тут вдруг пришло сообщение, что артиллеристы Петропавловской крепости отказываются стрелять по Зимнему. Подвойский немедля выехал к ним.

— В чем дело? Почему отказываетесь? — строго спросил он.

Артиллеристы, не глядя ему в глаза, сбивчиво оправдывались:

— Наши пушки стары, годятся лишь для салютов... Давно не чищены, прохудились стволы... Нет прицелов.

— Боевые снаряды не подойдут... если выстрелишь, разнесет ствол. Надо быть самоубийцами, чтобы стрелять из таких пушек.

Видя, что местные артиллеристы ненадежны и могут подвести, Подвойский позвонил в Смольный и потребовал замены.

— Хорошо, подыщу вам более решительных, — пообещал Свердлов и попросил: — Только вы, пожалуйста, не тяните со штурмом. Из-за вас затягивается открытие Всероссийского съезда Советов. Кончайте быстрее.

Не успел Подвойский переговорить со Свердловым, как прибежавший наблюдатель доложил:

— Зимний вроде бы сдался. С площади доносится «ура»... Никто больше не стреляет.

— Ну и чудесно, если так.

Приказав подготовить камеры для приема арестованных министров, Подвойский захватил с собой коменданта крепости и поспешил к Зимнему дворцу.

Автомобиль с зажженными фарами полной скоростью мчался по Миллионной улице. На горбатившемся каменном мосту Канавки его вдруг обстреляли. Пули, взвизгивая, защелкали по камням, по железу. Хорошо, что шофер не растерялся, успел затормозить и дать задний ход. Машина скатилась вниз по уклону и стала недосыгаемой для пуль. Погасив фары и развернув автомобиль, шофер сумел укатить из опасной зоны.

Оказывается, ко дворцу дважды ходили парламентареры. Сперва матрос с солдатом, а позже по приглашению ораниенбаумских юнкеров за баррикады ушел член «тройки» Военно-революционного комитета Григорий Чудновский.

Придя во дворец, Чудновский принялся объяснять сгрудившимся вокруг него юнкерам, что их положение безнадежно, так как весь город захвачен восставшими и участь Зимнего дворца предрешена.

— Тот, кто без кровопролития сейчас уйдет из дворца, будет пропущен в свою часть беспрепятственно, — пообещал он. — Ну, а остальных ждет позорная смерть...

В это время в зале появился генерал-губернатор Пальчинский. Выстроив юнкеров, он приказал арестовать агитатора и собирался тут же перед строем расстрелять его, но в ответ услышал грозный стук прикладов о паркет. Один из юнкеров от имени всех доложил:

— Мы дали честное благородное слово, что парламентар уйдет отсюда невредимым.

Пальчинский понял, что возбужденные юнкера не позволят расправиться с большевиком, надо было успокоить их. Он подошел к Чудновскому и сказал:

— Вы свободны, можете идти!

Но парламентар остался на месте.

— В вашу честь я не верю, — сказал Чудновский. — Вы арестовали меня, несмотря на слово юнкеров. Теперь прикажете всадить пулю в спину. Без конвоя я не уйду.

Пришлось дать ему конвой и выпустить из дворца невредимым, а юнкерам соврать, что ждать осталось недолго, войска подходят... Они уже в Луге.

Но из рядов послышалось ехидное:

— Надо хоть изредка заглядывать в железнодорожный справочник... от Луги сто тридцать семь верст!

Пальчинский призвал исполнить долг до конца, но юнкера, потупясь, молчали. Лишь после повторного вопроса они без всякого воодушевления разрозненно ответили: «Исполним!».

Потом ему пришлось уговаривать казаков, которые, посудачив меж собой и придя к выводу, что от министров никакой корысти им не будет, решили не рисковать жизнью, а уйти «по живу-здорову». Всякие высокие слова их не трогали. «Мы не знаем, чего нам здесь ждать», — отвечали они.

Три сотни казаков и много юнкеров, увязавшихся за ними, вышли за баррикады сдаваться, их встретили криками «Ура!».

Надеясь таким же способом обезвредить и остальных защитников Временного правительства, Чудновский еще раз сговорился с юнкерами и проник в Зимний дворец, а там опять наткнулся на Пальчинского и был арестован.

Свердлов связался с морским полигоном и вызвал к телефону комиссара. Объяснив, для какой цели понадобились моряки, Яков Михайлович спросил:

— Ну, как, ваши комендоры не откажутся?

— Если стрелять по Керенскому, мы всегда готовы, — ответил моряк.

Прибыв в Петропавловскую крепость, моряки выкатили трехдюймовки прямо на пляж под деревья и стали разглядывать их. Пушки действительно оказались устаревшими и сильно запущенными. Прицелов ни на одной из них не было.

— Н-да, из этих старушек много не настроеляешь, — определили комендоры. — Но ничего, на Керенского сгодятся и такие. Мы в него хоть из водопроводных труб стрелять будем.

Решено было целиться примитивнейшим способом: глядя в ствол, наводить пушку на здание дворца и, загнав снаряд в казенник, стрелять.

Все телефоны Зимнего дворца были выключены. Но один из них, секретный, которым пользовался только царь, продолжал действовать, так как имел отдельный провод. Министры Временного правительства сносились с внешним миром и взывали о помощи. Им даже удалось вызвать из Павловска артиллерию. Но конные артиллеристы, прикатившие в столицу без охранения, на Морской улице вмиг были обезоружены.

Одну из захваченных трехдюймовок солдаты подкатили к арке Главного штаба и, зарядив фугасным снарядом, нацелили на Зимний дворец.

Комендоры крейсера «Аврора» толпились у шестидюймовой пушки и напряженно вглядывались в серую, едва приметную в густой мгле громаду Петропавловской крепости. Они ждали сигнала. Там, впереди, должен был загореться красный фонарь, извещающий о начале штурма. Ветер усиливался. На взъерошенной поверхности Невы появились барашки. Склянки пробили половину десятого.

— Чего там, в Петропавловской крепости, копаются? — недоумевали авроровцы. — Сколько можно ждать?

Но вот с мостика послышалось:

— Сигнал!.. Вижу огонь на стене крепости!

Во мгле показался расплывавшийся в тумане багровый огонек. Он медленно плыл вверх.

— Носовое, огонь! — раздалась команда. Толстое жерло шестидюймовой пушки рывкнуло так, что, казалось, дрогнул озаренный вспышкой мост, и грохот, похожий на весенний гром, прокатился над вспененной Невой, над набережными, над площадью Зимнего дворца...

Словно эхо, из-под арки Главного штаба отозвалась пушка, и со всех сторон послышалось нескончаемое «ура».

Юнкера, засевшие за штабелями дров, не давали продвигаться вперед. На ровной и голой площади наступающим негде было укрыться.

Несколько молодых путиловцев устремилось к Зимнему. Они пробежали шагов двадцать и, прикинув к земле, дождались, пока подтянулись другие. Затем вновь вскочили; пригнувшись, сделали несколько шагов и опять упали. Дальше их не пропускали пули, взвизгивающие над головой.

В это время красногвардейцам, наступавшим со стороны Александровского сада, удалось пробиться к высокой, искусно выкованной решетке Зимнего дворца. Они уже

приближались к крайней баррикаде. Но вот тут в бой вступил приземистый броневик «Ахтырец», стоявший за пьедесталом гранитной Александровской колонны. Медленно поворачивая приплюснутую башню, он двинулся на рабочих и застрочил из пулеметов.

Красногвардейцы, не выдержав огня, залегли.

Моряки, притаившиеся за углом дома на Невском проспекте, почувствовав, что атака срывается, сбросили с себя шинели, взяли в руки гранаты и, пригибаясь, бегом устремились к броневикам.

Водитель «Ахтырца» направил машину на самых отчаянных, угрожая раздавить их колесами.

И вдруг один из моряков поднялся во весь рост и двинулся навстречу «Ахтырцу»... Сразу несколько человек ему закричали: — Не маячь!.. Ложись!

Но моряк, конечно, не слыша их, шагнул к машине, застопорившей ход.

Была минута, когда броневик, как бы испугавшись бесстрашного балтийца, даже попятился немного. Потом короткое дуло его пулемета шевельнулось, уставившись прямо на матроса... Но тот в это мгновение размахнулся и сильным броском швырнул гранату под колеса броневика. Взрывом «Ахтырца» подкинуло. Он накренился на одну сторону и больше уже не стрелял.

Воспользовавшись короткой заминкой, головная группа путиловцев, солдат и матросов прорвалась за баррикады, опрокинула юнкеров и через ворота ринулась во двор Зимнего дворца. В пылу атаки храбрецы не заметили, как оторвались от всей массы наступавших и оказались в тылу у противника. Их было немного, человек пятнадцать — двадцать.

Обойдя часовых, прорвавшиеся проникли по двум лестницам в главное здание и кинулись в коридоры, надеясь найти в какой-нибудь из комнат спрятавшихся министров Временного правительства.

А юнкера тем временем преградили пулеметным огнем путь другим отрядам восставших.

Наступавшее стали откатываться назад. Стрельба ослабевала.

Услышав пальбу из пушек и увидев на другой стороне Невы вспышки залпов, министры Временного правительства, сидевшие в Малахитовом зале, стали переходить в ротонду и широкий внутренний коридор без окон.

Вдруг откуда-то сверху посыпались стекла. В застекленном квадрате потолка, откуда днем поступал естественный свет, показался матрос и, крикнув «Полундра!», бросил гранату.

Юнкера, охранявшие «темный коридор», метнулись в рассыпную и попадали на пол.

Граната стукнулась в стену, откатилась в угол и разорвалась. Все обволокло дымом. Взрывом контужен был часовой, а министры лишь отделались испугом.

Послышались голоса: _ — Как попал на третий этаж матрос? Расстрелять мерзавца!

Но попробуй поймай его, когда он где-то затаился, да и вооружен до зубов, — не подойдешь.

Более безопасной была Малая столовая. Ее окна выходили во двор. Перед ними высилась каменная стена. Снаряды сюда попасть не могли. Министры стали собираться в Малой столовой и усаживаться за стол.

Два молодых путиловца, прорвавшиеся во дворец, попали в ту часть здания, где был размещен госпиталь для фронтовиков. Здесь они увидели солдат в халатах, на костылях, в марлевых повязках.

Раненые толпились в вестибюле. Они помогли матросу для маскировки натянуть на широкие плечи трещавшую по швам юнкерскую шинель.

«Свои», — поняли путиловцы и вышли к солдатам.

Выздоровливающие фронтовики показали им, как пробраться во внутренние покои дворца.

Желая хоть чем-нибудь помочь штурмующим, раненые пооткрывали в палатах окна в сад и пропускали во дворец пробившихся матросов и солдат. А те, разбредясь по этажам, поднимали неожиданную стрельбу в коридорах, чем вызывали панику среди осажденных. Юнкерам казалось, что они окружены.

Путиловцы решили позвать во дворец товарищей. Один из них вылез через окно в сад и перебежал к высокой ограде с искусно выкованными железными орлами.

На площади все еще шла беспорядочная перестрелка. С Невы светили прожекторы кораблей. По голым верхушкам деревьев струился то голубой, то фиолетовый свет.

Быстро перебравшись через ограду, путиловец отыскал своих дружинников в Салтыковском проезде и подсказал командирам, как легче проникнуть во дворец и навести панику с тыла.

Заседание Второго Всероссийского съезда Советов открылось поздно вечером, но Владимир Ильич не спустился в актовЫй зал, он оставался на третьем этаже в комнате Военно-революционного комитета. Сейчас на съезде делать нечего. Было бы, конечно, здорово явиться всей фракцией большевиков и объявить: «Временное правительство арестовано... вся власть перешла в руки Всероссийского съезда Советов!». Но Зимний еще не взят, и неизвестно, когда это произойдет.

Неясность положения тревожила Ильича. «Ну что там тянет Подвойский со своей «тройкой»? Неужели не понимают, что выжидание опасней всего. То, чего без больших потерь можно добиться сегодня, завтра станет недоступным. Бескровных революций не бывает. Сейчас решают не дни, а минуты и даже секунды. Необходимо наступать и наступать. Министры каким-то способом еще связаны с внешним миром. Они взывают о помощи. В Думе уже началась истерика: там призывают пойти умирать вместе с Временным правительством. То же самое может произойти и на открывшемся съезде Советов. Ведь на нем много бундовцев, эсеров, меньшевиков».

Владимир Ильич написал еще одно письмо Подвойскому, послал его с нарочным, открыл окно и стал вслушиваться.

В городе, казалось, шла обыкновенная, будничная жизнь. Еще кое-где ходили трамваи, высекая дугами искры, мирно светились окна домов и уличные фонари. Только вокруг Смольного пылали костры, под деревьями стояли кони, снарядные двуколки, походные кухни, легкие пушки. Сновали люди, подкатывали и с треском укатывали мотоциклы. Где-то на западе по облакам скользили лучи прожекторов.

Еще недавно с той стороны доносилась сотрясающая воздух пальба, взрывы, неясный стрекот пулеметов. И вот опять все стихло. «Неудача, что ли? Или вмешался кто-нибудь? Хоть сам отправляйся туда!»

— Владимир Ильич! — окликнул вошедший Свердлов. — Есть донесение. В Зимнем во время обстрела началась паника... с плачем покинули дворец ударницы женского батальона и, воспользовавшись переполохом, за ними выскочило много юнкеров и прапорщиков. На баррикадах остались самые отъявленные.

— Нечего с ними церемониться! Взять приступом. Нельзя больше тянуть.

— Я связному так и сказал. Есть городские новости. После истерических воплей думские деятели вышли на улицу и процессией двинулись по Невскому. Впереди городской голова Шрейдер. Шли с фонарями и зонтиками. На мосту у Казанского собора их задержали матросы. «Куда?» — спросил один из них. — «Мы идем ко дворцу умирать вместе с нашими избранниками — министрами!» — трагическим голосом ответил Шрейдер. Но матрос не понял его. «Умирайте дома, — сказал он. — Здесь болтаться с зонтиками нельзя!» И что вы думаете? Думские деятели, стеноя и оглашая улицу проклятиями, погасили фонари и повернули назад.

— Так с ними нужно поступать и впредь. Категоричность матросов мне нравится. А что сейчас на съезде?

— Продолжается говорильня. Бундовцы и правые эсеры истошными голосами требуют прекратить стрельбу по Зимнему. Они называют нас зачинщиками гражданской войны.

— Вот к чему приводит выжидание! — укорил Ильич. — Надо во что бы то ни стало опрокинуть... сегодня же взять Зимний! Как не поймут, что завтра будет трудней.

Осаждающие начали готовиться к новому штурму. По цепям был отдан приказ: прекратить всякую стрельбу, ждать сигнала.

На площади наступила тишина. Слышно было, как гудит и завывает ветер. Бегущий свет прожекторов то угасал, то возникал, пронизывая тьму со стороны Адмиралтейства и Невы.

Из-под арки вдруг раздался выстрел, а затем крик:

— Вперед! Ур-ра-а!

Его подхватили на Миллионной улице, у Певческого моста и у Александровского сада.

Одновременно с трех сторон с протяжным «Ур-р-ра-а!» лавиной ринулись на дворец рабочие, матросы и солдаты. Они ворвались на баррикады, на мраморные лестницы и, опрокидывая в рукопашном бою юнкеров, рассыпались по многочисленным залам и комнатам,...

В ожидании донесений Владимир Ильич занялся проверкой обороны дальних подступов к столице. Очень хорошо, что кронштадтцы поставили в Морском канале линкор «Заря свободы». Двенадцатидюймовые снаряды, выпущенные из его дальнобойных пушек, будут сокрушающей преградой на пути войск Керенского. Но этого мало. Надо выслать навстречу побольше агитаторов. Большевики сейчас обладают огромной взрывной силой. Кроме того, конечно, понадобятся сильные заслоны на всех дорогах, вооруженные полевыми пушками, пулеметами, блиндированными железнодорожными площадками. Поручив нескольким членам Военно-революционного комитета проверить, окружены ли красногвардейцами казармы юнкеров и казаков, верных Временному правительству, Владимир Ильич перешел в соседнюю комнату, чтобы еще раз взглянуть на большую карту, "разостланную на столе.

Он только на минуту присел и, подперев рукой щеку, закрыл глаза... И сразу почувствовал, что проваливается во тьму и никак не может подняться... Тело словно потеряло вес...

Сказались волнения и усталость двухсуточного бодрствования.

Сквозь это неожиданное забытие Владимир Ильич вдруг услышал приближающийся рокот, похожий на шум морского прибоя. «Что же это такое?» — не понимал он. «Гонец с доброй вестью», — словно подсказал кто-то. Но Ильич никак не мог прервать оцепенение, очнуться. И только когда из соседней комнаты послышался громкий голос: «Из Зимнего... от главнокомандующего Подвойского! Донесение. Требуется Ленин», — он наконец стряхнул с себя забытие и поднялся.

В комнату пропустили забрызганного грязью самокатчика.

— Что скажете, товарищ? — спросил Владимир Ильич.

— Вы... вы и есть Ленин? — не мог сперва поверить солдат, но, видя, что все почтительно умолкли, отбросил сомнения, решительно расстегнул клапан, сумки, достал сложенный листок и, протянув его, коротко отрапортовал: — Донесение!

— Благодарю, товарищ...

И Владимир Ильич протянул ему руку. Самокатчик смутился: никогда после вручения донесений начальники не приветствовали его. А тут вдруг благодарит Ленин! Солдат двумя руками схватил небольшую ладонь Ильича, сжал ее и радостно встряхнул. Глаза его блеснули.

Владимир Ильич быстро пробежал глазами донесение, выпрямился и уже торжественным голосом стал читать вслух:

— «Зимний дворец взят. Временное правительство арестовано, отведено в Петропавловку. Керенский бежал!»

Сразу же грянуло «ура», его подхватили в соседней комнате и в коридоре. И по Смольному покатилося ликование.

Владимир Ильич вышел из комнаты и направился по широкому, переполненному красногвардейцами коридору в зал на митинг. Бойцы, приветствуя его, расступались.

Бонч-Бруевич, шагавший позади, заметил, что Ильич не снял парика, он догнал его и предложил:

— Дайте парик, я его спрячу... может еще понадобится.

— Ну, положим! — хитро подмигнув ему, возразил Ленин. — Мы берем власть всерьез и надолго.

Ленинград. 1967 г.

стихи

Эдуардас Межелайтис

С литовского

Из Цикла «Воспоминания детства»

Деталь

Письмоносец приходит с почтой.

Я читаю... Не оторвусь...

Забываюсь —

и вижу:

тощий

Мальчик тащит огромный груз...

Вижу: маленький мальчик, слабый,

Муравей — посреди городка!

Но с какой он шагает правдой!

Для него она нелегка...

Он идет. Для него благодарно

Свет каштановых свечек горит...

И не ведают псы и жандармы,

Что за пазухой мальчик таит.

Вдоль слепого тюремного зданья

Он идет, беспокойством влеком.

Он ценою тюрьмы и страданья

Эту правду пронесит в свой дом.

Ну, а за полночь, маленький, ловкий,

Бродит

в обществе круглой луны...

С ней на пару он клеит листовки.

Что властями запрещены...

Вижу мальчика: маленький, слабый.
Он один — посреди городка...

(Не расстался и нынче он с правдой.
Хоть порою она нелегка...)

Песня без слов

Замки...
Ворота...
Коридоры...
Камеры...
Любой
проход
здесь стережет
винтовка...
Навоз
луны,
холодной,
неприкаянной,
В оконце
камеры
сочится
долго-долго...
И паутина,
мертвая
и черная,
Железная,
не даст вздохнуть
оконцу...
Давно
тоскуют
бронхи
заключенного
По воздуху,
по утреннему
солнцу...
Но
в камерах
измученные
жители
Ломают
впалой
грудью
крест
железный,
Когда
про
бой
«последний и решительный»,
Как аммонал,

взрывается
их
песня...
Перевел Владимир КОРНИЛОВ.

Расул Гамзатов

С аварского

Песня

Сыновья, стали старше вы павших отцов.
Потому что на марше любой из бойцов.
Потому что привалы годам не даны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Не чернила, а кровь запеклась на земле,
Где писала любовь свою повесть в седле.
Этой повести строки поныне красны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

В вашем возрасте мы возглавляли полки,
Отсвет звездности падал на наши клинки.
Опустили нас в землю, как сабли в ножны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Мы не знали испуга пред черной молвой
И своею за друга клялись головой.
И отцов не позорили мы седины.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Все, что мы защищали, и вам защищать,
Все, что мы завещали, и вам завещать.
Потому что свобода не знает цены.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Нужно вам, как нагорью, далеко смотреть,
Волноваться, как морю, как звездам,
гореть.
Будьте долгу верны, добрым думам
верны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Календарь

Никчемны наши разговоры.
Дань отдана с лихвою им.
Давай опомнимся и взоры
На календарь мы обратим.

Кочевья птичьи не вчера ли
На юг тянулись, но взгляни —

Уже из неоглядной дали
Домой торопятся они.

Мы снова спорили и снова.
Забыв, что движутся года,
А друга навестить больного
Опаздывали иногда.

Казалось, дни небыстротечны
И жизнь медлительна, как встарь.
Давай не будем так беспечны
И бросим взгляд на календарь.

Не раз теряли мы без цели
Свиданий сладкие часы.
Нацеловаться не успели.
Как седь сделались усы.

Пусть зелен лес, иль бел морозно.
Или желтеет, как янтарь.
Давай, пока еще не поздно.
Мы бросим взгляд на календарь.

*

Стою под облаком высоко
И вижу, небом окружен,
Лик родника вблизи истока
Прозрачен и незамутнен.

Но отбежит родник немного,
Венчая каменный откос,
И замутнит его дорога,
Взметая пыль из-под колес.

Вот так из колыбели света
Взлетают замыслы, чисты,
Но стоит им слукавить где-то,
Как станут меркнуть их черты.

Каким бы ветром ни подуло.
Но истина, презрев обман.
Легко, как девушка аула,
Пусть обойдется без румян.

Пожизненно мое влечение
К тебе в кругу лихих голов,
Первоначальное значенье
И чувств, и помыслов, и слов.

Хоть правды вкус порою солон,
Ее урезывать грешно.

Когда бурдюк вином не полон.
Скисает намертво оно.

*

Мне преподавал отец вначале
Уроки жизни, а потом
Их мне сородичи давали
И в одиночку и гуртом.

И не оставил без урока
Враг, походивший на змею.
Когда вокруг пальца он жестоко
Обвел доверчивость мою.

Но указал отец дорогу
И наказал не забывать.
Что в мире много, слава богу.
Людей светильникам под стать.

Поздней, когда у перевала
Я в бездну не слетел едва.
Мне путь-дорогу указала
Ушибленная голова.

Как надо петь, меня сначала
Учила мать, когда она
Ночами колыбель качала
И льнула к облаку луна.

И петь учила чистым тоном
Струна чунгура, что в тоске
Однажды лопнула со звоном.
Меня ударив по щеке.

Аварская сказка

— Будь славен, аллах! — Ваалейкум салам!
Куда ты торопишься так, молодец!
— Мое нетерпенье подобно крылам.
Лечу через горы я в ханский дворец.

— Братъ с места в карьер, ну какой в этом
прок!
К тому же дорога твоя нелегка.
И, может быть, будет полезно, сынок.
Послушать вначале меня, старика.

— Мне некогда, старец, спешу жеребца
Над бездною бросить, ощерившей пасть.
Я к ночи, даст бог, доскачу до дворца.
Чтоб ханскую дочку оттуда украсть.

И скрылся седок торопливый вдали,
И- утро зажгло на востоке костер,
И дни, и недели, и месяцы шли.
Но не возвращался джигит из-за гор.

Известно, что мир языкат и не глух,
А вести проходят сквозь щели бойниц.
И вот долетел до родителей слух.
Что сын их пасет на чужбине ослиц.

— Будь славен, аллах! — Ваалейкум салам!
Куда направляешься ты, удалец!
— Затем прикипела рука к удилам.
Что должен проникнуть я в ханский дворец.

Лежит на мне старшего брата зарок,
Красавицу выкрасть я должен в ночи.
— Совет тебе дать я желаю, сынок,
Ты выслушай старца, а после скачи.

— Прости меня, старец, но время не ждет.
Рад буду в другой тебя выслушать раз.
Коня полудикого бросил в намет.
Взбил облако пыли и скрылся из глаз.

И шесть новолуний прошло с этих лор.
Когда сквозь дувалы аульских дворов
К родителям весть приползла из-за гор.
Что доит их сын на чужбине коров...

— Будь славен, аллах! — Ваалейкум салам!
Куда твоя, парень, дорога ведет!
— Туда, где сломалась она попопам
У братьев моих близ дворцовых ворот.

И я на коране поклялся отцу.
Что выкраду белую ханскую дочь.
— Пожалуй, смогу я тебе, удальцу,
В отчаянном деле советом помочь.

— Рад буду я выслушать добрый совет.
И, спешившись, парень откинул башлык.
— Поможешь — готов до скончания лет
Тебя поминать я в молитвах, старик.

— В одежде монаха явись во дворец
И, не проявляя чрезмерную прыть,
С собой захвати три десятка колец.
Чтоб дочери ханской прислужниц купить.

У каждой дружок среди стражников есть.

Чья тоже легко покупается честь...

В свой срок с быстротой верхового гонца
Промчалась по горным селениям весть.
Что выкрали ханскую дочь из дворца.

А парень умел свое слово держать:
В положенный час совершая намаз.
Он в доме родном иль в дороге опять
Добром старика поминал всякий раз.
Перевел Яков КОЗЛОВСКИЙ.

ПРОЗА

Сергей Баруздин

я люблю
нашу
улицу...

РАССКАЗ

Улица как улица. Ничего особенного. Дома слева, дома справа. Деревья вдоль тротуаров. Почта на одном конце, почта на другом. Булочная рядом, химчистка, овощная палатка, три магазина — «Мясо», «Диета», «Продовольственный». Еще универмаг и комбинат бытового обслуживания. Это хорошо. Мать все время гоняет меня то за тем, го за этим. Пять минут — и я свободен. Все близко. Удобно, конечно.

Кинотеатров у нас на улице два — маленький и большой. Это на самом деле хорошо. Детский — «Друг», взрослый — «Питер». Они так называются — детский и взрослый, а на самом деле одно и то же. В детском крутят взрослые фильмы, а во взрослом — детские.

Улица широкая. Сразу и не перескочишь на другую сторону. Машины, троллейбусы, тягачи с лафетами — туда, обратно, туда, обратно. По соседству завод железобетонных конструкций и домостроительный комбинат. Балки, перекрытия, стены домов с готовыми окнами тянут на лафетах.

И все равно, что в ней необыкновенного? Сколько таких улиц и переулков в Москве! Поинтереснее есть! На одних Ленин выступал, на других дома, где бывал Пушкин. Здесь был штаб революционных рабочих, там — изба Кутузова или дом Горького. Лермонтов, Калинин, Грибоедов, Фрунзе, Огарев, Космодемьянская, Толстой, Талалихин... Все они где-то были, выступали, жили, читали что-то, но только не на нашей улице, и о них высечены доски на стенах домов, и о них говорят сами улицы табличками названий.

А эта и называется как-то смешно — по песку, да еще с добавлением «Ново...». А никакого песка вокруг — ни нового, ни старого — и в помине нет. Не считая того, что во дворы привозят — в песочницы — специально для малышей. Так это всюду привозят: и на Пресню и на Кутузовку. В такой песок и я играл, когда мне четыре года было и мы сюда переехали.

Десять лет мы живем на этой улице, и я привык к ней, как к дому своему и школе, как привыкаешь ко всему, к чему надо привыкать.

Можно ли любить школу? Я люблю школу, класс, уроки, учебники, отметки... Смешно, верно? Я люблю, ок любит, ты любишь... Надо, просто надо — и все тут. Это не кино какое-никакое и не футбол или хорошая книжка!

И дом! Тоже смешно — любить дом! Хотя дом не школа и, может быть, мне даже нравится дома, но любить?

А улицу — любить?

— Все-таки больше всех люблю нашу улицу! И какие мы мудрецы, что тогда на Ломоносовский не поехали!

Это отец говорит матери. Уже много лет говорит. А по мне хоть и Ломоносовский. Был там. Тоже улица. И ничуть не хуже нашей.

— Я вечером как сверну к нам, так вся усталость исчезает. Честное слово, лучше нашей улицы нет!

Это уже мать говорит отцу. Тоже много лет подряд.

А в прошлом или в позапрошлом году, не помню, совсем интересно получилось.

Приехал к отцу товарищ из Филадельфии, с которым они подружились, когда отец в Америку летал. Говорили о разном, а потом вдруг о нашей улице. Американец все спрашивал отца, о чем бы ему написать. Видно, журналист он был или писатель. Вот и просил отца подсказать, как и что лучше написать о Москве.

— Зачем лучше? Не надо, Гарри, лучше. Возьми просто нашу улицу. Обычная улица в Москве, а все же самая лучшая. Хочешь, давай я отпрошусь с работы, пойдем вместе. Статистику возьмем: кто живет на одной улице, что находится на ней. Увидишь, что плохо у нас, что хорошо. По квартирам побродим, по магазинам, по детским садам, школам. Это тебе не Красная площадь, о которой сто тысяч раз писали, и не улица Горького. Но давай. Клянусь, отличные будут очерки для Америки...

— О-о! Это очень заманчиво! — произнес американец.

И они трое суток ходили с отцом по нашей улице. Трое суток!

Странные люди! Ну, лучшая и лучшая, пусть будет так! А мне-то это, в общем, все равно. Улица и улица...

Я и по делу и просто так выхожу на улицу. Просто так — реже, когда делать нечего. По делу — школа, магазин, почта, кино, химчистка, комбинат бытового обслуживания — для починки ботинок.

Просто так? Ни для чего. Тут я вышел просто так.

— Пойду погуляю, — сказал я матери.

— Пойди, пойди, а то ты совсем воздухом не дышишь, — согласилась она. — Но к восьми возвращайся. Папа звонил, он задерживается до восьми. Ужинать будем...

— Вернусь.

Во дворе ребят не было, кроме малышей. Одного заметил — великовозрастного девятиклассника Володьку Карпова, свернул в сторону. Не люблю таких, как он. Сам не ребенок, а анекдотики Володькины и бесконечные его «предки», «девочки во-во», «все люди шизофреники» надоели. Как «хунвэйбин» какой-то! Ладно хоть, что он не в нашей школе учится...

Вспомнил, что у меня есть мелочь. От завтраков, Как раз на мороженое хватит. Пойду. На углу за почтой всегда мороженщица стоит. Может, по пути кого-нибудь получше Володьки повстречаю.

Двор развезло. Всю зиму снег сваливали с асфальта в горы, и сейчас он поник, потек, поплыл под ноги. Так каждую весну бывает. Открываются, оттаивают деревья в садике. Вылезают из-под снега машины собственников. Красный гриб-мухомор возле песочницы уже сбросил снег со своей огромной шляпы. И качели, что стоят рядом. И ограда садика вылезает зеленью планок из снега...

На улице снега нет вовсе. На улице чистые тротуары — сухие ближе к краю, мокрые ближе к домам. С крыш капает, в водосточные трубы льют ручейки и разливаются по асфальту струйками, лужицами, просто мокрыми пятнами. Апрель — капель.

Как всегда, весной у нас подстригают деревья на улице. Женщины в синих халатах поверх пальто с длинными палками-ножницами в руках стригут, как парикмахерши, ветки деревьев, другие забираются на лесенки и орудуют пилами. Отваливаются на тротуар ветки

и целые бревна, а сами деревья становятся маленькими, кургузыми обрубками, похожими не то на сказочные существа, не то на загадочные растения в пустыне. На баобабы, в общем...

Женщины в синих халатах продвигаются сначала по одной стороне улицы — от почты до почты, и за ними встают эти кургузые деревья с кучами срезанных веток на тротуаре. А потом они пойдут обратно — по другой стороне, опять от почты до почты. И там по противоположному тротуару появятся деревья-обрубки и кучи веток под ними. И когда женщины дойдут до начального конца, приедут машины, много грузовых машин, как в дни больших снегопадов. Они соберут ветки и бревна, подчистят тротуары, и на улице станет просторно и светло...

Я прошел мимо стригущих, пилящих, о чем-то переговаривающихся между собой женщин в синих халатах, мимо куч срезанных ими веток к почте, до которой они еще не дошли. За почтой, за углом дома, должна стоять мороженщица.

Мороженщица была на месте.

Я пересчитал мелочь, протянул:

— «Ленинградское»!

— Может, тебе взять? — спросил кто-то рядом. — Приветик!

Оказалось, соседка наша, Галя, что живет этажом ниже.

— Нет, у меня есть, не надо, — пробормотал я. Галю я почему-то побаиваюсь. Она старше меня, почти взрослая, учится в техникуме и уже работает. Когда она встречает меня, всегда говорит это «Приветик!» А я отвечаю серьезно: «Здравствуйте!» На лестнице или во дворе.

— Здравствуйте! — запоздало пробормотал я сейчас.

— Мне пломбир, — быстро сказала Галя и потом мне: — Смотри, а я тебе еще возьму, если хочешь!

— Нет, не надо, спасибо.

— Ты домой?

Мне бы сказать «да, домой». Да и куда мне идти, как не домой!

— Я в булочную, — пробормотал я. — Не домой. Сам не понял, почему ответил так.

— Жаль, а то бы ко мне зашел. У меня день рождения сегодня. Семнадцать стукнуло...

— Нет, я никак не могу...

Не знаю, что со мной случилось и почему я перетрусил. Даже мороженое не развернул и пошел к булочной, потом к метро. У метро вспомнил: «Надо было ее поздравить». Стал представлять, как надо было. Все представил: что говорю я, что она, что опять я, что снова она. И даже то, на что бы никогда не решился: «А мне очень нравится, когда я вас, Галя, вижу...» Нет, лучше так: «А вы мне очень нравитесь...» Или еще лучше: «А я...»

Мороженое потекло у меня в руке, и я сообразил, что все это чепуха. Ведь она ушла, и что я придумываю. Надо было пойти с ней вместе к дому, надо было поздравить, надо было зайти к ней, надо было цветы купить, вот тут у метро как раз продают...

Надо было! Дурак, ох, какой же я дурак!

Мороженое окончательно растаяло, я проглотил его, весь перемазавшись, и повернул обратно к дому. Опять вспомнил: «А вдруг она еще не дошла, задержалась?» И пошел тише, совсем медленно.

И в самом деле, мне некуда торопиться. Светло еще. И до восьми больше получаса.

Стрижка деревьев подвинулась ближе к почте. Еще два дерева и две кучи срезанных веток под ними. Женщины в синих халатах передвигались к очередному дереву.

— А ему что? Как с гуся вода! — сказала одна, тащившая лестницу.

— Она тоже хороша! — сказала другая, с ножницами на палке и пилой под мышкой.

— Ты вон, небось, не пошла на такое...

Они все обсуждали какие-то свои дела.

Еле заметно темнело. Не так, как зимой, сразу, а постепенно. Кто-то зашторивал окна в домах, кто-то захлопывал форточки. В двух подряд прошедших троллейбусах включили свет.

Владельцы собак вышли на прогулку, и я пожалел, что у нас нет собаки. Отец говорит: «Вот подрастешь, нам с мамой некогда». Им некогда, верно, но я бы и сейчас смог.

И неужели эти вот — с собаками — меньше заняты? Старички, и помоложе, и женщины. Правда, ни одного мальчишки и девчонки. Или у них детей нет? А только собаки? Это как в Швеции, отец рассказывал:

— Вы думаете, там собак ради собак заводят? Ничего подобного! Мудрый швед знает, что ему надо гулять, ежедневно гулять четыре-пять часов... Полезно для здоровья! Собака — хороший повод. Вот и высыпают в Стокгольме на улицы такие собачники. У одних — по шавке, по псу, у других — целое разнокалиберное собачье сборище. Два, три, четыре пса. Тянут хозяина, хозяйку тянут, а они и довольны. До собак им как до лампочки, а сами довольны — прогуливаются, кислородом дышат!

Я опять посмотрел вперед. Нет, Гали не видно. Что это я? Хватит, хватит думать о ней. Да и что может быть...

Навстречу мне шел мужчина с овчаркой. Мужчина сам по себе, овчарка, умная, красивая, лоснилась черно-серой шерстью и мудро смотрела на хозяина.

— Гуляй, гуляй, Диана! — произнес хозяин, когда мы почти поравнялись. — У меня, понимаешь ли, идея одна возникла... По работе, подружка, по ЦКБ нашему... Понимаешь? Ты гуляй, гуляй!

Он говорил с собакой, а думал, наверно, не о ней и не о себе, а совсем о другом. А говорил с ней, Дианой.

А Галя меня звала. И я не пошел. И ничего не сказал ей.

— Понимаешь, что это никакие не липы, а тополя! Самые настоящие душистые тополя. Уж такого не знать! Ну, Ширяев! Ну и что — Ширяев! Ширяев, да. Метр шестьдесят один, между прочим, хотя в одном классе с тобой учимся. И хотела бы ты знать, меня сейчас, этого самого Ширяева-восьмиклассника, девушка одна звала. Взрослая. Семнадцать лет ей, а не то, что тебе... И я просто так не пошел, некогда было. А липы-тополя...

— Между прочим, другие тоже не знают. Ничего страшного. Если захочешь...

Я не знал. Совершенно не знал. Стыдно, может быть. Десять лет живу на этой улице, а считал деревья липами.

— Липы совсем другие. Просто ничего похожего. Вот на улице Горького, например, Ширяев... Видел?

А что стыдно? Ну, липы, ну, тополя. Не все ли равно?

— Ты был на улице Горького?

Еще бы я не был на улице Горького! Сколько раз был, а как-то даже ездил специально. Галя туда поехала, а я за ней. Просто так. Сначала на метро до «Белорусской». Потом пешком, но так, чтобы она не видела, до Миусской площади. Там она исчезла. А я думал догнать ее и встретить как бы невзначай, но пока думал, она...

— Конечно, был! Ну и что!

— Ничего. Просто на улице Горького липы, и на других улицах... А у нас тополя.

— Я знаю, — почему-то сказал я. — А ты что тут делаешь? Зачем?

Я видел, что она копается в кучах срезанных и спиленных веток и отламывает от них кончики.

— А тебе не жалко?

— Что? — спросил я зло. — Если хочешь знать, я собак люблю!

— При чем тут собаки! Я о тополях. Тебе не жалко, что их так режут и пилят?

— Так это нужно, — сказал я. — Они растут лучше, когда их подрезают. Говорят.

— Лучше бы ты волосы свои подстриг. Смотри, зарос совсем, — сказала она. — А мне их, к твоему сведению, жалко. Не волосы твои, Ширяев, а тополиные ветки! Знаю, что их надо подрезать, а жалко...

Теперь я думал о ней — о Лизе Куприковой. Сколько лет сидим на одной парте, и я даже не замечал ее никогда, а тут вдруг заметил. На улице увидел и заметил. Эти ветки тополиные и это — «Ширяев». В школе она тоже говорит мне «Ширяев», но там не так, там школа. И почему-то она, никакая в школе (не ябеда, как другие девчонки, не отличница, а так себе...), здесь вдруг оказалась какая-то. А какая? И вовсе крохотная, будто не в восьмом, а в шестом учится.

«Тебе не жалко, что их так режут и пилят?» Мне не жалко, тебе не жалко...

И при чем тут мои волосы? Мои волосы, твои волосы, его волосы. Грамматика. А мы ее в детстве проходили...

Почему я думал о ней? Свернув с улицы во двор, думал. Пока шел по двору, думал. И, только войдя в подъезд и ступив на лестницу, вспомнил о Гале. Ведь я сейчас пройду мимо ее квартиры, где она празднует свое семнадцатилетие, куда она меня звала...

На лестнице было тихо. Не так, когда кто-то и что-то празднует. Тогда все слышно снизу доверху. Значат, не празднует? А меня зачем звала? Непонятно...

Я прошел мимо ее квартиры. Ни звука. Может, позвонить? Но мать сказала: «К восьми возвращайся». Сейчас, наверно, восемь...

Дома моему зовращению особо обрадовались. Отец без конца расспрашивал меня, мать хлопотала с едой, усиленно угощая. Друг с другом они не говорили.

Я сразу понял, в чем дело:

— Вы что, поссорились?

— Поссорились? Почему? Ничего подобного! — сказал отец, как-то неловко вскочил из-за стола и обнял мать. — Правда, Ирочка?

— Правда, правда, отстань! — говорила мать. — И все равно ты... Ешьте лучше!

— Характер! — доверительно шепнул отец, когда мать вышла на кухню. — Ничего не поделаешь!

— А что у вас?

— Да так, перемелется. Войну прошли. А это... Ничего. Знаешь, как у поэта: «Все пройдет, все перемелется».

— У кого?

— На Кавказе есть такой... Мудрый поэт! Наизусть запомнил:

Знает, знает, знает мельница:

Все пройдет, все щеремелется.

Основное ведь — мука.

Остальное все — труха.

Кажется, я не спал в эту ночь.

Слышал, как идут по нашей улице последние машины и троллейбусы и как отец в соседней комнате говорит матери:

— Ну, что такого особенного! Мы же не в безвоздушном пространстве живем!

Я видел, как качается фонарь над воротами, слышал, как дует весенний ветер за окном и слова матери и отца:

— А опекаешь ее почему? Подарки даришь?

— Какие подарки? Просто знак внимания к Восьмому марта. У нее же трудная судьба. Муж бросил, двое детей. В конце концов зарплата у нее в три раза меньше, чем моя... Ты, по-моему, просто ревнуешь.

Опять все реже и реже идут машины по нашей улице, и уже не слышно троллейбусов.

— Сколько мы с тобой живем? Вспомни, сколько?

— Двадцать два года, а что? Но...

— Сына вырастили. Ведь это — главное. Самое главное! Понимаешь? И разве...

— Понимаю, понимаю. Я все понимаю. Не сердись, пожалуйста!..

А я думал о Гале и о Лизе. Сначала о Лизе, потом о Гале. А может, наоборот. Где-то они сливались вместе, и я догонял Лизу на улице Горького, и говорил с Галей о тополях, и без конца путался в мыслях, не зная, чего хочу. .

«Ширяев», — говорила мне Галя. «Может, тебе взять? Приветик!» — говорила Лиза, показывая на школьный завтрак. «Мне пломбир!» И вдруг совсем непонятные слова Гали: «До собак им как до лампочки, а сами довольны — прогуливаются, кислородом дышат».

«Зачем тебе эти ветки нужны от срезанных . лип?» — спрашивал я.

«Для булочной. Ты же идешь в булочную, а со мной не хочешь».

«Почему ты соглашаешься, что это липы, ведь это тополя! Сама же говорила».

«Самые настоящие душистые тополя! Но мне не хочется с тобой спорить сегодня. У меня день рождения... А липы совсем другое. Просто ничего похожего. Вот на улице Горького, например... Но, честное слово, лучше нашей улицы нет... И какие мы мудрецы, что тогда на Ломоносовский не поехали!»

«Сколько мы с тобой живем? Вспомни, сколько? Сына вырастили. Ведь это — главное. Самое главное! Понимаешь?»

На следующее утро я шел в школу так, как еще никогда не ходил. Мне хотелось идти в школу. Я знал, что меня там что-то ждет, кроме уроков, кроме отметок, кроме...

Вместо того чтобы идти двором, я вышел на улицу к срезанным тополям. А всегда ходил двором: так куда ближе.

Кучи веток еще не убрали. И та, из которой Лиза отламывала верхушки, была цела. Никто другой ее, наверно, не трогал, не растормошил.

А Лизы тут не было. Двести метров по улице — и я опять свернул в наш двор — прямо напротив школы.

Я искал Лизу Куприкову, хотя это было глупо. Все равно она придет и сядет на парту рядом со мной, как было уже много-много лет.

Мы уже поговорили о чем-то с ребятами у входа в школу, в раздевалке и перед классом — в коридоре на третьем этаже, а я все искал глазами ее.

В самом деле, я уже заранее знал, о чем спрошу ее.

Просто так, как бы мимоходом, когда она сядет за парту или даже во время урока:

«Зачем тебе эти ветки нужны?»

«Какие?» — спросит она. Может быть, добавит: «Ширяев».

И тут уж я не дам маху:

«Тополя, что ты вчера собирала».

Был звонок, а ее не было. Я сидел на парте один. И среди опоздавших, а у нас всегда кто-то опаздывает, не было.

На перемене я спросил одну из девчонок:

— Чего это сегодня Куприковой нет?

— Наверно, заболела, — безразлично сказала она. — Полкласса почти нет. Ты же знаешь: грипп какой-то вирусный. С осложнениями. Вот у Тони Антиповой воспаление...

Полкласса меня не интересовали. Тоня Антипова тоже. И уроки в этот день.

После пятого я пошел уже не улицей, а опять двором.

В подъезде неожиданно столкнулся с Галей.

— Ты? Вот хорошо! Приветик! А у меня замок никак не открывается.

Я покраснел. Вспомнил, что весь день думал не о ней.

— Давайте я попробую.

Я взял у нее ключ, вставил в замок. Вертел влево, вправо — никак.

— Дурацкий замок, — сказала она. — И придумают же такие!

— Не получается, — признался я и еще больше покраснел от неудачи. — Никак!

— И дьявол с ним! Пусть мамочка моя ненаглядная помучается. Ее идея! Даже лучше! — зло выпалила Галя, и я совсем растерялся. Мне показалось, что она какая-то странная сегодня, непохожая на себя...

— Я пойду, — сказал я.

— Можно от тебя позвонить? — попросила Галя.

— Можно, чего ж нельзя... Мы поднялись этажом выше, к нам.

Я сразу же открыл дверь.

— Ты один?

— Один, отец с матерью на работе... Вот телефон.

— Я разденусь, а то жарко. Галя сбросила пальто, присела к телефону, а я не знал, куда деть себя. Положил портфель, зачем-то пошел на кухню, опять вернулся. В столовой разделся. И снова на кухню.

Не слушать же мне ее разговоры по телефону!

Но я все равно слышал. Непонятный разговор, какой обычно мальчишки ведут, вроде Володьки Карпова. Только слово «приветик» было ее, но она его повторила три раза и все по-разному: то смешно, то зло, то с удивлением.

— Так я приеду, — сказала она под конец. — До вечера, да? Только ты сообрази, как договорились...

Опустив трубку, она позвала меня:

— Ты где?

— Тут.

Я вышел из кухни.

— Загуляла я, — призналась она протяжно-весело. — И дома не ночевала и на работу не вышла. И буду гулять! У тебя, кстати, выпить нечего?

— Выпить? Что?

— Не воды, конечно! — рассмеялась она. — Вы всегда посуды много порожней сдаете, я знаю. Посмотри...

— Так это, когда гости...

— Посмотри, посмотри.

— Сейчас посмотрю в холодильнике, — услужливо пообещал я.

Она пошла за мной на кухню.

В холодильнике что-то было. Я достал начатую бутылку коньяку, показал ей.

— Вот это вещь! — обрадовалась она. — А мы всю ночь водку хлестали.

И сама достала с полки две чашки.

— Наливай!

— А-а... Вторая зачем?

— Как зачем? Тебе! __Что вы! Я... Мне...

У меня чуть не сорвалось с языка, что мне и так попадет, если отец с матерью заметят, а чтобы еще самому...

— Ну и приветик! Будь здоров! — сказала она. — Поехали! За нашу школу! Я тоже в ней училась. И за тебя!

Галя вобрала в себя воздух, словно перед тем, как нырнуть под воду, и залпом выпила почти полную чашку.

Я аж ахнул.

Потом она села тут же, на кухне, за стол и долго не уходила, а я стоял рядом с бутылкой в руках и не знал, что делать.

Галя молчала, и мне уже показалось, что ей плохо, как вдруг она посмотрела на меня, ухмыльнулась и сказала:

— Хорошо! До чего же хорошо, а! А я тебе; нравлюсь? Скажи, нравлюсь?

Не знаю, что мне надо было сказать.

— Не знаю, — сказал я, ничего не соображая.

— Знаю: нравлюсь! Нравлюсь, нравлюсь, нравлюсь! И ты ходишь за мной, бегаешь, смотришь. И мне это нравится. Скажу даже тебе, что ты, в общем, ничего... Ничего, вот только бы постарше чуть. Но ты и не маленький. Я в твои года...

— Не знаю, — опять пробормотал я.

— А я знаю! — решительно произнесла она. — И потому подойди ко мне, стань на колени и делай все, что хочешь! Я тебе все позволяю! Я, если даже хочешь знать... Ты мне тоже нравишься!..

Ты чего сегодня мрачнее тучи? — спросил отец. — Двойку схватил?

— И правда, что с тобой, сынок? — спросила мать. — Папа прав...

Они уже помирились, и я был рад этому, но мне хотелось сказать сейчас им, что лучше бы я схватил двойку, и что вообще двойки, колы, тройки, четверки, пятерки ничего не значат, и это не так уж важно, кто как учится, а важно что-то другое, более важное...

Я не сказал.

Сказал другое:

— Нет, сегодня отметок не было.

Про себя подумал: «И Лизы сегодня не было. И никто не удивился. Сваливают на какой-то грипп».

— Между прочим, — сказал отец, — сегодня есть важное для тебя постановление, слышал?

— Нет, какое?

— И тебя касается и вообще всех подростков, — пояснил отец. — Вам теперь все внимание. Книг для вас будут больше выпускать, фильмов, физкультура и спорт, конечно, а самое главное — воспитание. Воспитанием займутся всерьез...

— Нас и так воспитывают...

— А будут еще лучше. А впрочем... — добавил он и не договорил.

Я рано лег спать в этот вечер. Подошла мать, пожелала спокойной ночи, опять спросила:

— Не нравишься ты мне сегодня. Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Но... Посиди со мной, — попросил я. — А знаешь что? Скажи, пожалуйста, почему это вы, когда с папой о нашей улице говорите, что она самая лучшая, все Ломоносовский проспект вспоминаете? Почему? А если бы туда переехали тогда? Мать смутилась:

— И откуда ты?.. Это сложно, сынок. И не для...

— Я же не маленький, — сказал я. — И, поверь, мне очень, очень важно знать почему...

— Да, ты не маленький, — согласилась мать. — Как бы это тебе все объяснить. В общем, бывают перебои в каждом механизме. Вот и у нас тогда с папой перебой был. Если б на Ломоносовский, то он один бы туда поехал. Без нас с тобой. Но он оказался очень разумным, хорошим, твой папа. И мне не напоминает... Ни о чем... А мог бы!

— А ссоритесь? — вспомнил я.

— Это так, по глупости, — сказала мать. — Я виновата и все понимаю. Больше никогда не буду. И нельзя мне на этой улице ссориться с папой... Ведь она для меня... Ну, как бы тебе сказать?.. Как найденное потерянное счастье и...

— И что «и»?

— Не надо, сынок, ладно? Спи! Только о разговоре нашем папе ни-ни... Ты же взрослый!

Еще два дня я был в школе, а потом тоже заболел. Тем же гриппом с осложнением. Заболел некстати: конец учебного года и надо подтягиваться перед экзаменами. В восьмом классе, как назло, остались экзамены, хотя и не понятно зачем. Все равно еще два года учиться.

Говорят, что во время болезни люди быстро растут. Не знаю, вырос я или нет, но я много думал, пока лежал три недели. О чем? Об отце и матери, у которых что-то случилось давно, когда я был еще маленьким, и что прошло. О школе нашей, где все меряют отметками, чем-то привычным и нужным, но где не замечают, может быть, самого главного. Таких, как я, как Лиза, как Галя, наконец. А Галя тоже училась в нашей школе. Пусть раньше, а училась... И еще об этих самых подростках, которых надо воспитывать. И о тополях на нашей улице...

Третьего мая мне разрешили в первый раз выйти погулять.

Я вышел. Кружилась голова, и все было зелено: подрезанные тополя на улице, и яблони в парке рядом с «Питером», и трава...

То ли после болезни, то ли потому, что я стал умнее, но мне нравилось все, и я вспомнил, что наша улица — необыкновенная улица, самая лучшая, самая красивая. А может, я просто привык к тому, что так говорят отец с матерью. Для них, я теперь понимаю, улица наша... Но разве только для них?

Я свернул с улицы во двор и пошел к школе, в которой не был так долго. Почему пошел, не знаю. Сейчас я бы даже не сказал, что не люблю своей школы. Может, я люблю. Или просто привык.

Все оказалось точно. Через несколько минут из дверей школы начали высыпать старшеклассники. И наши тоже.

Я долго и подробно объяснял, как я болел, чем лечился, говорил, что готовил потихоньку уроки, чтобы не отстать, что в понедельник приду в школу. Так, мол, сказала врачаха.

Кто-то заметил, что я похудел, кто-то — что побледнел, кто-то ничего не говорил, и мне было все равно.

— А что, Куприкова еще тоже болеет? — спросил я между прочим.

— Куприкова? Она просто дежурная по классу. Сейчас уберет — выйдет...

Я долго еще болтался по пустому школьному двору, когда наконец услышал: • - — Ширяев? Ты что тут?..

— Я тебя жду, — не постеснялся сказать я. — Понимаешь, вот выпустили, и я пришел.

Тут я, кажется, совсем осмелел и сказал:

— Валялся пока, много думал. О тебе и... Скажи, а зачем ты тогда эти ветки тополиные собирала? Все хотел спросить тебя.

: — А на них уже побеги: листочки и корни, — сказала Лиза. — Я их в парке посажу у «Питера». Пусть растут деревья! Вырастут, вспомню — мои! Хочешь, вместе посадим?

— Хочу, — согласился я — А когда?

— Хоть-завтра. Завтра же выходной!

, Мы еще о чем-то говорили, и я сам удивлялся своей смелости и еще больше осмелел, когда Лиза сказала, что хотела прийти ко мне домой, но просто постеснялась.

— Завтра, знаешь, заходи, — сказал я. — Посадим твои ветки, а потом ко мне. Я тебя с мамой и папой познакомлю.

Почему я сказал: «мама» и «папа»?

— Я буду очень рада, — сказала Лиза. — Так, значит, в двенадцать у того тополя, да?

— У того...

Я не заметил, как проводил Лизу до ее дома, и пока мы шли, я ничего почти не видел. А пошел назад — увидел всю нашу улицу и тополя, на которых росли свежие побеги — сверху на срезанных ветках, и прямо на стволах внизу, и совсем рядом с ними, и пробившие асфальт тротуара.

Улица как улица. Ничего особенного. Дома слева, дома справа. Дома из серого кирпича. Это куда лучше, чем из блоков. Деревья вдоль тротуаров — по-молодому свежие

тополя. Это лучше, чем липы. Ведь липы еще только распускаются, а эти, даже подрезанные, уже зеленеют. И все тут на улице рядом...

— А у нас событие, — сообщил вечером отец. — Помнишь моего друга-американца из Филадельфии? Так вот он книгу нам свою прислал: «Уан энд э хаф майлз бай фут алонг а рашен стрит. Мемуаз оф эн Америкэн трэвеллер»¹. Я перелистал. Молодец, Гарри! Очень объективную и умную книжку написал. В ней что-то есть и о нас с мамой как о людях, влюбленных в нашу улицу. И даже о тебе в том плане, что ты, как все дети, безразлично относишься к месту, где живешь...

— А я тоже люблю нашу улицу, — сказал я. — Откуда он знает? Я небезразлично...

— И еще Гарри пишет, что улица наша — вроде бы и непримечательная исторически, на самом деле — сама наша история. Выросла там, где не было ничего. Поселила людей новых, рожденных нашей властью. И на примере нашей улицы...

— Пап! Если я тебя попрошу, — перебил я отца, — ты мне рубль дашь?

— Конечно, дам, а зачем?

— Я в парикмахерскую сбегая сейчас, пока не поздно, а то совсем зарос.

— Что, мать? — сказал отец. — Отпустим сына в парикмахерскую?

— Отпустим, — согласилась мать. — Он же взрослый у нас. Пусть сам следит за собой!

1 «Полторы мили пешком по одной русской улица. Записки американского путешественника» (а н г л.).

стихи

Амо Сагиян

С армянского

Четыре лета ушло

Остался на камне бич,
Осталось в буртах зерно,
Ревмя заревевший бык
На землю сбросил ярмо.

И ветер, как черный шквал,
Над крышами взял разбег,
И с ясного неба пал
На голову мамы снег.

Ушли... И один малец,
Усевшись в арбе, уснул,
И, перекрестясь, кузнец
Кувалдой в сердцах махнул.

На мельнице тишину
Не расшевелит река:
Зерно ушло на войну,
Ушла на фронты мука.

И в муках большой войны
Лежит за селом страна,

А вести темны, черны.
Лишь вера одна красна.

Четыре лета ушло,
А тяготам нет конца.
Семь писем — семь бед — легло
На старого кузнеца.

Когда же легла светло
На майских цветах пыльца.
Семь снимков — семь плит — легло
На старого кузнеца.

Он молот семь раз вознес,
Ударил в сердцах семь раз,
И, не утирая слез,
С досады ударил в пляс.

От счастья ударил в пляс,
А рядом с ним — за отцов,
А рядом с ним — вот так раз! —
Семь внуков, семь сорванцов.

Теперь-то уж у него
И правнуков полон двор,
Но молот свой все равно
Он держит и до сих пор!

Птицы мои, небесные птицы

Птицы мои, небесные птицы
Из перелетной стаи.
Вы не успели и опериться,
А уже вашими стали

И старые гнезда в тенистых ветках
И новенькие скворечни.
Вы — счастливее ваших предков
Юностью вашей вешней.

Ваши повадки, ваши усилья
Мне еще неизвестны.
Вы только-только раскрыли крылья,
Только запели песни.

Птицы мои, небесные птицы,
Кто вы! Куда летите!
За вереницами вереницы
Тянутся ваши нити.

Чувствуя зовы тысячелетий
И подчиняясь зовам,

Вы поднимаетесь на рассвете.
Мчитесь походом новым.

Как же ни ветер, ни лихорадка
Не изменили хода
Старо-классического порядка
Вашего перелета!

Утес

Тяжело сидит утес в ущелье —
Посредине детства моего.
Пот ручьем со лба его струится,
И с плечей свисают мох и плющ.
Он сидит, надев, как шапку, небо,
И приберегает в рукаве
Каждому какой-нибудь подарок:
Облачку приبلудному — карниз.
Голубю лесному — горстку зерен,
А козуле горной — тишину.
Путнику, уставшему с дороги,
В стужу он дает свое тепло,
А в жару — зеленую прохладу
Или воду, пахнущую льдом.
Духу древнего гостеприимства
Он не изменяет никогда:
Каждого по-царски одаряет,
Ничего не требуя взамен.
Он, как патриарх, сидит в ущелье,
По густым бровям его течет
Рыхлая и медленная туча.
Я смотрю сквозь дымку на нее
С обожанием единоверца,
Я смотрю, смотрю — и острый ком
К горлу подступает... С подбородка
Тень свисает черной бородой
На сухую грудь... И брезжит сходство
С кем-то очень близким. Черт возьми.
Ну, конечно, с дедом Хачипапом,
Он на деда старого похож!
Перевел Олег ЧУХОНЦЕВ

Максим Рыльский

С украинского

Заря моя вечерняя роняет...

Заря моя вечерняя роняет
Лучи над потемневшею водой.
Все стихло. Только голос молодой
В морской дали, как парус, вырастает.

По небу стая чаек проплывает.
Их тени над холодной волной —
Мои слова, что смолкнут ночью той.
Которая перо мое ломает..

Ликуй же, сердце! Без остатка пей
Хмельной напиток радости своей.
Пылай со всеми жаждою одною

И знай: неугасимая заря
Несет свое сиянье над землею,
Навек мою отчизну озаря.
(1949 г.)

Не Беатриче образ ясноокий

Не Беатриче образ ясноокий
И не вакханки темный пьяный взор
Навек запали в душу мне глубоко
И кличут вдаль, в сияющий простор.

Нет! Личико в простом платочке белом,
И руки тонкие, и золото очей,
И голос полудетский и несмелый
Мелькнули тенью в юности моей.

...И трепет ночи — первой и последней —
И слово то, что всех мудрее книг,
В ночном саду под липою столетней
Я первый раз услышал и постиг.
(1918 г.)

Цветет азаля

Цветут гортензии в Батуме...
Н. УШАКОВ

Цветет азаля, мой добрый Ушаков,
У года на краю, в конце его дороги,
И я люблюсь ей, как взором недотроги,
Что, душу истомив, любви услышит зов.

Растенью помогать я был всегда готов.
Хоть много было с ним заботы и тревоги,
Теперь цветет она, окрепшая в итоге, —
Зимы живой этюд к поре весенних снов.

Так и в поэзии и в жизни человека:
Сквозь пыль, и труд, и пот,
сквозь все невзгоды века
Мы достигаем, друг, вершин своей весны.

Сойдемся ж за своей традиционной чашей.
По-братски выпьем вновь за крепость
дружбы нашей,
За честь и чистоту счастливой седины!
(1941 г.)
Перевел Леонид ВЫШЕСПАВСКИЙ.

Аскад Мухтар

С узбекского

*

Старый пахарь с горбом,
обоженный в огне Прометея...
Сам согнувшийся в вечном труде,
распрявил он стан человека
над болотами, дикостью чащ,
над стихией звериных инстинктов!
И с землею сроднил на века...
И в пути бесконечном своем
повстречал он другого —
с головою тяжелой и мудрой,
крепким станом,
кующего сталь, разбивающего оковы...
И родился наш герб —
Серп и Молот!

И покуда они в руках у людей,
ржавеет оружие, пушки молчат,
но зато золотятся колосья,
и зреет лоза, и хлопок белеет,
и растут города,
и так будет вовеки,
покуда есть на земле этот герб —
не царя, не барона, не хана —
герб Труда, которым рожден Человек.

*

Скрипит арба, крылами птица машет,
и арбакеш поет о чем-нибудь...
Журавль в полете и солдат на марше —
все знают: песня сокращает путь.

О песен лад, добра и горя вестник,
меня в дороге этой не забудь.
Недаром я полжизни прожил в песнях,
хоть это мой и сокращало путь.

*

Соловей замолчал за сиренью.
Звезды реже, и небо серей.
И сиреневое оперенье,
точно слезы, роняет сирень.
И земля задержала дыханье,
затаила движенье свое —
точно маленькой птички молчанье
так же сладко, как пенье ее.

*

Выигрывает стих от повторенья:
традицией становится строфа.
Не с первого следа — от проторенья
родится настоящая тропа.
Не вспыхнет дружба от единой встречи.
И, речь чужую силясь покорить,
и в первый раз,
и во второй,
и в третий
ее слова должны мы повторить.
И долгий опыт, что в столетьях добыт,
всю мудрость мыслей, навыков и фраз —
и в малой части этот вечный опыт
мы не освоим за единый раз.
И ты черты любимого творенья
придашь не раз созданьям дорогим...
И лишь одно не терпит повторенья:
та жизнь, что кем-то прожита другим.

*

Поет печальным голосом рубаб,
и белый месяц стынет за листовок
и внятен вкус печали на губах,
оставленный исчезнувшей слезою.
О соль печальных уст!
О снег луны!
О слезы струн!..
Поведай мне, откуда
опять мы в эту ночь принесены,
где снова нас соединило чудо!
Ответь скорей,
покуда на губах
жива слеза,
покуда тень не тает,
покуда месяц кругл, как рубаб,
пока рубаб,
как голос твой,
рыдает.

*

Оттого, что песня так грустна,
все слова — как дареные перстни.
Сердце проникается сполна
каждым словом,
каждым звуком песни.
Сколько лет, о сколько долгих лет
лить дождем или костром гореть ей!
Отчего ж веселым песням нет
на земле такого долголетия!
Или в час любой у нас едва ль
милых нет, по ком тоскуют очи,
и недаром всякая печаль
в дом чужой как в дом заходит отчий!
Иль слова, что счастьем рождены,
носят всюду собственное имя,
и счастливым просто не нужны
радости, воспетые другими!
Перевел Александр НАУМОВ.

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Курзенков

Приземление

Тишина царила над заснеженными сопками, среди которых находился наш аэродром. В тот вечер мы, летчики-истребители Военно-воздушных сил Северного флота, были освобождены от ночных полетов. Я стоял возле своего командного пункта и любовался северным сиянием. Было морозно, градусов на тридцать тянуло.

Вдруг донесся далекий, чуть слышный надрывный звук. Он шел с высоты, со стороны моря. Не составило большого труда определить, что в небе вражеский самолет. Под покровом ночи он держал курс на Мурманск, где в незамерзающем порту у причалов стояли под разгрузкой океанские транспорты. О их прибытии нам, истребителям, было хорошо известно. В течение нескольких часов, пока сопки не затушевала темнота, мы прикрывали эти корабли с воздуха. Они доставили издалека очень ценные военные грузы.

Я не ошибся. В небе на подступах к Мурманску все чаще и чаще появлялись вспышки: рвались зенитные снаряды крупного калибра. Я побежал к землянке. Навстречу мне выскочил оперативный дежурный и торопливо доложил:

— Товарищ командир, на проводе командующий, просит вас.

Подбегаю к телефону.

— Сколько у вас летчиков-ночников, летающих в сложных условиях? — спросил командующий.

— Трое «стариков», товарищ генерал.

«Старикам», кстати, на троих приходилось шестьдесят шесть лет. Но это были уже обстрелянные ребята — комсомольцы, которые имели по два боевых ордена Красного Знамени каждый и командовали эскадрильями...

— Да-а, — протянул командующий. — Не густо... Кому можно поручить выполнение особого ночного боевого задания?

«Стариками» мне рисковать не хотелось. Если что случится, эскадрилья останется без опытных летчиков. А ведь воевали у нас в основном восемнадцатилетние.

— Разрешите пойти на задание мне.

— Что ж, добро, летите. Задание следующее: выяснить и сообщить по радио, на каком аэродроме сосредоточены сейчас ночные бомбардировщики фашистов. При обнаружении аэродрома нанесете бом-боштормовой удар. За вами пойдут наши бомбардировщики. Надо, чтобы ни один фашистский самолет за ночь не появлялся над Мурманском. В порту началась разгрузка транспортов. Там дорогостоящий для нас военный груз. Вы поняли меня, товарищ капитан?

— Так точно, товарищ командующий, понял!

— Очень хорошо! На подготовку к полету — сорок минут. Вылет в девятнадцать ноль-ноль!

Сверив часы со штурманскими, я отдал приказ инженеру полка подготовить мой самолет. Затем перезарядил пистолет. Была у меня привычка перед вылетом заряжать пистолет не по правилам: вставлял в пистолет обойму с восемью патронами, а «незаконный» девятый патрон досылал в канал ствола и ставил на предохранитель. Чтобы в случае необходимости было на один патрон больше...

...Где-то в непроглядной глубине затонул аэродром, сопки, ущелья. Высота — четыре тысячи метров. Монотонно гудит мотор. Раскаленные фиолетовые потоки выхлопных газов непрерывно текут из патрубков.

Вижу внизу частые вспышки. Это бьют по моему самолету зенитки — прохожу линию фронта. Но фашисты стреляют на редкость плохо: снаряды рвутся далеко позади. Не меняя высоты и скорости, иду на запад.

Фронт пройден. Справа, в глубине, свинцово поблескивает Петсамский залив — это хороший ориентир. Отходя от него, начинаю поиск фашистского аэродрома. Но не вижу ни одного огонька. Направляю самолет на север.

Под крылом самый северный норвежский город — Киркенес. Но и в его районе нет никаких признаков действующего аэродрома.

Бензин подходит к концу. Приходится ложиться на обратный курс, так и не выполнив боевого задания. Снова, только слева под крылом, Петсамский залив. И тут вдруг увидел, как впереди и значительно ниже меня моргнули три огонька — красный, зеленый, белый. Самолет! Чей? Только не наш. Зачем нашему включать бортовые огни... Может, их истребитель? Но я знал, что вражеские истребители по ночам не летали. Бомбардировщик! Наверное, подбили, дотянул кое-как, вот и просит посадку. Бойся завалиться в сопки.

Только я так подумал, гляжу: правее от меня лег на снег широкий дрожащий голубой луч прожектора. Он осветил хорошо мне знакомый Луастарский аэродром врага. В луче я увидел, как садился двухмоторный самолет. По силуэту сразу узнал «юнкерс-88».

Прожектор погас, и мрак ночи скрыл севший самолет врага. С досады я даже выругался. Цель ускользнула буквально из-под носа. И все же я пикировал. У меня под крыльями висели две небольшие осколочные бомбы, их я и решил сбросить на рулящий «юнкере», а чтобы не промахнуться, продолжал пикировать до предельно малой высоты.

Посадкой бомбардировщика фашисты открыли свой аэродром. Теперь уж нечего было маскироваться, и многочисленные зенитные батареи, охранявшие аэродром, открыли по мне сильный заградительный огонь.

Уткнувшись в прицел, вобрав голову в плечи, я на предельной скорости несся вниз, где при свете огня, выбрасываемого стволами пушек, автоматов и пулеметов, были видны стоявшие в ряд, как на параде, двухмоторные «юнкерсы».

Так вот вы откуда летаете! Сейчас получите!

Но тут меня ослепила яркая вспышка света, и жгучая боль пронзила ногу. Мой самолет загорелся, но продолжал пикировать. Я нажал кнопку. Бомбы пошли вниз. Через несколько секунд — два костра. Загорелись «юнкерсы».

Не выводя самолета из пике, нажал вторую кнопку. Застучали пушки. В одну очередь выпустил все снаряды по другим вражеским самолетам. Я знал: при такой стрельбе стволы пушек стоят, но это меня уже не беспокоило — пушки мне больше не понадобятся.

Теперь мне нужна была высота. Я спешил. Спешили и фашистские зенитчики. Для них мой горящий самолет был отличной мишенью. Не знаю, сколько осколков снарядов, путь врезалось в самолет, но я все же вырвался из зоны зенитного огня.

Облегченно вздохнув, я взглянул на приборную доску, чтобы определить высоту. И вдруг... вместо светящихся приборов увидел зияющую черную пустоту. Выбитая взрывом зенитных снарядов доска с приборами повисла над моими ногами. А ведь в ночном полете приборы — это глаза.

Включил радиостанцию, а са[^]з волнуясь: вдруг и она разбита. Начал передавать донесение: «Казбек!» «Казбек!» Я «Сокол!» Я «Сокол!» Действует аэродром, квадрат Н. Самолет горит, сам ранен. Лететь не знаю куда. Дайте курс! Прием, прием...»

Ответа ждал какие-то секунды. Но какими бесконечно длинными показались они!..

«Сокол!» «Сокол!» Я «Казбек!» Вас понял. Вас понял. Повторите! Повторите! Включаем пеленгаторы. Давайте позывные. Прием!»

Я повторяю донесение и отсчитываю позывные для настройки пеленгаторов...

— Вы уклонились вправо... Доверните сорок влево! Сорок влево! Понятно?!

— Понятно! — крикнул я, доворачивая самолет влево.

Выйдя на курс, истребитель на максимальной скорости понесся вперед. Я знал, что на таком форсированном режиме работы мотора можно пролететь не более десяти минут, потом мотор взорвется от перегрузки. Но мне нужно было скорее кролететь безлюдную заснеженную тундру.

На повышенном режиме пролетел немного. Нестерпимая боль в раненой ноге мешала пилотировать, пришлось снять ногу с педали.

Вдруг ухудшилась видимость. Сквозь стекла кабинного фонаря уже едва различались звезды, служившие мне ориентирами. Облаков на маршруте не было. Это дым закоптил стекла фонаря. Что делать? Сбросить фонарь? Тогда огонь начнет жечь. Не сбросить тоже нельзя. Без приборов долго не пролетишь — завалишься!

Нажимаю на аварийный рычаг. Фонарь немного приподнялся, и тут же напором встречного воздуха его сорвало. Кабина открылась. Я увидел звездное небо и на крыле огонь, который стало теперь забра-сывать в кабину. Спасаясь от обжигающего пламени, перехватываю ручку управления в левую руку, а правой в кожаной рукавице загораживаю лицо. Управляю самолетом левой рукой и левой ногой.

В таком неудобном положении пролетел еще немного. Огонь на крыле разгорался все сильнее, а я слабел, теряя кровь. Казалось, следовало выброститься на парашюте. Но меня удерживало отчетливое сознание: с перебитой ногой не уйдешь далеко по заснеженным сопкам.

Наконец подо мной залив. Теперь до аэродрома рукой подать. Появилась даже надежда на спасение. Передаю радиограмму: «Немедленно включайте прожекторы! Садиться буду с ходу, с остановленным мотором!..»

Но тут подо мной вдруг вспыхнули зенитные прожекторы. Я уже говорил, что в Мурманском порту разгружались океанские транспорты, доставившие очень ценные военные грузы, и несколько голубых лучей стали быстро склоняться в сторону моего горящего истребителя.

Я мгновенно включил аэронавигационные огни, выстрелил сигнальную ракету: «Я свой самолет. Я свой самолет...» Но артиллеристы-зенитчики уже вели по мне огонь.

И вдруг страшный грохот потряс самолет: прямое попадание крупного зенитного снаряда — и мой истребитель запылал, как факел.

Я быстро раскрыл замок привязных ремней. Ухватившись руками за борта кабины, подтянувшись, хотел было перевалиться, но не хватило сил преодолеть огромный напор встречного воздуха, и я снова оказался на сиденье.

«Сгорю!» С этой мыслью поймал ручку управления и резко дал ее до отказа вправо.

Мой самолет, еще послушный элеронам, перевернулся и лег на спину. Оказавшись вниз головой, я из последних сил толкнул ручку от себя вперед. Охваченный пламенем

истребитель факелом пошел в высоту. А возникшая при этом резком переходе из горизонтального в вертикальное положение огромная инерционная сила вышвырнула меня из кабины.

Кувыркаясь, я неся в черную пустоту. Мороз жег лицо, перехватывая дыхание.

Пока моя правая рука искала кольцо парашюта, меня перевернуло на спину, и я увидел, что, разбрасывая огонь и искры, мне вслед несется мой истребитель.

Открывать парашют было нельзя. Падающий истребитель быстро догнал бы меня, и огонь наверняка бы спалил шелковый купол парашюта. Надо было как можно дольше падать, не открывая парашюта, и контролировать свое падение, отсчитывая в уме секунды.

Десять, двадцать, сорок... Значит, «сбросил» уже более двух тысяч метров. За это время меня значительно отнесло в сторону от истребителя.

С трудом, усилием обеих рук, мне удалось выдернуть кольцо парашюта. Он раскрылся. Меня так трянуло, что даже сорвало с ног унты, привязанные к поясному ремню. Вслед за унтами слетела и левая рукавица. Но в этот миг я даже и не подумал о тридцатиградусном морозе. Лишь одна мысль: «Спасся!»

И тут же непередаваемый ужас сжал меня в комок. Снова засвистел воздух, и, перевалившись через левое плечо, я успел увидеть, как спасительный купол парашюта, складываясь, стал уходить от меня. Как потом выяснилось, силовые лямки парашюта были посечены осколками снарядов и, не выдержав динамического удара, оборвались... Не разжимаясь, я продолжал падать, зная, что теперь меня уже ничто не спасет...

А умирать так не хотелось...

Удар!.. И мои мысли оборвались.

Сколько я находился без сознания, не знаю. Очнувшись, почувствовал во рту привкус крови.

В горячке попытался встать, но тут же упал. Дикая боль парализовала тело.

Разбитый, истекая кровью, лежал я в сугробе и уже не ждал помощи, хотя аэродром находился совсем рядом. Кому придет в голову, что летчик с горящего самолета спасся?.. Лишь гранит иногда потрескивает на морозе. Кажется, слышу, как перестает пульсировать кровь в замерзающих ногах и в левой руке. Иногда открываю глаза... Отсчитываю свои последние минуты, не понимая, что же спасло меня от мгновенной смерти.

Теперь-то я это знаю: я упал на склон сопки и, скользнув по нему, угодил в большой сугроб. Но тогда...

Вот слышу знакомый гул самолетов: это улетают на задание бомбардировщики, — и снова убаюкивающая тишина. Хочется заснуть. Стоит большого труда открыть веки.

Мой обостренный слух вдруг уловил скрип снега. Кто-то идет... А может быть, показалось?

Попытался крикнуть и чуть не захлебнулся кровью. Шаги удалялись. Что делать?

Вот когда сослужил мне службу не по правилам заряженный пистолет. Не заряди его девятым патроном, я не смог бы выстрелить, потому что для перезарядки потребовалась бы левая рука, а она была выбита из сустава.

Правая рука, согретая теплом рукавицы, нашарила кобуру...

Услышал голос:

— Кто стреляет?!

Вместо ответа выстрелил еще два раза. Ко мне кто-то подошел и, склонившись, повторил вопрос.

Не разжимая крепко стиснутых зубов, я кое-как процедил:

— Летчик... Командир... Разбился... Отмерзают ноги... Левая рука...

Не раздумывая долго, человек сбросил с себя овчинный полушубок. Завернул в него мои замерзшие Ноги. Снял шерстяной шарф, им замотал левую руку.

— Товарищ командир, потерпите, — сказал мне он. — Потерпите, смотрите не засыпайте! Я бегом на аэродром, за народом.

Это был солдат с нашего аэродрома. Он шел через сопки по прямой, на батарею к друзьям. И вот, оказав мне первую помощь, солдат раздетым побежал обратно — на аэродром.

Сколько времени он не возвращался, не знаю. Видимо, несколько раз я терял сознание. Из забытья меня вывели голоса. Открыв глаза, я увидел свет электрических фонариков и склонившихся надо мной людей. Это были летчики и техники. Они попытались поднять меня, но я закричал от боли.

Нужны были носилки, но их впопыхах забыли. Кто-то быстро разделся, меня осторожно перекатали на расстеленный полушубок и на этих «носилках» понесли на аэродром.

Очнулся — опять от вспыхнувшей боли — уже в санитарной машине. Боль мне причиняли толчки на неровностях дороги. Собравшись с силами, я кое-как произнес:

— Не гоните так сильно машину. Больно...

— Что вы, товарищ командир! — услышал в ответ. — Машина едва крутит колесами.

В госпитале меня сразу перенесли в рентгеновский кабинет, раздели, положили на стол.

Снова проваливаюсь в бездну... И вдруг мой обостренный слух уловил:

— Тяжелые травмы внутренних органов. Гибель очевидна... Смерть наступит через несколько часов...

Неутихающая боль истерзала меня.

— Я все слышал. Не мучайте меня больше... Дайте что-нибудь! — крикнул я.

Врачи продолжали совещаться. Их разговор прервал чей-то громкий голос:

— Сестра, вот ключи. В кабинете в шкафу, на верхней полке, склянка. Принесите, пожалуйста, ее.

Я слышал, как булькала жидкость в стакан. Потом мне чуть-чуть приподняли голову.

— Выпейте, товарищ летчик, и вам будет легче. Я пил, не отрываясь. Пил, не ощущая ни запаха, ни вкуса, пока не осушил стакан. Сестра осторожно опустила мою голову. Прошло минуты две-три. Боль будто улетучилась, а силы стали прибывать. Я рывком поднялся. Сел, опустив со стола ноги, и крикнул:

— Безобразие! Почему меня раздели? Отдайте белье! Где летное обмундирование? Завтра полеты. Будут летать молодые летчики. Я должен быть с ними... Отдайте! Пустите!

Перепуганная сестра и подоспевшие врачи уложили меня.

Начальник госпиталя отчитывал медицинскую сестру, которая, перепутав склянки, дала мне неразбавленный спирт. А я вдруг почувствовал себя более чем хорошо. Стакан спирта не только заглушил боль, но и, как потом говорили врачи, вывел меня из шока, грозившего смертью.

Воспользовавшись моим «веселым» настроением, врачи вправили мне выбитую из сустава левую руку, обработали рану на ноге и наложили гипс. Затем меня перенесли в отдельную палату, которая ранее была кабинетом начальника госпиталя...

...О моей истории стало известно командующему Северным флотом адмиралу Арсению Григорьевичу Головки, который немедленно радировал главному хирургу флота, ныне известному московскому профессору Дмитрию Алексеевичу Арапову.

Добирался главный хирург в бухту, на берегу которой находился военно-морской госпиталь № 71, на быстроходном торпедном катере. В непогоду вблизи скалистых берегов Кольского залива на любом корабле плыть опасно, а на быстроходном торпедном катере особенно. Моряки почти всю ночь боролись с волнами, штормовым ветром, слепящим снегом и только к рассвету доставили Арапова в госпиталь.

Всю ночь меня мучили кошмары. К утру я немного забылся. Очнувшись оттого, что кто-то, склонившись надо мной, взял мою руку. Это был Дмитрий Алексеевич Арапов.

Каким-то особенно спокойным и ласковым голосом он спросил:

— Как вы себя чувствуете? Где у вас болит?

— Болит все... Это, наверно, конец?

— Что вы! Вы еще будете жить и даже летать. Вы хотите летать?

— Авиация — моя жизнь.

— Ну, а коль так — летать будете, — уверенно произнес Дмитрий Алексеевич. — Однако вам придется немного потерпеть.

И я терпел, кусая губы, пока Дмитрий Алексеевич снимал с ноги гипс, а затем оперировал ногу. Наркоз давно перестал действовать, а операция все продолжалась...

Прошло двое суток. И вот я снова лежу на операционном столе — предстоит операция правой почки. Она травмирована и не перестает кровоточить. Лицо мне накрыли марлевой салфеткой, но я чуть сдвинул ее и мог видеть все, что происходит вокруг. Дмитрий Алексеевич, в белой шапочке, с повязкой на лице и в фартуке, стоял рядом. Вдруг стало очень светло...

Чувствую, как правый бок мне протирают спиртом, как вонзается в кожу игла. Операцию делали под местной анестезией, опасаясь, что общего наркоза не выдержит сердце.

— Скальпель! — произнес Дмитрий Алексеевич. «Началось», — подумал я.

Я почти не чувствовал боли. Было лишь неприятное ощущение — скрипела кожа под скальпелем.

Неожиданно из разреза брызнула кровь, облив хирургу повязку на лице и клеенчатый фартук. Дмитрий Алексеевич что-то крикнул, а я ощутил невероятную боль. Его правая рука стремительно ворвалась ко мне внутрь и будто сжала все там тисками, вывернув всю душу наизнанку.

— Что вы делаете?! — не своим голосом закричал я. — Не могу терпеть! Дайте наркоз!

Дмитрий Алексеевич тоже кричал:

— Пульс! Пульс! Сердце!.. Больше я не слышал его слов. От боли я «зашелся».

...Проснулся... Мне было хорошо. Никакой боли. Светит солнце. Поют птицы. Журчит фонтан. И страшно хочется пить!

— Дмитрий Алексеевич! Он открыл глаза... — произнесла стоящая рядом женщина в белом.

Фонтан перестал журчать. До меня донеслись гулкие шаги, и я увидел Дмитрия Алексеевича.

— Проснулись? Очень хорошо. Как себя чувствуете? Боль есть?

— Нет... стало лучше, — ответил я.

— Ну вот и хорошо. Так и должно быть.

— Дмитрий Алексеевич, я отлетался? Почку-то, наверное, оттяпали?

— Зачем? Она еще понадобится... Почка была травмирована. Пришлось подштопать разрыв.

Тринадцать суток меня мучили кошмары, и моя жизнь висела на волоске. На четырнадцатые наступил кризис, и я уснул. Спал, не просыпаясь, более двадцати часов.

А когда проснулся и открыл глаза, я снова увидел седую голову и усталые темнокариые глаза моего спасителя, главного хирурга флота Дмитрия Алексеевича Арапова. Он спокойно сказал мне.

— Молодец! Выдержал! Теперь дело на поправку пойдет!..

И я поправлялся...

Вскоре с помощью Дмитрия Алексеевича встал с постели. Ноги были будто ватные. Задыхаясь от волнения, я даже шагнул вперед, поддерживаемый сильными и добрыми руками главного хирурга. Это был мой первый шаг к прежней нормальной жизни.

Вначале я научился стоять возле кровати, затем с помощью товарищей стал потихоньку ходить по палате, а в конце апреля мне разрешили первую прогулку на улицу.

Трудно передать мое состояние, когда, выйдя из госпиталя, я вдохнул полной грудью пьянящий морской воздух, окинул взглядом сопки, поросшие карликовыми березками, взглянул на голубое небо, от которого уже отвыкли глаза. Опираясь на плечо санитаря,

добрел до небольшой бухты, где находился причал для катеров, и присел на прогретый весенним солнцем уступ грунта.

С залива донесся гул мотора. Я поднял голову и увидел идущий на большой скорости катер. Когда, застопорив моторы, катер подошел к пирсу, я узнал его. Это был катер адмирала А. Г. Головки. Среди офицеров, сошедших на пирс, я сразу узнал Дмитрия Алексеевича Арапова и заковылял ему навстречу.

Я узнал, что командующий флотом дал согласие долечивать меня в условиях Севера, что эвакуация в тыл отменена...

Уже наступили июльские белые ночи, когда я закончил курс лечения в армейском госпитале, близ Кильдинстроя, и меня вызвал в город Полярный командующий Северным флотом А. Г. Головки. Он сказал, что, по заключению врачей, климат Севера мне противопоказан и меня решили отправить в штаб авиации Военно-Морского Флота.

Я был расстроен...

— Расстраиваться не нужно... Еще скажу вам по секрету... К 25 июля должны быть в Москве, в Кремле. Там ждет вас высокая награда... — закончил свой разговор со мной главнокомандующий.

Двадцать третьего июля на борту морской летающей лодки, двухмоторной «ГСТ», я покидал Кольский залив. За свою летную жизнь мне довелось пилотировать разные гидросамолеты, но на таком летел впервые, да еще в роли пассажира.

Когда мы поднялись выше черных береговых скал Кольского залива, к нашему гидросамолету приблизились два истребителя, которые должны были нас прикрывать от «мессершмиттов».

У меня сердце защемило. Поменять бы место пассажира в лодке на кабину одного из истребителей. Ох, и отвел бы душу! А истребители, будто дразня меня, то летели рядом, то вдруг стремительно снижались, отходили в стороны и снова приближались. Так долетели мы до границы района прикрытия — Лов-озера... И здесь истребители развернулись и покинули нас.

Наша «ГСТ» тоже развернулась и легла на новый курс, который вел в сторону Архангельска.

Командир летающей лодки пригласил меня в пилотскую рубку, и по неписаному закону летчиков мне уступили правое пилотское сиденье. А затем по жесту командира самолета, как новичок волнуясь, я положил свои руки на штурвал, а ноги — на педали... Моей воле, моему разуму был послушен новый для меня двухмоторный морской самолет...

В солнечном, без единого облака небе мы благополучно пересекли спокойную гладь Белого моря. При приближении к берегу мне пришлось покинуть пилотское место, так как в Архангельске предстояло сделать посадку для дозаправки горючего.

Уступив место правому пилоту, я остался в проходе, чуть позади сидящих летчиков. Мы летели на небольшой высоте, пересекая темно-зеленый массив, когда вдруг забарахлил один из моторов. Сделав несколько перебоев, он остановился. Тяжелая лодка стала снижаться. Один мотор был не в состоянии удержать самолет в горизонтальном полете. И вот, когда самолет должен был уже сесть на лес, среди его массива вдруг блеснула водная гладь.

Нас спасла Северная Двина. На последних дюймах высоты, когда днище лодки успело уже чиркнуть по макушкам сосен, командир корабля плавно отжал от себя штурвал, подводя самолет к воде.

Еще несколько секунд, и наша «ГСТ», глиссируя, заканчивала пробег.

— Ну, вот и все... Как учили, — произнес в наступившей тишине командир самолета.

На гидроаэродроме была установлена сложная поломка мотора, и о вылете в Москву раньше чем через двое суток и мечтать было нечего.

И тогда, спеша в Москву, я вспомнил неписаное правило летчиков: «Если очень спешишь, то «лети» поездом»...

Я так и сделал...

Р. С. Того неизвестного солдата, который первым пришел мне на помощь, я разыскивал свыше восемнадцати лет. И все же мне удалось его найти с помощью московского телевидения. Тем солдатом оказался Александр Иванович Рябов, который сейчас работает в Москве шофером.

*

Многоликий «Вихрь»

БЕРЕЖНО и любовно относится в Венгрии — стране Шандора Петефи, Яноша Араня, Атиллы Йожефа — к поэтическому слову, внимательно следят наши друзья и за творчеством юного поколения советских поэтов. Свидетельство этому — только что выпущенный издательством «Европа» в серии «Современная лирика» сборник стихов молодых советских поэтов «Вихрь», большинство которых начинали в журнале «Юность» да и сейчас являются его авторами. «Вихрь» не первая книжка этой серии: несколько лет назад венгерские читатели получили книгу «Современная русская лирика».

В сборник «Вихрь» вошли стихи поэтов, которые представляют поэзию многонационального Советского государства. Здесь Белла Ахмадулина и Майя Борисова, Владимир Цыбин и Олег Чухонцев, Юлия Друнина и Глеб Горбовский, Светлана Евсева и Римма Казакова, Александр Кушнер и Новелла Матвеева, Юнна Мориц и Юрий Ряшенцев, Петр Вегин и Иван Драч, Виталий Коротич и Геннадий Айги, Николай Дамдинов и Фазиль Искандер, Мухран Мачавариани и Эллен Нийт.

Составление сборника и перевод стихов принадлежат Жужа Раб — поэтессе, переводчице, замечательному художнику слова, вот уже двадцать лет отдающей русской и советской литературе свой ум, душу и сердце. В послесловии к сборнику Жужа Раб пишет, что ее главной целью было показать не имена, а «чем занято духовно близкое нам поколение поэтов, о чем оно считает необходимым писать, как формулирует свое кредо, как выражает присущий ему поэтический голос и что отличает это поколение от предшественников». В послесловии дается краткая, но выразительная характеристика почти каждого поэтического имени.

М. УЛЬРИХ

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Иван Купцов

НАШ ПУТЬ — В РЕВОЛЮЦИЮ ДАЛЬШЕ

Чудеса свершаются обыкновенно. Как и много лет назад, любители изобразительного искусства, уловив свободный час, заходят на выставку. И по-прежнему час этот длится долго, много более стандартных шестидесяти минут. Но чудо не только в этом. Просто зрители стали участниками события, беспримерного в истории. Они осмысливают и видят живыми 50 лет боев, труда, свершений и памяти. А когда-то говорили, что «это» не продлится и двух недель, ну, положим, месяца, на крайний случай года или еще что-нибудь подобного.

— А мы об этом давно слышаны, — может быть, скажет иной читатель. И ошибется! Потому что сколько ни рассказывай о жизни, «тему» ее не исчерпаешь. А советское изоискусство — жизнь во всей ее масштабности. И нет в ней пробелов лет, как нет пробелов в движении поколений. И разве не значительно, что вернисажи юбилейного года открыла Всесоюзная выставка молодых художников, уже известная приверженцам «Юности». Хорошо и другое: на последующих смотрах и молодым и маститым было что показать, а зрителям — что посмотреть.

«Смотреть можно на все», — напрашивается ответ. На все ли? Зрелища вкушают, мимо скуки проходят, всматриваются в серьезное, лелеющее в человеке человека. На юбилейной выставке столичных художников, начавшей парад вернисажей в Центральном выставочном зале Москвы, редкое произведение оставляло публику равнодушной. С репродукциями некоторых экспонатов читатель уже встретился в предыдущем и нынешнем номерах журнала. А если читатель — завсегдатай «Юности», то в художественных обзорах он уже встречал фамилию Никонов. Никоновых два. Два брата, два молодых художника. Картина Павла «В штабе Октября» уже публиковалась. Ее отличает драматическое настроение, вполне соответствующее ситуации, когда люди делают то, о чем позднее будут говорить и рассказывать. Михаил Никонов показал на московской выставке картину «Ленин с народом». Чем же запомнилась она?

Художник изобразил очень много людей. И до него нередко поступали так. Но Михаил изобразил много людей таким образом, что зритель проникся самим духом эпохи. Впитав в себя ее энтузиазм и надежду, суровую героину и нерелигиозный аскетизм.

В яркие одежды нарядил живописец городских жителей. Есть в них что-то былинное, возвышенно-непритязательное. Чувствуется праздник их душ, искренность настроения. Сегодня их день, их всемирная манифестация — революция вышла из подвалов и из подполий на улицы, стала новой Россией, стала страной, государством. И Ленину радостно от этого. И он сам — частица этого веселого, мужественного, работающего народа.

А за спинами людей — холодные краски пустой мостовой, становящейся символом тревог и тех лишений, без которых, вероятно, нет движения вперед.

Картина М. Никонова не иллюстрация. Она переживание момента, соучастие в судьбе, живой голос живых.

Весьма драматично полотно опытного художника Ю. Кугача «Селькор». Светлый, мечтательный юноша — наверняка заядлый чтец Демьяна Бедного — идет пустынной сельской улицей. А за стеной сруба его поджидают кряжистые кулаки, задумавшие свести счеты с комсомольцем. Разителен контраст их обликов, становящийся конфликтом внутреннего мира. И хотя грубая сила, как очевидно, восторжествует, моральная и историческая победа остается за молодым избачом, шагающим в бессмертие.

И естественно, что, продолжая тему революционного долга, жизнестроительства, многие художники на выставке показали образы героев Отечественной войны, целины, созидателей новых городов и промышленных гигантов.

В разделе скульптуры мне запомнились рельеф О. Плахотного «Монтажники» и круглая скульптура А. Семынина «Эстонские рыбаки»¹.

У Плахотного и в ритмике и в самих фигурах неподдельно передано восхищение перед чистым урбанизмом, когда человек видит в машинах «меньшого брата», живое и близкое себе существо.

В образах А. Семынина главенствует трезвый расчет, умное мужество людей, знающих цену и себе и морю, основывающих свои поступки на мудром преодолении трудностей.

«Разнообразны души наши», — писал когда-то Вл. Маяковский. И выставка москвичей демонстрирует подлинное богатство, самоценность благородных и истинных человеческих устремлений, страстей, переживаний.

Лукавым и отзывчивым на зов красоты представил О. Комов маститого историка искусства М. Ильина. Сколько настоящей страсти, «гнева Ахилла» в пластике и рисунках Э. Неизвестного! Драматизм, философичность и нежнейшая лирика воплотились в работах В. Горяева — живописи, иллюстрациях к Гоголю и Олеше.

Около двух тысяч работ показали москвичи в Центральном выставочном зале. И многие из них, как удивительная анималистика А. Белашова и П. Фролова, ждут специальных исследований, которые мне хотелось бы увидеть настоящими новеллами. Иначе получится скучно и недостойно.

А за отчетом столицы следует вернисаж Российской Федерации и Всесоюзная юбилейная выставка под сводом московского Манежа.

СЛОВО ВЕТЕРАНАМ РЕВОЛЮЦИИ

А. И. Микоян

о днях бакинской коммуны

(Из воспоминаний)

В СВОИХ воспоминаниях автор не претендует на всестороннее и систематическое изложение истории событий, которых он касается, — он и не ставил перед собой такой задачи.

История должна быть объективным и всесторонним, глубоко научным анализом всех фактов и событий, рассматриваемых обычно со стороны. Предлагаемые же записки, как и вообще всякие воспоминания, неизбежно носят односторонний характер: на описываемые факты и события наложен взгляд человека, который лично наблюдал все эти события или непосредственно в них участвовал. Поэтому он смотрит на них глазами прежде всего участника или наблюдателя, а не историка. Некоторые факты, события и встречи, может быть, и незначительные с точки зрения истории, но тесно связанные с автором и потому оставившие в его сознании глубокий след, занимают в воспоминаниях значительное место. И, наоборот, другие события, возможно, и более важные и более крупные, но прошедшие вне непосредственного, личного участия автора, остались за пределами его воспоминаний или изложены кратко и схематично. Такой подход имеет свои недостатки, но он вполне оправдан и имеет даже известные достоинства.

Воспоминания — если они, конечно, правдивы — ценны обычно тем, что дают читателю конкретный исторический материал, увиденный глазами того времени и тех людей.

Поскольку это личные воспоминания, имя автора довольно часто в них упоминается, хотя он всемерно стремился не выходить за пределы необходимого для объективного отображения истины. К тому же автор считает, что личный момент, личные переживания тоже небезынтересны для широкого читателя, который обычно хочет знать, как воспринимали те или иные события их непосредственные участники, как они смотрели на них, что тогда думали, чем руководствовались в своих поступках. Это помогает читателю не только лучше узнать и глубже понять самые факты и события, но и получить определенное представление об атмосфере, в которой они происходили, о настроениях людей тех дней, об их надеждах и чаяниях, о радостях их и огорчениях.

Если читатель — тем более молодой — найдет это в предлагаемых записках, их автор вправе считать, что цель его достигнута.

1

Я хочу рассказать о событиях, имевших место в Баку за сравнительно небольшой, но очень насыщенный революционными делами период Бакинской коммуны. Но прежде, чтобы правильно понять это время, следует хотя бы в самых общих чертах напомнить основные вехи становления Советской власти в Баку.

Надо сказать, что большевики пользовались большим влиянием и авторитетом среди бакинских рабочих уже в дореволюционную пору. В этом отношении знаменателен такой факт. Когда после Февральской революции, в начале марта 1917 года, в Баку был создан Совет рабочих депутатов, на первом же его заседании встал вопрос о председателе Совета. Большевики составляли тогда в Совете явное меньшинство. И, несмотря на это,

председателем Совета был избран — и притом заочно — большевик Степан Шаумян, находившийся в то время в пути из саратовской ссылки в Баку.

Влияние большевиков среди бакинского пролетариата еще больше возросло после удачно проведенной в сентябре 1917 года всеобщей забастовки рабочих нефтепромыслов под руководством Алеши Джапаридзе. Тогда была одержана крупная победа — рабочие добились коллективного договора с капиталистами; договор этот установил, в частности, 8-часовой рабочий день.

15 октября 1917 года состоялось расширенное заседание Бакинского Совета совместно с представителями промыслово-заводских комиссий, полковых, судовых и ротных комитетов. Большинство участников заседания было уже на стороне большевиков и поддерживавших их левых эсеров.

Шаумян предложил собранию объявить себя Временным Расширенным Бакинским Советом рабочих и солдатских депутатов, так как ранее избранный Бакинский Совет фактически уже умер. Лидер меньшевиков Садовский выступил против Шаумяна, заявив, что «это собрание ничего общего не имеет с Советом». Тогда лидер левых эсеров Сухарцев заявил, что собрание может считать себя правомочным, так как Совет в старом составе больше не соберется, а воля бакинского пролетариата и военного гарнизона вполне авторитетно выражается настоящим собранием. Предложение Шаумяна было принято подавляющим большинством голосов.

Совет, избрав делегатов на II Всероссийский съезд Советов, принял предложенную Шаумяном резолюцию, в которой содержалось требование «отобрать власть у врагов народа и передать ее в руки самого народа в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

*

Известие о переходе власти к Советам в Петрограде пришло в Баку 26 октября 1917 года. На следующий же день состоялось заседание Бакинского Совета, на котором меньшевикам, эсерам и дашнакам¹, не признававшим власти Советской России, удалось сорвать решение о переходе власти к Бакинскому Совету.

¹ Дашнаки — члены армянской буржуазно-националистической партии.

Бакинский комитет партии обратился тогда к рабочим массам с призывом исправить допущенную ошибку и «стать горой» за власть Советов. Начались массовые митинги на промыслах и заводах, а также в воинских частях, где принимались резолюции в поддержку Советской власти.

В острой борьбе с правыми партиями на заседании Бакинского Совета 31 октября 1917 года удалось принять такое решение: «Поддерживая, в противовес буржуазии и калединцам, нарождающееся новое правительство во всероссийском масштабе, Бакинский Совет находит необходимым поставить перед собой задачу расширения власти Совета и в Бакинском районе, вплоть до перехода всей власти в его руки».

Когда началось следующее заседание Совета — 2 ноября 1917 года, — меньшевик Богданов в знак протеста призвал своих сторонников — правых эсеров, меньшевиков и дашнаков — покинуть заседание Совета. Из 468 присутствовавших ушло 124 человека. В Совете остались лишь большевики да блокировавшиеся тогда с ними левые эсеры и беспартийные.

Совет принял предложение Шаумяна об избрании нового состава Исполкома, способного проводить линию Советской власти. Было решено также упразднить «Исполнительный комитет общественных организаций» — местный орган Временного правительства, подчинить все вооруженные силы бакинского гарнизона Совету и не допускать их передвижения без ведома и согласия Совета.

На этом заседании было принято постановление о том, что «высшей властью в городе Баку является Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов».

Так, без вооруженной борьбы, был провозглашен переход власти в руки Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

*

Этот переход проходил в сложной обстановке. Национальные противоречия, разжигаемые шовинистами из армянской и азербайджанской буржуазии, натравливание одной национальности против другой ослабляли фронт борьбы рабочих против капитализма, ослабляли единство рядов пролетариата.

До революции почти 15 процентов мировой добычи нефти падало на Баку. Кавказская нефть значительно раньше, чем персидская, привлекла внимание мирового капитала. К 1917 году здесь орудовали крупнейшие иностранные акционерные общества — Нобеля, Ротшильда и другие, а также русские, азербайджанские и армянские нефтепромышленники.

Интересы капитала в борьбе с рабочим классом, против Советской власти, объединили все эти группировки капиталистов в «Союзе нефтепромышленников». С другой стороны, их разъединяли противоречия двух мировых воюющих между собой коалиций: германо-австро-турецкой и Антанты (Англия, Франция).

Наряду с Советом в Баку существовала тогда вновь избранная городская дума, большинство в которой захватили капиталисты и представители правых социалистических партий, а также дашнаки и мусаватисты. Кроме чисто муниципальных функций, дума, в противовес Бакинскому Совету, тоже претендовала на политическую власть.

Мусаватисты — члены азербайджанской буржуазно-националистической партии.

Меньшевики, эсеры и дашнаки, покинувшие 2 ноября заседание Бакинского Совета, организовали «Комитет общественной безопасности», выдававший себя за якобы демократический орган местной власти. Этот комитет также противопоставлял себя Бакинскому Совету и не признавал центральной власти в Советской России.

Обстановка была настолько сложной, что Бакинский Совет в течение нескольких месяцев, по сути дела, не обладал всей полнотой власти и, образно говоря, находился на пороховой бочке.

Партия большевиков развернула широкую работу в массах, разоблачая врагов Советской власти. Главное внимание было обращено на укрепление вооруженной опоры Совета. Была создана боевая партийная дружина при Бакинском комитете, в промысловых районах организовывались отряды красногвардейцев. Серьезную опору Совету имели в Каспийской военной флотилии, где большинство матросов поддерживало Советскую власть. Одним из вожakov матросов был ныне здравствующий Аркадий Кузьминский. Бакинский гарнизон, состоявший из различных частей старой армии, в своем большинстве тоже был на стороне Советов.

В ту пору «душой» солдат, властителем их дум был военный комендант Баку — прапорщик Авакян. О нем мне хочется сказать несколько слов. Авакян был смелый, самоотверженный человек. У него были, правда, свои «особенности»: он, например, упорно считал себя социал-демократом, но не примыкал ни к партии большевиков, ни к партии меньшевиков, держась одиночкой. Став после Февральской революции комендантом Баку, Авакян был целиком поглощен участием в солдатских митингах. Это была его страсть.

Помню, в июне, во второй половине дня, когда спадала жара, на площади Свободы начинались эти митинги. Солдаты соорудили на этой площади специальный деревянный помост, на нем — трибуну, с которой обычно Авакян и выступал, иногда по два-три раза за вечер. Говорил он страстно, образно, всегда находя простые, убедительные слова и

аргументы. Его слушало от двух до трех тысяч солдат. К ночи число слушателей постепенно уменьшалось, а к полуночи митинги вообще прекращались. На этих митингах без разбора выступали самые различные ораторы. Не выступали только официальные представители партий.

Я иногда по нескольку часов простаивал на этих митингах, слушая, что говорят ораторы и как реагируют на их речи солдаты. Слушали солдаты внимательно, реагировали живо. Ораторы в своих речах, подчас нескладных, сумбурных, но идущих от души, высказывали затаенные думы и чаяния народа.

Подавляющее большинство солдат было тогда еще в плену лозунгов «революционного оборончества». Меня так и подмывало выступить с изложением позиции большевиков, хотя это было и небезопасно, потому что открытое выступление против войны могло тогда вызвать недовольство и грозило расправой. Я сам был свидетелем, как кричали с мест и бесцеремонно прерывали выступавших за прекращение войны. Но все же я как-то решил пойти на митинг и выступить: будь что будет!

Почти всегда во время митинга Авакян сидел на виду у всех. На сооруженном солдатами помосте, недалеко от трибуны, он сидел обычно на своем складном трехножном стульчике, который всегда таскал с собой. Внешний вид у него был необычен: черный плащ, на голове какой-то странный убор — ни офицерский, ни солдатский. Он был очень худой, но живой и симпатичный. Я всегда мысленно сравнивал его с Мефистофелем, как я его себе представлял в воображении. Авакян знал, что солдаты его любят: он действительно безраздельно владел их душами.

На одном из митингов я выступил и рассказал о позиции большевистской партии. Продумывая свое выступление, я решил сначала не резко, в доступной форме рассказать об общих принципах нашей политики, а если удастся овладеть вниманием слушателей, то в конце выступления поставить вопрос и о войне. Я говорил, что хватит общих речей о передаче земли крестьянам: сколько месяцев мы уже говорим об этом! Крестьянам надо немедленно взять землю в свои руки, и для этого нечего ждать Учредительного собрания. Увидев, что мои слова вызывают одобрение, я продолжал: «В то время как наши братья в окопах терпят невероятные лишения, полураздетые, голодные и грязные погибают на войне, а их семьи страдают в нищете и голоде, — капиталистам война приносит огромные барыши, они утопают в роскоши, пируют в ночных ресторанах, а своих сынков стараются спрятать подальше от фронта, в тылу». Так как эти слова вызвали еще большее одобрение слушателей, я подошел к главной своей мысли: «Ясно, кому на пользу война, — она нужна только капиталистам. Поэтому надо кончать с войной. Но этого не хочет и этого не может сделать Временное правительство Керенского; значит, надо его свергнуть и передать власть рабочим и крестьянам».

Последние мои слова были выслушаны с напряженным вниманием. Потом раздались выкрики недовольства. К трибуне стала приближаться группа воинственно настроенных солдат. Поднялся шум. Но я уже закончил выступление, сошел с трибуны и, решив не задерживаться, ушел. Товарищ, который был вместе со мной, потом говорил, что я хорошо сделал, уйдя вовремя, так как со мной хотели расправиться.

Во время моего выступления Авакян упорно молчал.

Вскоре он вместе с солдатами стал очень быстро «леветь», а в октябрьские дни перешел полностью на позиции большевиков, повел бакинский гарнизон на поддержку Советской власти и стал одной из самых ненавистных фигур для правых партий. Впоследствии Авакян погиб смертью храбрых, как коммунист, вместе с бакинскими комиссарами.

*

В связи с объявлением демобилизации и изданием декрета о передаче земли крестьянам солдаты бакинского гарнизона, в большинстве своем состоявшие из крестьян

Центральной России, стали уезжать на родину. Остатки старой армии, поддерживавшие Советскую власть, таяли изо дня в день и наконец, как и в других местах, совершенно распались. Встала задача создания новой, социалистической армии.

В феврале 1918 года в Петрограде и Москве уже началось формирование частей Красной Армии. Такая же задача была поставлена и перед Бакинской партийной организацией.

Однако создание вооруженных сил в Баку развернулось не сразу с должным размахом. Положение стало резко меняться к лучшему после того, как в Баку переехала из Тбилиси группа большевиков — руководителей Кавказского краевого Военного Совета. (В Тбилиси они не имели достаточной опоры, так как господствовавшие там меньшевики создали свое военное руководство.) В эту группу входили товарищи: Корганов, Шеболдаев, Малыгин, Солнцев, Габышев, Коганов, Ганин и другие, согласившиеся остаться в Закавказье для создания Красной Армии.

Работа по организации армии широко развернулась примерно в конце февраля — начале марта 1918 года. Ее возглавил старый большевик Григорий Корганов, пользовавшийся огромным авторитетом среди солдат Кавказского фронта. Его заместителем стал Борис Шеболдаев, тоже большевик с дореволюционным стажем.

Вся их деятельность шла под общим руководством Шаумяна.

Были созданы интернациональные батальоны, полки, вспомогательные войсковые части, сформировано три бронепоезда. Главный контингент составили солдаты, в прошлом бакинские рабочие, а также молодежь, еще не прошедшая военной службы. Вскоре Шеболдаев сообщил в Москву, что к июню 1918 года в районе Баку удалось собрать до 13 тысяч красноармейцев, сформировать их в батальоны, объединить в четыре бригады и в основном закончить формирование штаба корпуса.

Для подготовки командных армейских кадров в Баку была создана инструкторская школа во главе с очень способным военным организатором, членом Военно-Революционного Комитета Солнцевым, прибывшим с турецкого фронта.

Войсковые части Красной Армии по своему составу до мая 1918 года были интернациональными. Лишь когда нависла угроза немецко-турецкого нашествия на Баку, армянский национальный совет предложил передать в состав Красной Армии свои армянские национальные части. Несколько батальонов таких частей включили в нашу армию. Это был вынужденный компромисс, таивший скрытые опасности. Солдаты этих частей в подавляющем большинстве воевали хорошо, честно. Вполне добросовестно относились к своим обязанностям и многие офицеры. Но среди них, и особенно среди высшего состава, были и дашнаки, которые действовали по указке своей партии. Вот эта-то группа и сыграла самую предательскую роль в период отступления нашей армии.

В подготовке и формировании Красной Армии в Баку лично я участия не принимал. Как член Бакинского комитета партии, я был занят в то время в основном партийной работой. Впоследствии, когда редактор «Известий Советов» (на русском языке) А. Каринян был назначен народным комиссаром юстиции, газету стал редактировать я.

Для усиления влияния Советов в массах азербайджанского населения важное значение имело издание газеты «Известия Советов» на азербайджанском языке. Организацией этого дела пришлось заниматься также мне. Очень удачно нами была подобрана кандидатура редактора этой газеты — Рухуллы Ахундова. Он принадлежал к партии левых социалистов-революционеров. За короткий период совместной работы мы с ним очень сблизились и крепко подружились. Молодой, начитанный, политически развитый, твердый сторонник Советской власти, хороший литератор, Ахундов перешел в партию коммунистов при английской оккупации и мусаватском правительстве в середине 1919 года и сыграл активную роль в подготовке свержения мусаватского правительства. После восстановления в Баку Советской власти в 1920 году он стал одним из выдающихся руководителей Компартии Азербайджана.

В ту пору в Баку существовали азербайджанский и армянский национальные Советы, где вместе с другими реакционными буржуазными партиями орудовали мусаватисты и дашнаки, которым нефтепромышленники оказывали огромную финансовую поддержку. Из демобилизованных солдат и офицеров ими были созданы национальные военные части. Азербайджанские вооруженные силы были объединены в так называемую «дикую дивизию».

Опираясь на эту дивизию, азербайджанские буржуазно-помещичьи круги подняли в марте 1918 года восстание против Бакинского Совета рабочих депутатов. В ходе трехдневных уличных боев это восстание было подавлено.

Такому довольно быстрому окончанию уличных боев во многом способствовала большая работа по мирному урегулированию конфликта, которую провели в те дни Нариманов, Азизбеков и Джапаридзе. Солдаты и офицеры «дикой дивизии» разбежались, присоединившись к контрреволюционным частям в тех районах Азербайджана, где еще не было Советской власти. Центром их был Елизаветполь.

Следует отметить, что еще до всех этих событий между азербайджанским и армянским национальными Советами была достигнута договоренность о том, что армянский Совет своими вооруженными силами поддержит восстание, которое готовилось партией мусаватистов. Однако, когда восстание началось, армянский национальный Совет объявил о своем нейтралитете, хотя к концу событий, когда победа Красной Армии была уже ясна, некоторые национальные армянские части приняли участие в боях на стороне Красной Армии.

В то самое время, когда в Баку было поднято восстание, реакционные банды имама Гоцинского из Дагестана пошли походом на Хачмас и продвинулись вплотную к Баку. В их составе был полк «дикой дивизии», прошедший школу мировой войны. Однако в тот день, когда восстание в Баку было подавлено, они находились еще в 15 километрах от города и принять участие в восстании не успели. Части Красной Армии численностью около двух тысяч человек выступили против них и сильно их потрепали в бою, отбросив далеко от Баку.

Затем были освобождены районы Азербайджана, захваченные Гоцинским, а также города Дербент и Петровск (ныне Махачкала). Посланный из Баку отряд Красной Армии, который проводил эту операцию вместе с дагестанскими товарищами, возглавлял Виктор Нанейшвили, назначенный Чрезвычайным комиссаром Дагестанской области.

В результате этой победы было открыто сухопутное сообщение между Северным Кавказом и Баку, столь необходимое для доставки хлеба голодающему населению Баку. Об этом успешном продвижении Красной Армии в Дагестане Шаумян специально сообщал Ленину.

В дальнейшем имели место реакционные выступления на юге от Баку — в основных хлебных районах: Ленкоранском и Сальянском. Туда были направлены красноармейские части, которые вскоре и здесь одержали победу.

*

После мартовских событий в Баку все газеты буржуазных партий, а также газеты меньшевиков были закрыты. Печатные органы других мелкобуржуазных партий продолжали выходить, как, впрочем, продолжали свою деятельность и сами эти партии.

Пока дела у нас шли хорошо, особого ущерба эти партии нам не наносили, но как только положение с хлебом стало напряженным, они использовали недовольство населения для борьбы с нами.

Вскоре после того, как националистические партии оторвали Закавказье от Советской России, политические противоречия обострились. Этому способствовало и то, что султанская Турция, нарушив свои обязательства по Брестскому мирному договору, двинула свои войска в Закавказье. Когда же Красная Армия под натиском турецких войск отступила к Баку и правые партии выдвинули вопрос о «приглашении» в Баку англичан, эти

противоречия дошли до крайнего предела. Здесь лицом к лицу сталкивались две воюющие империалистические коалиции.

Надо сказать, что в спорах с представителями этих партий мы всегда давали им должный отпор, встречая полную поддержку бакинского рабочего класса. Однако за 9 месяцев существования Советской власти в Баку не было ни одного случая, когда кто-либо из лидеров партий наших противников был арестован по политическим мотивам. Единственный случай — это арест двух членов партии левых эсеров: бакинского наркомфина Киреева и управляющего конторой Госбанка Покровского, — но лишь по уголовным мотивам. Они были арестованы на пароходе при попытке сбежать из Баку, захватив с собой большую сумму казенных денег. Оба были осуждены трибуналом и расстреляны.

*

В крайне трудных условиях бакинской действительности, при наличии серьезных противоречий между различными политическими группировками, при фактическом господстве буржуазно-националистических партий в большей части Закавказья, а также при очень трудном общем внутреннем и международном положении Советской России, перед бакинской партийной организацией возникли очень сложные задачи. Надо было во что бы то ни стало отстоять Советскую власть в Баку, распространить ее на все Закавказье или хотя бы на весь Азербайджан.

В этом смысле особый интерес представляет ленинский совет Шаумяну о том, какую нам надо было тогда проводить политику. Ленин писал: «Дорогой товарищ Шаумян! Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны; пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям».

*

Так как эсеры и меньшевики вскоре после ухода вновь вернулись в Бакинский Совет и его Исполком, заявив, что они готовы поддерживать власть Бакинского Совета, создалось положение, при котором Исполком, крайне пестрый по составу, оказался бессильным принимать радикальные решения в области социалистических преобразований и не мог успешно противодействовать реакционным элементам.

Поэтому в апреле 1918 года Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов образовал Бакинский Совет Народных Комиссаров, куда вошли только большевики и несколько левых эсеров. Представители правых партий не были допущены в состав Совнаркома, хотя они этого усиленно добивались.

Председателем Совнаркома был утвержден Шаумян, бывший тогда Чрезвычайным комиссаром правительства РСФСР по делам Кавказа, народными комиссарами — Джапаридзе, Нариманов, Корганов, Фиолетов, Колесникова, Везиров, Зевин и другие. На бакинского губернского комиссара Азизбекова была возложена труднейшая задача создания сельских Советов в Бакинской губернии, иначе говоря, задача упрочения советского строя в азербайджанской деревне.

В целях привлечения деревни на сторону Советской власти мы стали организовывать землячества бакинских рабочих — выходцев из разных уездов — азербайджанцев, армян, русских, дагестанцев и других. В январе 1918 года был создан Временный комитет Союза интернациональных рабочих землячеств. Мне пришлось участвовать в некоторых

организационных заседаниях этого комитета и выступать на собраниях рабочих интернациональных землячеств.

Эта организация имела своей главной задачей установление регулярных связей и активное воздействие на своих односельчан, земляков, с целью мобилизации их на борьбу против помещиков, за захват их земель, за организацию крестьянских Советов.

Нависшая угроза нашествия германо-турецких войск на Баку со всей остротой поставила вопрос о привлечении на сторону Советской власти основной массы азербайджанского крестьянства, находившегося в значительной степени под влиянием беков, ханов, мусаватистов и реакционного духовенства. Несмотря на общую и политическую отсталость этого крестьянства, экономические противоречия между крестьянами и помещиками были настолько острыми, что классовая борьба за захват власти, за уничтожение помещичьего гнета все более углублялась.

Особенно сильные классовые схватки развернулись в Казахском уезде и Карабахе.

Провозглашенный Лениным декрет о передаче земли крестьянам взбудоражил и азербайджанские крестьянские массы.

В апреле 1918 года Бакинский Совет Народных Комиссаров издал свой декрет о передаче всех помещичьих земель крестьянам, приняв меры для распространения в уездах и деревнях этого декрета на азербайджанском языке. В Бакинском Совете был организован специальный отдел для работы среди азербайджанского и армянского крестьянства. Организацию крестьянских Советов и борьбу против помещиков возглавил Мешади Азизбеков.

Большую работу среди азербайджанского крестьянства вела большевистская организация «Гуммет»¹, организаторами и видными деятелями которой были Нариманов, Азизбеков, Эфендиев, а также Султанов, Буниат-заде, Исрафилбеков и другие. Нариман Нариманов руководил всей деятельностью Гуммета и пользовался большим авторитетом и уважением как старый большевик-революционер. Однако его болезненное состояние вынудило нас еще в июне 1918 года отправить его в Россию на лечение.

Гуммет — большевистская организация, объединявшая в своих рядах азербайджанских трудящихся. Создана при Бакинском комитете партии в конце 1904 года.

В конце мая 1918 года при активном участии Азизбекова был созван представительный съезд Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда. Съезд работал под руководством Нариманова. На нем выступили с большими речами Джапаридзе, Шаумян, Нариманов и Азизбеков. Состоялось совместное заседание Бакинского Совета и делегатов этого съезда. Было решено включить делегатов съезда в состав Бакинского Совета, превратив его в Совет рабочих и крестьянских депутатов. Было решено также провести съезды Советов в других уездах губернии, а затем созвать губернский съезд Советов крестьянских депутатов. Работа в этом направлении развивалась хорошо. Особенно успешно она проходила в Шемахинском уезде, где ею руководил лично Азизбеков, а также в Кубинском, Сальянском и Ленкоранском уездах, где вскоре и установилась Советская власть. Однако в связи с обострением военных действий созвать губернский съезд Советов крестьянских депутатов так и не удалось.

Шаумян проездом из Тбилиси в Баку узнал неизвестные нам до этого факты массовых стихийных крестьянских восстаний против помещиков, о чем впоследствии он и выступил с большой статьей. Крестьяне захватывали земли, поджигали помещичьи усадьбы. Нередко эта борьба принимала и довольно жестокие формы — настолько сильна была многовековая ненависть крестьян к угнетателям-помещикам. В Елизаветпольской губернии не хватало большевистских кадров для организации и руководства крестьянским движением. Это облегчило помещикам борьбу с крестьянским восстанием. А по прибытии в

Елизаветполь турецких регулярных войск помещикам, опиравшимся на эти войска, удалось добиться подавления крестьянских восстаний.

Вспоминая это время, я хочу сказать о нашем пламенном революционере Мешади Азизбекове. Это был опытный, хорошо подготовленный партийный деятель. В его внешнем облике было много схожего с Алешей Джапаридзе. Да и по характеру он был такой же горячий и вспыльчивый, как Алеша. Мешади был революционным энтузиастом, я бы даже сказал, с каким-то оттенком революционного фанатизма, в самом лучшем понимании этого слова. Разъезжая из одной деревни в другую, он все время находился среди народа, агитируя и организуя крестьян. Его не смущала и не удерживала поджидающая на каждом шагу опасность быть убитым от руки преследовавших его мусаватистов и помещиков. Даже в самые трудные моменты он оставался жизнерадостным и уверенным в правоте и победе нашего дела. Мешади пользовался заслуженной любовью и уважением масс. Особенно впечатляли нас те задушевные отношения, та дружеская близость и полное взаимное доверие, которые всегда существовали между ним, Шаумяном, Джапаридзе и другими товарищами.

*

Подавление мартовского восстания еще более укрепило власть Бакинского Совета. Была окончательно развенчана городская дума, претендовавшая на власть: влияние национальных советов заметно ослабло, а их деятельность Бакинский Совет взял под свой контроль. Против нефтепромышленников были приняты репрессивные меры. В частности, Бакинский комитет революционной обороны наложил контрибуцию на нефтепромышленников в сумме 50 миллионов рублей: тогда это были очень большие деньги, столь необходимые для укрепления наших вооруженных сил и органов Советской власти. Нефтепромышленники отказались платить эту сумму. Тогда Комитет решил арестовать некоторых видных представителей бакинского нефтяного мира. Мне, по мандату Комитета, пришлось арестовывать двух видных нефтепромышленников: директора фирмы «Нобель» Леснера, Гукасова, игравшего руководящую роль в «Союзе нефтепромышленников», и других. В осуществлении этой операции участвовал старший сын Шаумяна — Сурен, впоследствии один из организаторов и военачальников советских танковых войск.

*

В уличных мартовских боях я был ранен и находился в военном госпитале. Шаумяну стало известно, что скоро я выхожу из госпиталя, но у меня нет квартиры — до этого я спал на письменных столах в Бакинском комитете партии. Шаумян потребовал, чтобы я поселился в его квартире, и я долгое время жил у Шаумяна фактически как член его семьи. Это дало мне возможность часто общаться с Шаумяном и с людьми, которые приходили к нему для получения информации либо для обмена мнениями о происходящих событиях. Обычно это происходило по ночам. В результате я оказался больше, чем при иных обстоятельствах, в курсе многих партийных и государственных дел, что, несомненно, способствовало моему политическому росту.

Здесь я позволю себе некоторое отступление, чтобы рассказать о первом моем знакомстве с Шаумяном.

В середине марта 1917 года, как-то вечером, на заседании Тбилисского комитета партии, где я присутствовал как пропагандист, огласили письмо Шаумяна из Баку. Он обращался с просьбой направить старого большевика Мравяна для работы среди армянских рабочих Баку. Просьба эта мотивировалась тем, что дашнаки пользуются сильным влиянием среди рабочих-армян, а у бакинских большевиков мало подготовленных пропагандистов для

работы с ними. Мравян выступил и сказал, что он в Баку ехать не может, и в обоснование этого привел, с моей точки зрения, весьма неубедительные доводы.

Меня, молодого коммуниста, поразило тогда, как это старый коммунист не хочет ехать туда, куда зовет его дело партии. Под этим впечатлением я зашел после заседания на квартиру к Данушу Шавердову — старому и очень уважаемому большевику, который хорошо меня знал и в свое время содействовал моему вступлению в партию. Выразив свое недоумение, я спросил Шавердова: как же теперь будет с обращением Шаумяна? Он ответил, что, конечно, Мравян в Баку направлен не будет, раз он возражает против этого. На мой вопрос, будет ли в Баку направлен другой товарищ, Шавердов ничего вразумительного не сказал. Тогда я спросил его: не мог бы поехать туда я? «Ты ведь хорошо знаешь меня, — сказал я, — скажи, способен ли я на такое дело?» Сам я еще плохо представлял себе обстановку в Баку и не знал, какая там будет работа. На это он ответил: «Конечно, ты вполне справишься, если захочешь поехать». Я очень хотел поехать, но боялся, оправдаю ли ожидания Шаумяна. Шавердов меня успокоил, сказав, что хорошо знает и бакинские условия и самого Шаумяна, с которым они давнишние друзья и что он напишет обо мне Шаумяну. Тут же на своей визитной карточке он написал несколько строк, вложил карточку в конверт, запечатал его и передал мне, чтобы вручить этот конверт Шаумяну.

Через день, получив в Тбилисском комитете партии командировочное письмо, я уехал в Баку. Там я пошел в комитет партии, представился секретарю комитета Цинцадзе и спросил его, где и когда я мог бы встретиться с Шаумяном. Он ответил, что Шаумян днем работает в Совете и только вечером приходит в комитет партии. «Придется вам подождать до вечера».

Комната, в которой мы разговаривали, была большая. Туда постоянно приходили все новые и новые люди. Мне было интересно послушать, о чем они говорят, чем они дышат. Я сел в углу и стал ждать Шаумяна.

Вскоре в комнату буквально ворвался человек средних лет, с портфелем в руках. Он был невысок ростом, коренаст, очень подвижен, с энергичным, волевым лицом, с бородкой и усами. Говорил он скороговоркой, энергично, очень выразительно при этом жестикулируя. Говорил просто, без лишних слов. Создавалось впечатление, что он все время куда-то торопится. Я его сразу узнал. Это был Джапаридзе. В самом начале марта 1917 года я увидел его впервые на легальном собрании большевиков Тбилиси. Он сидел за столом среди избранных в президум. В ту пору он возвращался в Баку из Трапезунда.

Джапаридзе поздоровался с Цинцадзе и, все еще стоя, продолжал с ним разговаривать. По всему было видно, что и тут он очень торопится. «Знаешь, — говорил он, — получилось очень плохо. На промысле Манташева подготовлено собрание рабочих для вовлечения их в профсоюз, а выступать на армянском языке некому. Не может ли Бакинский комитет партии найти подходящего товарища?» Цинцадзе задумался и сказал, что сейчас подходящего товарища нет. Вдруг его взгляд упал на меня, и неожиданно он сказал Джапаридзе: «Вот приехал товарищ из Тбилиси, может быть, он подойдет?»

Алеша поздоровался со мной и сказал: «А почему не подойдет? Вот и хорошо, поезжайте». Я возразил, сказав, что вряд ли могу справиться с таким поручением, потому что никогда в профсоюзах не работал, на собраниях у них не бывал. Единственное, что я знаю по этой части, так это то, что вычитал года два назад в одной брошюрке о профсоюзах. Джапаридзе обрадованно воскликнул: «Ну, вот и хорошо! Рабочих там собирает наш товарищ лезгин — большевик Мухтадир, ты выступишь и расскажешь о задачах профсоюзов и призовешь рабочих вступать в его члены!» Так, с благословения Джапаридзе, я впервые выступил как «профсоюзный деятель».

Вечером, вернувшись с удовлетворением после своего профсоюзного «дебюта», я зашел в Бакинский комитет партии и, застав там Шаумяна, вручил ему конверт от Шавердова. (Содержание записки Шавердова я узнал много лет спустя, когда младший сын Шаумяна Сергей прислал мне в подарок эту визитную карточку, бережно сохраненную его

матерью.) На вопрос Шаумяна, каково положение в Тбилиси, я коротко рассказал обо всем, что мне было известно.

Шаумяна я ранее никогда не видел, но много слышал о нем от Шавердова и других старых большевиков. Я знал, что Степан — один из ветеранов партии, еще в эмиграции с 1903 года лично связанный с Лениным и пользовавшийся его безграничным доверием. Я знал также, что он участвовал в разработке многих теоретических вопросов как высокообразованный марксист-ленинец. За два года до этого я прочитал брошюру Шаумяна по национальному вопросу, которая произвела на меня сильное впечатление. Думаю, что она и сейчас представляет интерес.

До сих пор я нахожусь под тем огромным впечатлением, которое произвел на меня тогда, в день нашего первого знакомства, Степан Шаумян.

Это был мужчина роста немного выше среднего, стройный и очень красивый, с легко запоминающимся, как тогда говорили, интеллигентным, умным лицом, по которому часто пробегала добрая и, я бы даже сказал, нежная улыбка. Его несколько бледному лицу с голубыми глазами — что довольно редко для кавказца — очень шли темные усики и аккуратно подстриженная маленькая бородка (скажу между прочим, что позже, в свои молодые годы, я довольно долго стригся «под Шаумяна»).

В отличие от Алеши Джапаридзе, Степан Шаумян был очень спокойный, уравновешенный человек. Он был обычно немногоречив; чувствовалось, что он обдумывает каждое свое слово. Впоследствии я убедился, какой это был страстный и убежденный оратор, подлинно народный трибун. В этом отношении они были очень близки с Джапаридзе.

Должен сказать, что общение с ними всегда было для меня большой радостью и счастьем.

*

Имея в виду большое значение банков, Бакинский Совнарком решил их национализировать. Национализацию Русского для внешней торговли банка пришлось осуществлять по мандату Совнаркома непосредственно мне. В составе отряда, участвовавшего в этой оппозиции, был Лев Степанович Шаумян, в то время 14-летний подросток, а ныне — заместитель главного редактора Большой Советской Энциклопедии.

Потом на очередь стала задача о национализации нефтяной промышленности. Надо сказать, что начиная с февраля 1918 года этот вопрос был предметом неоднократных обсуждений на бакинских партийных конференциях и заседаниях Бакинского комитета партии. Инициатором постановки этого вопроса был обычно Шаумян. Среди коммунистов по этому поводу шли большие споры. Некоторые руководящие работники высказывали опасение, как бы в результате национализации не сократилась добыча нефти, столь необходимой для Советской России; они считали, что инженерно-технический персонал и администрация нефтепромыслов являются противниками национализации и крепко держатся за своих хозяев, а у нас тогда своих инженерно-технических кадров почти не было.

Вопрос о национализации бакинской нефтяной промышленности имел исключительно важное значение для всей страны. От количества нефти, отправляемой тогда из Баку, фактически во многом зависела участь власти Советов в России. Шаумян несколько раз писал Ленину по этому поводу. Ленин поддерживал идею национализации и обещал принять соответствующее решение Совета Народных Комиссаров. Однако представители нефтяных фирм, сидя в Москве, вели соответствующую «работу», в том числе и среди некоторой части специалистов ВСНХ. Те, в свою очередь, пугали неизбежным развалом нефтепромыслов в случае их национализации.

Через некоторое время Ленин провел решение Совнаркома о национализации нефтяной промышленности. Однако работники ВСНХ не принимали практических мер к этой национализации и не давали в Баку никаких указаний по этому вопросу. Более того, из

ВСНХ была даже получена телеграмма о временной задержке национализации, а телеграмма из Главнефти фактически отменяла национализацию.

Спокойный, всегда уравновешенный, Шаумян на этот раз был выведен из терпения. Он телеграфировал Ленину: «...Такая политика непонятна для нас, крайне вредна, как я уже протестовал один раз и повторяю еще — решительно протестую. После того, что уже сделано и сделано очень хорошо, возврата быть не может. Эти телеграммы приносят только дезорганизацию. Прошу вашего личного вмешательства для предупреждения тяжелых последствий для промышленности».

Бакинские промышленники были хорошо осведомлены о том, что происходило в аппарате ВСНХ, и вели себя соответствующим образом. Это стало отражаться на добыче нефти, что очень беспокоило Бакинский комитет партии.

В мае 1918 года на Бакинской партийной конференции было решено немедленно провести национализацию нефтяной промышленности, хотя декрет о национализации еще не был получен из Москвы.

Надо сказать, что перед этой партийной конференцией у Джапаридзе еще оставались некоторые сомнения и опасения насчет целесообразности национализации нефтяной промышленности.

Тогда Шаумян предложил провести в центре промыслового района Сабунчи собрание актива коммунистов промысловых районов, выступить на нем с изложением позиций — за и против национализации — и узнать, что по этому поводу думают сами коммунисты, рабочие-нефтяники. Так и было сделано. Я вместе с Гогоберидзе, тоже тогда молодым коммунистом, решил поехать на это собрание — послушать их выступления. Оба лидера выступали спокойно, по-деловому, аргументированно, очень принципиально и без каких-либо выпадов друг против друга. По всему чувствовалось, что они пришли посоветоваться с коммунистами; ни один из них не пытался навязать собранию свою точку зрения.

Почти все выступившие потом коммунисты высказались за национализацию, приведя на этот счет свои дополнительные аргументы. Собрание не принимало никаких резолюций, да они и не были нужны.

На бакинской партийной конференции Джапаридзе голосовал уже вместе со всеми за национализацию нефтяной промышленности, оставив, вероятно, все свои сомнения и колебания на сабунчинском собрании.

Я привел этот факт как дополнительную иллюстрацию, чтобы еще раз подчеркнуть отличный, подлинно большевистский, ленинский стиль работы Шаумяна и Джапаридзе. Именно в этом духе воспитывалась и вся бакинская партийная организация.

После партийной конференции Бакинский Совет Народных Комиссаров принял постановление о национализации нефтяной промышленности. Был образован Бакинский Совет Народного Хозяйства, в подчинение которому и была передана вся нефтяная промышленность. Одновременно с этим Совнарком провел национализацию Каспийского торгового флота, занимавшегося главным образом перевозкой нефти в Астрахань.

Во главе Бакинского Совнархоза был поставлен Ваня Фиолетов — старый большевик, много лет являвшийся одним из руководителей профсоюза рабочих нефтяной промышленности, а после Февральской революции избранный председателем этого профсоюза. Надо сказать, что и Фиолетов был одним из тех, кто выступал против национализации нефтяной промышленности. Однако, когда вопрос о национализации был решен окончательно, он всей душой отдался этому делу, что еще больше подняло наше уважение и любовь к нему.

Все опасения насчет того, что национализация нефтяной промышленности приведет к упадку добычи и вывоза нефти, не оправдались. Наоборот, добыча не сократилась, а вывоз нефти — что было в то время особо важно — резко увеличился.

*

Весной 1918 года стало известно, что в Иране находится хорошо сколоченная группировка войск из Северо-Кавказского казачества во главе с полковником Лазарем Бичераховым, принимавшая участие в боях против турок в составе русского экспедиционного корпуса. Этот отряд получал жалованье от англичан, поскольку те оплачивали вообще весь русский экспедиционный корпус на условиях последующего перерасчета с русским правительством.

Бичерахов уже не раз обращался через разных лиц с просьбой, чтобы его отряду численностью более 1 500 человек, с полным вооружением, разрешили в организованном порядке эвакуироваться из Ирана в Баку. Он заявлял, что хотя в Советах он и не разбирается и не хочет вмешиваться в нашу внутреннюю политику, но он готов сражаться против турецко-немецких войск и поддерживать центральную Советскую власть, потому что нет другой такой силы в стране, которая могла бы отстоять Россию.

В течение мая — июня 1918 года шли переговоры по поводу этого отряда. Было немало оснований опасаться, не является ли Бичерахов английским агентом и не повлечет ли каких-либо опасных последствий принятие такого большого и организованного отряда в Баку.

Несколько раз по этому вопросу Шаумян писал Ленину, высказывая свои сомнения и передавая ему имеющуюся по этому вопросу информацию. С другой стороны, он говорил и о желательности получить такую сильную военную поддержку. К тому же мы стали получать сведения о том, что в отряде Бичерахова все более зреют настроения в пользу Советской России. После долгих колебаний, раздумий, переговоров укрепилось мнение, что правильнее все же принять Бичерахова. Такому решению способствовало то обстоятельство, что Бичерахов вез с собой довольно большой запас вооружения и воинского имущества, так остро необходимого тогда для Баку.

После того, как Шаумян согласовал с Лениным вопрос о принятии Бичерахова, он доложил об этом на заседании Бакинского Совета в июне 1918 года.

Шаумян огласил тогда и последнюю телеграмму, полученную от Бичерахова: «Все ваши условия, предложенные комиссаром Коргановым, признаю не потому, чтобы получить какое-нибудь ответственное назначение, а потому, что вижу спасение России в Советской власти, в ее целесообразности. В спасение России Учредительным собранием или Земским собором не верю, ибо некому провести в жизнь постановления их до тех пор, пока Советская власть не будет сильна. Всякое выступление против Советской власти считаю преступным предательством. Саботаж Советской власти считаю преступлением. Ни к власти, ни к ответственному посту не стремлюсь. Ни в политике, ни в социализме ничего не понимаю, к строительству новой жизни не подготовлен. Я, казак, умею немного воевать, немного понимаю в военном деле и только. БИЧЕРАХОВ».

Шаумян сообщил, что Бакинский Совет Народных Комиссаров заключил следующее соглашение с уполномоченным Бичерахова Альхави: «Бичерахов признает Советскую власть — как Всероссийскую, так и Бакинскую. Он назначается командующим одной из частей Кавказской Красной Армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В оперативном отношении он пользуется самостоятельностью, но все его приказы скрепляются подписью комиссара. Временное приостановление или прекращение военных действий зависит от Бакинского Совета Народных Комиссаров. Боевые задачи разрешаются штабом и приводятся в исполнение командующим самостоятель- . но. Отряд Бичерахова получает содержание от Бакинского Совета Народных Комиссаров на общих основаниях и входит в состав Кавказской Красной Армии. Бакинский Совет Народных Комиссаров берет на себя содержание всех отрядов, которые могут быть организованы Бичераховым в дальнейшем на Северном Кавказе и которые также войдут в состав Красной Армии». Далее следовали подписи Шаумяна и Альхави.

В начале июля Бичерахов с отрядом прибыл в район Баку. На всякий случай было решено принять его не в Баку, а на станции Алят, что, кроме всего прочего, давало

возможность двинуть его отряд сразу на фронт. Бичерахов командовал войсками правого крыла фронта.

Первоначально в боях против турок войска под командованием Бичерахова показали себя неплохо. Однако дальнейшее развитие событий — отступление Красной Армии к Баку, а также успехи агитации правых партий за «приглашение» англичан в Баку — изменили поведение Бичерахова. Без всякого предупреждения он увел свои войска в сторону Дагестана и оголил фронт. Предательство Бичерахова сыграло роковую роль в обороне Баку.

*

Я вспоминаю, как активно проходили всегда в бакинской партийной организации обсуждения самых актуальных вопросов общего и местного значения. На собраниях и заседаниях обычно очень остро и откровенно высказывались самые разные мнения по обсуждаемым вопросам. Бывали и острые разногласия и горячие споры...

Характерен в этом отношении такой эпизод: в феврале 1918 года на заседании Бакинского Совета по требованию эсеров и меньшевиков должен был обсуждаться вопрос о Брестском мире, против которого они вели бешеную агитацию. Накануне этого заседания вопрос о Брестском мире обсуждал Бакинский комитет партии. Шаумян, поддерживающий линию Ленина о заключении мира, находился в это время в Тбилиси. Самый авторитетный после него человек в партийной организации — Джапаридзе выступил против заключения мира. За заключение мира горячо выступили среди других Виктор Нанейшвили и я. Большинство голосов было принято решение, одобряющее мирную политику партии. Джапаридзе остался в меньшинстве. В связи с этим он заявил, что ему трудно да и неудобно выступать на заседании Бакинского Совета в защиту Брестского мира, и поэтому просил поручить это выступление какому-нибудь другому товарищу — стороннику Брестского мира. Однако мы все единодушно возразили против этого, понимая: в противном случае меньшевики и эсеры неизбежно догадаются, что у нас в этом вопросе нет единства, что председатель Бакинского Совета не поддерживает Брестский мир, — и мы можем вообще провалиться.

Мы поручили тогда Джапаридзе выступить на заседании Бакинского Совета в защиту политики Советского правительства о заключении Брестского мира.

Надо было присутствовать на том заседании Совета, чтобы видеть и слышать, как блестяще и страстно, с какими вескими аргументами защищал там Джапаридзе ленинскую мирную политику! Мне показалось тогда, что в процессе своего выступления он искренне убеждался в правильности защищаемой им позиции. Его выступление произвело огромное впечатление на всех депутатов Совета, и многие, даже колебавшиеся, поддержали резолюцию большевистской фракции, получившую тогда значительное большинство голосов. Кроме споров вокруг ленинской мирной политики, был у нас тогда и другой весьма спорный вопрос: включать ли в состав Бакинского Совета Народных Комиссаров, помимо большевиков и левых эсеров, еще и членов правых социалистических партий, представленных в Бакинском Совете? Большинство Бакинского комитета партии было против такого включения.

После решения Бакинского комитета партии я выступил в газете «Известия» со статьей, направленной против включения в Совнарком представителей правых партий. Статья давала отпор притязаниям правых партий и не содержала даже и намека на расхождения среди большевиков, хотя в этом вопросе, против линии партийной организации выступали некоторые видные и весьма уважаемые нами товарищи.

Надо сказать, что вообще в те годы, несмотря на наличие зачастую острых дискуссий в руководящих партийных инстанциях Баку, товарищеская атмосфера у нас никогда не нарушалась. Не только деловые, политические, но даже и личные наши отношения не испытывали при этом урона. Не было и намека на опасность возникновения каких-либо внутривнутрипартийных группировок или фракций в связи с обсуждением любых спорных

вопросов. Такие вопросы решались порой не сразу, а лишь после длительного их обсуждения внутри партии; они не выносились ни в прессу, ни на открытые общие собрания. Коммунисты считали своим долгом выполнять решения, принятые большинством; это относилось в равной мере и к тем, кто голосовал за эти решения, и к тем, кто был против них.

Это время составило светлую страницу в истории партийной жизни Баку, если иметь в виду, что в центре России в то время довольно широко развернулась вредная фракционная деятельность так называемых «левых коммунистов», боровшихся против линии Ленина по вопросу о Брестском мире.

Своей сплоченностью, единством и верностью ленинизму бакинские коммунисты тех лет в значительной мере обязаны кристальной партийной честности, подлинно марксистскому воспитанию, ленинской непоколебимой идейности, которые были характерными чертами всей жизни и стиля работы Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Нариманова и других руководящих деятелей бакинских большевиков. Их примеру следовали и многие другие партийные работники Баку да и просто рядовые члены партии.

Лично для меня — в то время еще очень молодого коммуниста — это была неоценимая школа большевистского воспитания.

Мне не было тогда еще 23 лет.
(Продолжение следует.)

Юность пира у стен Зимнего

Международная встреча под девизом «Молодежь и Октябрь» началась в июле. В августе освещение ее работы прессой закончилось. И тем не менее...

У человеческой памяти свои законы. Она забывает вчерашний день и помнит нечто происшедшее годы назад. Встреча в Ленинграде останется в памяти ее участников и гостей на всю жизнь. Это не авторское преувеличение, это просто цитата. Она принадлежит всем гостям и всем участникам.

Поэтому сегодня, в дни торжеств, посвященных пятидесятилетию Октября, мне кажется уместным напомнить о молодежной встрече на Неве, о том, что думают юноши и девушки мира о нашей революции и о нашей стране.

Прощаясь, каждый из них говорил: «Я расскажу на родине обо всем, что видел».

А видели они многое, эти парни и девушки со всех часовых поясов мира. Они пересекли нашу страну от Даугавы до Байкала, от озера Севан до Ладожского озера. Они побывали в Таджикистане и Туркмении, в Молдавии и Белоруссии. Они увидели лицо СССР и почувствовали его душу.

А главное, они увидели своего советского сверстника — наследника Октября. И многие ему искренне позавидовали и сказали об' этом вслух.

Родольфо Мекини, президент Всемирной Федерации демократической молодежи, говорил корреспонденту «Юности»: «Можно рассматривать эту встречу как имеющую большой символический смысл. Это так, но это был бы самый простой и поверхностный взгляд. Ибо по сути своей встреча была очень деловая; это была политическая акция, свидетельствующая о глубоких переменах в психологии и мышлении современного молодого человека, вызванных Октябрьской революцией — великой социальной бурей, пронесшейся над миром.

Ибо если сегодня молодежь больше, чем когда-нибудь прежде, проявляет политическую активность, стремление улучшить социальное устройство мира, энергию и мужество в защите самых передовых идеалов, то все это прямое следствие Октября 17-го года и тех перспектив, которые он открыл перед человечеством».

Рано или поздно наступает время — и даже самый нейтральный человек должен сделать выбор и стать на чью-нибудь сторону, если он хочет остаться человеком.

Такой выбор сделал Майкл Макнамара. Он сказал о себе: «Я потомственный рабочий. Отец мой всю жизнь работал, не разгибая спины. Он строил — не разрушал. Я могу гордиться своей фамилией».

Сейчас ему трудно произносить ее вслух перед молодежью ста двадцати стран мира. Потому что, как сказал Майкл, она ассоциируется с самым отвратительным преступлением нашего времени — войной во Вьетнаме.

Но он, Майкл Макнамара, сделал свой выбор, и это — главное. Министру из Пентагона не унизить достоинства парня из народа, потому что последнее слово остается не за министрами, а за народом.

Молодежь из ста двадцати стран знает это. Она чувствует это особенно хорошо именно здесь, в городе Ленина, — в Таврическом дворце, Смольном институте, на Дворцовой площади. События полувековой давности приблизились и стали осязаемы.

Посланец Уругвая Вальтер Сансевьеро сказал, что пятидесятая годовщина Октябрьской революции рождает радость, зовет к размышлениям и борьбе. «Радость — в связи с полувековым укреплением и развитием первого пролетарского государства; размышления — по поводу уроков, ценных для всех, кто борется за лучшее будущее; борьбы — потому, что битва народов за свободу продолжается».

Семь дней шел в Ленинграде всемирный форум молодежи под девизом Великого Октября. Октябрь предстал перед нашими гостями в прошлом и настоящем. В прошлом — как историческое событие, позволяющее уяснить появление совершенно нового общества. В настоящем — как результат полувекового развития, фантастического культурного и технического прогресса.

Они видели этот прогресс, наши гости. Они видели деревянный омач, которым узбеки возделывали землю полвека назад, и хлопкоуборочные комбайны, каких еще нет нигде в мире.

Они видели осветительный прибор под названием «лучина» и турбины Волжской ГЭС на сотни тысяч киловатт. Они видели курную избу в Коломенском и гостиницу «Россия» в Зарядье. Первые — из музейных экспонатов. Вторые — из обихода советских людей.

Прощаясь, каждый из них говорил: «Я расскажу обо всем, что видел. О советском человеке и о том, что дал ему Октябрь».

Парень из Гватемалы с отбитыми почками и простуженными легкими, пять лет просидевший в тюрьме, сказал: «Быть хозяином своей судьбы — это большое счастье, которым еще не многие пользуются на земле. Его дал вам Октябрь».

Клод Мюре из Швейцарии сказал: «Октябрь дал вашей молодежи оптимизм и уверенность в завтрашнем дне».

«Октябрь открыл перед вами социалистический путь развития — лучший путь для всех стран. Я поражен экономическими успехами вашей страны», — сказал камерунец Чуанг.

«Вы владеете не только огромными материальными ресурсами, ваш народ обладает бесконечной моральной силой — вот что принес ему Октябрь», — так говорил чилиец Клаудио Саласар.

Андре Обри из Франции сказал: «Октябрь дал вам неотъемлемое право на труд, образование и политическую деятельность. Когда я вижу, какими возможностями располагает советская молодежь в труде и учебе, любая моя речь становится яростным обвинением капитализму».

Румын Аурел Гибуциу сказал: «Октябрь принес вам условия для развития гармоничной человеческой личности, о которой всегда мечтали лучшие умы человечества».

Так говорили наши гости, обращаясь к тебе, молодежь Страны Советов, к тебе, юный наследник Октября.

А вот что сказал о сегодняшнем поколении Юрий Гагарин: «Если бы меня спросили о самой характерной черте моих молодых современников, я бы, наверное, назвал чувство

полета. Чувство полета для меня — это не только звонкое ощущение молодости и крыльев за спиной, это вечное устремление в будущее, это глубокое сознание, что ты служишь прекрасному делу на земле».

Это чувство, это сознание тоже принес Октябрь.

Задумайся над этим, читатель. Тебе, родившемуся после войны, порой незаметны все блага социализма, наследником которых ты стал еще в колыбели. Ты воспринимаешь их как от века данные, как само собой разумеющиеся, — так здоровый человек воспринимает слух, зрение, осязание.

Но ты не можешь не думать о тех, кому обязан: о своих отцах и дедах. Это естественная благодарность.

Ты знаешь это, юный наследник революции. Вот почему, когда полторы тысячи твоих сверстников, участников Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, собрались у Смольного института, они совершили глубоко символический обряд: в чаше у памятника Ленину загорелся огонь от четырех факелов.

Первый был зажжен от плавильной печи Кировского завода. Это дань солдатам труда.

Второй был зажжен от вечного огня Пискаревского кладбища, третий — от могилы Неизвестного воина у стен Кремля. Это дань солдатам войны.

Четвертый был принесен с Марсова поля. Это дань солдатам революции.

А потом была ночь на Дворцовой площади. Тысячи юношей и девушек стояли у стен Зимнего. Над их головами кипели знамена. Разрезанная голубыми мечами прожекторов, ночь дышала тревогой и торжеством. Здесь, в эпицентре Октябрьского переворота, младшее поколение Страны Советов присягало на верность заветам отцов.

Это был апофеоз ленинградской встречи, это был тот миг всеобщего единения и прозрения, когда не только русские и узбеки, эстонцы и армяне, но и гости всех пяти континентов почувствовали себя в той или иной степени наследниками Октября. Ибо, как прекрасно сказал гвинеец Идрисса Траоре, разве Октябрьская революция не является родной матерью всех революций!

...Прощаясь, они обещали рассказать обо всем, что видели и что почувствовали.

И сегодня, в дни юбилея Советского государства, во всех концах нашей планеты — полыхающем Вьетнаме, в зарешеченной Португалии, в далекой Венесуэле, где идет партизанская война, в Мозамбике, где девяносто девять человек из каждых ста совершенно неграмотны, в Греции, где за правдивое слово сажают в концлагерь, — они говорят правду об СССР и о революции.

И на весах социализма ложится ощутимой силой еще одна победа бессмертных ленинских идей — победа наследников Октября.

НАУКА И ТЕХНИКА

В чей дом ударит молния?

Об эстафете в развитии науки говорит академик Бонифатий Михайлович КЕДРОВ

Когда-то поэт с беспощадной точностью определил проблему так: «В каком идти, в каком сражаться стане?». Вопрос был тогда отнюдь не риторическим. Поэт имел в виду сферу политик и...

Но и теперь, если судить по письмам в редакцию, вопрос «В каком идти, в каком сражаться стане?» продолжает волновать юношей и девушек — правда, теперь уже он чаще относится к сфере науки.

Если осуществить перевод с языка поэзии на язык житейской прозы, то часть писем представит проблему примерно в таком виде: в какой институт пойти, чем заняться:

математикой или физикой, физикой или химией, химией или биологией?.. А ведь внутри каждой науки есть множество интересных разделов...

Иногда еще спрашивают: «Хочется заняться «главной наукой». Подскажите...» Но как тут подсказешь?

Еще лет пятнадцать — двадцать назад можно было уверенно назвать: физика. И теперь, вспомнив и физику, и кибернетику, и бионику, и генетику, и астрономию, и химию, пожалуй, не найдешь, что ответить.

А что будет через 5 — 10 лет?

Мудрец как-то заметил: гений подобен молнии — никогда не знаешь заранее, в чей дом она ударит. Ну, кто поручится, что не родился уже новый Ньютон, Эйнштейн или Лобачевский, который скоро перевернет сложившиеся до него представления и тем самым даст мощный толчок развитию «своей» науки? Какие здесь могут быть закономерности?

— Определенные закономерности в развитии науки, конечно, есть, — возразил академик Бонифатий Михайлович Кедров, директор Института истории естествознания и техники Академии наук СССР, с которым мы решили посоветоваться. — Так что ребятам кое-что можно ответить...

Известному французскому писателю Андре Жиду приписывают слова: «Когда вам отвечает философ, вы перестаете понимать, о чем вы его спросили». Направляясь в гости к философу, я хорошо знал, что к нему это не относится: я слушал лекции Кедрова, в институте сдавал философию «по Кедрову». Но в жизни я с ним еще не разговаривал...

*

— Вот что, — сразу сказал Бонифатий Михайлович, когда я пришел к нему, — если вы хотите «выудить» у меня точный ответ на вопросы авторов писем, то это напрасные хлопоты: такого ответа, никто дать не может.

— Понятно, что вопрос «Куда идти?» каждый должен решать для себя самостоятельно. Я же приехал поговорить, что вы думаете о закономерностях в развитии науки. Какие закономерности в развитии науки вы могли бы назвать?

— Вопрос очень емкий. Я бы посоветовал поговорить об одной стороне его... Об «эстафетной палочке».

— О чем, о чем?

— Об «эстафетной палочке», — повторил академик Кедров.

— Вы хотите поговорить о спорте? — спросил я, удивляясь неожиданному повороту разговора.

— Разве вы забыли, с чем приехали? — напомнил Бонифатий Михайлович. — Один писатель сказал, правда, что когда вам отвечает философ...

— Нет-нет! Но я думал, что вы имеете в виду...

— Эстафету в науке — только ее...

Ведь эстафета предполагает преемственность: предшественник доносит и передает эстафету из рук в руки другому, кто продолжает дальнейшее движение вперед. «Другим» в науке может быть и другое поколение, и другая страна, и даже другой род деятельности — когда достижения науки внедряются в промышленность. Наконец, эстафета может быть и передачей всей суммы знаний от одной исторической эпохи к другой.

Но, когда мы судим об особенностях развития науки, недостаточно говорить только о преемственности. Преемственным является всякое развитие, если говорить об эволюционном процессе, а не о разорванных звеньях, которые просто прикладываются одно к другому. Высшая форма возникает из низшей, а не падает с неба, как манна небесная. Это общая черта всякого развития.

Но для науки эта общая черта выступает по-особенному: наука как-то фактор духовный развивается очень темпераментно, а главное — неравномерно. И поскольку здесь неравномерность сочетается с преемственностью, то развитие науки можно образно

охарактеризовать термином эстафетное развитие. Мне кажется, это сравнение достаточно точно.

Внутри естествознания по разным причинам периодически выдвигается вперед та или другая отрасль. Когда она становится лидером, то неизбежно накладывает отпечаток на все естествознание, и все науки развиваются под знаком той одной науки (или группы наук), которая вырвалась вперед.

Кстати, это часто находит выражение в характеристиках исторических эпох — механическое естествознание, эпоха Дарвина и пара, атомный век в естествознании, век кибернетики и космоса... Эти характеристики кратко указывают, какая наука (или какие науки) на данном этапе переняла эстафету.

Исторически такой первой, вырвавшейся вперед наукой была механика. Почему? Потому что познание начинается с изучения более простых явлений. К тому же производственные процессы, техника были в то время в основном механическими. Оба эти фактора обусловили быстрое развитие механики еще в начале нашей эры, а в эпоху Возрождения она становится доминирующей в естествознании лет на триста.

Наиболее развитой отраслью естествознания были механика, связанные с ней астрономия (тогда — механика небесных тел) и математика — неукля о количественной стороне явлений, обслуживающая механику. В это время другие науки заимствовали у механики, так сказать, ее подходы, ее критерии, ее масштабы. Механика заставляла их исследовать прежде всего механическую сторону процессов, что было уже само по себе громадным прогрессом. Введение, скажем, весов или представление об атомах как о механических частичках дало мощный толчок развитию химии. Когда на основе механики Гарвей от-крыл гидромеханику процесса кровообращения, это составило целую эпоху в науке. Ведь найдя механическую сторону у движения крови по живому организму, Гарвей заложил основы научной физиологии, хотя физиологическую сторону явления он и не раскрыл — позднее это сделали другие.

В конце XVIII — начале XIX века механика уступает первое место другим естественным наукам. И XIX век мы застаем уже веком физики (учение об энергии), химии (атомистика), биологии (дарвинизм, учение о развитии).

В конце XIX века химия останавливается на границе атома — дальше она «своими средствами» двинуться не может. И тогда вырывается вперед физика, которая прокладывает путь в глубь атома. Примерно на полвека она становится лидером естествознания...

А что происходит теперь?

Сейчас, как мне представляется, физика, продолжая интенсивно развиваться, все же передает эстафету группе наук, куда, кроме самой физики, входят химия макромолекул, биология (и в ней прежде всего генетика), кибернетика, астрономия.

Короче, механизм таков: вырываясь вперед, одна наука ведет за собой все естествознание. Она служит как бы трамплином, чтобы, опираясь на ее достижения, другие науки сделали рывок вперед. Например, современная биология, опираясь на достижения физики, на использование таких мощных средств для изучения биологических процессов, как электронный микроскоп или меченые атомы, может вырваться вперед и на какое-то время стать лидером всего естествознания, определить его основную проблематику.

Ответом на вопросы, которые задают авторы писем в редакцию, это может служить в какой-то мере, потому что точного ответа, как вы понимаете, не может дать никто...

— Мы знаем, что не только отдельные выдающиеся ученые, но и вообще ученые той или иной страны временами играли большую роль в развитии науки, чем их иностранные коллеги. Нет ли здесь каких-то закономерностей?

— Единая, еще не расчлененная наука в древности развивалась в определенных странах, прежде всего в Древней Грции и в Древнем Риме.

Затем произошло крушение античного общества, многое из созданного в древности погибло. Особенно это коснулось Западной Европы, где господствовала римско-католическая церковь, не мирившаяся с материалистическими достижениями древних.

Поэтому средневековая Западная Европа не только была неспособна развивать естествознание дальше, но не смогла даже сохранить многое из того, что создали предшествующие поколения ее ученых. Однако в это время, к счастью, — начинается развиваться культура на Востоке — арабский Восток, наше Закавказье, наша Средняя Азия. И происходит любопытная вещь — центры мировой культуры перемещаются.

Сделанное арабами имеет большое значение не только для сохранения достижений античной науки, но в смысле развития собственных областей. Скажем, нам известно развитие химии в виде алхимии, математики в виде алгебры — уже сами приставки «ал» говорят о том, что эти науки арабского происхождения.

Характерно, что и наше Закавказье (в частности древняя и средневековая Армения) и наша Средняя Азия (например, в лице Улугбека и Авиценны) не только создают новые научные отрасли, нередко опережающие знания древних и современного для них Запада, но являются еще и спасателями идей того же Аристотеля, которые в то время на Западе искажаются...

Эпоха Возрождения не случайно названа так: действительно происходило возрождение того, что когда-то расцветало и потом было задушено на Западе. Возрождение и есть, собственно, переключка с предшествующими историческими эпохами передовых тогда стран, которые, переняв эстафету, продолжали то лучшее, что создали их предшественники. По сути, это была передача эстафеты одной исторической культуры другой, так как шло социально-экономическое развитие, на Западе зарождался капитализм и брал все ценное, что было создано до него.

— Этот процесс был характерен и для России?

— 60-е годы прошлого века были временем бурного развития России: и экономического — в связи с освобождением крестьян, и общественно-политического — в связи с подъемом революционного движения и огромным ростом самосознания русской передовой интеллигенции. В эти годы происходит быстрый бросок вперед русской науки.

И до 60-х годов русская наука давала крупных ученых — таких, как Ломоносов, Лобачевский, как Петров, открывший электрическую дугу, и других. Но фронтальное развитие науки в России начинается только с 60-х годов. Правда, нельзя забывать о больших предпосылках к тому: ведь в Западной Европе уже были сделаны великие естественнонаучные открытия — атомистика, закон сохранения и превращения энергии, клеточная теория, дарвинизм.

Вообще надо сказать, страны, вступающие позднее на путь прогрессивного — в частности научного — развития, имеют свои трудности. Им надо догонять и перегонять страны, имеющие длительный опыт культурного развития. Но они имеют и важное преимущество: у них нет задерживающих прогрессивное развитие традиций, которые веками формировались в других странах.

Русские ученые 60-х годов — Сеченов, Менделеев, Бутлеров, братья Ковалевские, Тимирязев, кристаллограф Федоров и другие — все они выступали за развитие русской науки не из каких-то корыстных интересов. Вместе с тем, не будучи спеленаты узами скептицизма и метафизики, они выступали как стихийные диалектики и материалисты, связывавшие свою научную деятельность с общей идеологией освободительного движения в России.

Когда мы спрашиваем, почему эстафета в развитии естествознания перешла в Россию, почему начиная с 60-х годов величайшие открытия в математике, химии, биологии делаются русскими учеными, то ответ очевиден: в это время Россия имела ряд преимуществ для развития науки. И русская наука примерно за десятилетие пронесла эстафету так далеко вперед, что оказалась лидером во многих областях естествознания и математики, с честью продолжая то, что было сделано предшественниками.

Маркс говорил, что революции суть локомотивы истории, и страна, беременная революцией, неизбежно выдвигается вперед в историческом развитии. Это можно видеть на примере Италии в эпоху Возрождения, Англии середины XVII века, Франции конца XVIII

века, Германии середины XIX века. Наконец, это видно на примере России второй половины XIX века и, конечно, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции. Почему? Потому что локомотивы истории шли по этим странам.

Социализм не отбрасывает, а перенимает и продолжает развивать все лучшее, что было создано умами предшествующих исторических эпох. Собственно, без этого развитие человечества невозможно.

Вы знаете, что на III съезде комсомола Ленин говорил, что быть коммунистом — это значит овладеть всей суммой знаний. То есть уметь нести эстафету науки дальше, начиная с момента, когда капитализм будет свергнут и в порядок дня станет создание новой, пролетарской культуры.

Для Ленина пролетарская культура неотъемлемо связывалась с этой способностью рабочего класса сохранить и развить все то ценное, что досталось ему в наследство от побежденного капитализма, с умением не отбрасывать это ценное под тем предлогом, что оно создано представителями враждебных нам классов и общественного строя.

С этой точки зрения китайское понимание пролетарской культуры как отрицание достижений предшествующей культуры, как уничтожение ее, прямо противоположно ленинскому пониманию. Ленин учил брать все лучшее, а Мао Цзэ-дун требует уничтожать плоды «буржуазной культуры»...

— Шекспира они отрицают, но водородную бомбу все-таки взорвали...

— Ага! — воскликнул Кедров. — Я вам и хотел сейчас напомнить, что они отвергают Шекспира и Толстого, но не упускают случая в своих интересах пользоваться плодами физики, химии и других наук, с их точки зрения, буржуазных.

Надо вообще сказать, что этот вопрос для науки стоит особенно остро. Ведь научное достижение, когда оно сделано, уже не несет на себе отпечатка ни страны, ни класса — это есть объективная истина, отражающая то, что существует в самой природе. Поэтому было бы смешно представителю пролетариата отказываться от закона всемирного тяготения только на том основании, что его открыл представитель английского буржуазного общества.

Итак, опираясь на достижения предшествующей культуры, наука социалистического общества делает дальнейший рывок вперед, опережая науку капиталистических стран. История советской науки показывает, какие грандиозные возможности раскрыл перед наукой советский строй и какие громадные достижения имеются во всех областях науки и техники в нашей стране за годы Советской власти.

— В самом начале разговора вы упомянули эстафету внедрения я...

— Да. Эта эстафета вытекает из самой сущности современной науки. Можно считать, что в наших, советских условиях внедрение достижений науки в производство планируется и выдвигается как цель научного исследования, если в ходе теоретических и экспериментальных работ такая возможность открывается.

Формула «наука есть непосредственная производительная сила» — это другое выражение той же самой мысли. Ведь наука, изучая с познавательной точки зрения новый круг явлений, тем самым обеспечивает вслед за этим возможность овладения на практике достигнутым ею знанием законов природы, свойств новых веществ и сил природы.

Сегодня без помощи науки сама техника не может двигаться вперед. Если, например, в свое время паровой двигатель был изобретен методом проб и ошибок, то есть эмпирически, то сегодня без предшествующего быстрого и успешного развития науки дальнейшее техническое освоение природы становится невозможным. Вспомним хотя бы использование атомной энергии.

В последнее время мне пришлось много читать об академике И. В. Курчатове, долгие годы возглавлявшем атомные исследования в стране, о многих его учениках и учителях — академике А. Ф. Иоффе — представителях трех поколений советских физиков. Когда Бонифатий Михайлович привел в пример атомную проблему, в памяти сразу всплыло прочитанное. Я сказал об этом.

— И это еще одна закономерность в развитии науки, — отозвался Кедров, — эстафета поколений.

Это наиболее легко обнаруживаемый и прослеживаемый процесс развития науки. Если ученый, сделавший большие научные открытия, создавший определенное научное направление, заботится о том, чтобы его идеи были продолжены, он прежде всего должен подумать о своих учениках.

Проблема «учитель и ученик» нигде так остро не стоит, как в области духовной деятельности человечества. Для науки это имеет огромное значение. Это закономерный путь развития науки. Поколения старых ученых сменяются молодыми, которые, перенимая опыт учителей, со временем сами становятся учителями, основателями новых направлений. История науки знает множество таких примеров, и все это может быть названо сферой действия научных школ.

В итоге развития науки в разных странах создается мировая наука. Исторические особенности развития науки, скажем, в России, в Англии, в Германии при этом стираются. Потому что итог развития науки объективен, он не имеет личного характера и не зависит от человека и человечества. Мы только говорим: закон Ломоносова, закон Дальтона, закон Ньютона, — но в действительности закон природы существовал до человека, существует, пока жив на земле человек, и будет существовать тогда, когда самого человека, может, не станет. Поэтому название закона — лишь условное обозначение, показывающее на автора открытия.

Когда же мы говорим о научных школах, о людях, которые воспитывают учеников, то надо сказать, что их-то личность играет огромную роль. Как много зависит от качества учителя!

— Иногда можно слышать, что понятие научной школы чуждо советской науке. Правильно ли такое мнение?

— Мне кажется, нет. Это — непонимание формы развития науки. Наука развивается людьми, а люди не статисты, которые, как на пожаре, руками передают ведра от реки к горящему дому; люди не механические исполнители планов, указаний и прочего. Это творцы, а качества творца не возникают стихийно: некоторые природные задатки надо сознательно развить в способности. И именно в научных школах развиваются способности молодежи творить, создавать науку, двигать ее вперед. Кустари-одиночки часто оказываются в трудном положении именно потому, что не овладели культурой научного прогресса, — она иногда подменяется у них доморощенными, ими самими придуманными приемами, которые идут вразрез с тем, что вырабатывается в подлинно научных школах.

Не случайно, когда ученый хочет охарактеризовать себя, он говорит: «Я из школы Иоффе» или «...из школы Семенова, Капицы, Фрумкина, Несмеянова»... И уже одно это характеризует не только область, в которой он работает, но как бы и тот особенный тип ученого, который прошел данную школу, сложился в ней как ученый.

Вообще хорошая научная школа — это исходная предпосылка, чтобы ученик со временем стал большим ученым.

— Вы сказали: «Как много зависит от качеств учителя!» Какими же качествами, на ваш взгляд, должен обладать глава научной школы?

— Попытаюсь сказать, хотя все качества перечислить невозможно...

Ну, прежде всего он должен быть человеком, заинтересованным в том, чтобы ученики не только переняли идеи учителя, но и обогнали его.

Разумеется, ученому должны быть чужды всякие способы ненаучного воздействия, администрирования. Он не должен при помощи далеких от науки приемов задерживать развитие других направлений, отличающихся от его направления.

Если ученый верит в свою правоту, то для борьбы с мыслящими по-другому людьми ему не требуются всякого рода запреты, зажимание ртов, выкручивание рук и тому подобное, как это было не так давно у нас в биологии. Кстати, примененные тогда способы подавления инакомыслящих оказывали, конечно, самое отрицательное влияние на

молодежь. Если бы молодые ученые думали и дальше бороться за свою правоту теми же методами, они были бы потеряны для науки.

Вот Николай Николаевич Семенов как глава научной школы интересен тем, что он свои идеи не навязывает даже своим ученикам. Напротив, требует возражений. Вообще когда учитель говорит ученику: «Я выдвинул гипотезу — возражай мне и попробуй выдвинуть другую», — это хорошо. Такой способ заставит ученика идти не по готовой дорожке, а искать, хотя в итоге он, может, будет вынужден признать правильным объяснение учителя. Но может случиться и так, что учитель признает объяснение ученика более правильным. И такие случаи не так редки. Умение организовать поиск новых путей — одна из самых важных черт ученого, без этого умения он просто не найдет нового. Поэтому тот метод, что ли, воспитания учеников академиком Н. Н. Семеновым, о котором мы говорили, мне кажется исключительно важным и ценным.

Между прочим, так воспитывается и еще одно важное качество: самостоятельность мышления, без чего также не может быть большого ученого.

В лекции «О государстве» Ленин выделил именно это качество — умение самостоятельно находить решения. Ленин очень ценил такую способность марксистов и считал настоящим борцом за коммунизм только того, кто умеет находить ответы на неожиданно возникающие вопросы, опираясь на собственный опыт практической революционной деятельности и на изучение трудов классиков марксизма. Сам Ильич говорил много раз, что он любит советоваться с Марксом, но это не значит, что в работах Маркса он ищет готовый ответ. Мы знаем, что Ленин, применяя марксистский метод, много раз давал новые ответы на новые вопросы, поставленные новой исторической обстановкой. Этому, как и многому другому, у Ильича можно поучиться.

— А какие качества должен воспитывать учитель у ученика?

— Конечно, те, которые и ему присущи. Я бы подчеркнул еще раз самостоятельность мышления — ну, для начала в выборе темы.

Если к руководителю приходит человек со своей темой, значит, он уже думал над ней и что-то себе облюбовал. Если он приходит, как беспомощный птенец, и говорит: «Я ничего не могу найти, дайте мне что-нибудь», — значит, он еще не определился. Но если, скажем, проработав года три в науке, аспирант скажет руководителю: «Я уже проделал эту работу, дайте мне что-то другое», — значит, человек самостоятельно работает в науке уже не сможет. Вообще если ученый обязательно ищет поддержки при выборе направления, темы, не может самостоятельно решить задачи, а прячется за спину маститого ученого, — вряд ли он выйдет когда-либо на самостоятельный путь. Да вы посмотрите: крупные ученые — это обязательно те, кто шел самостоятельным путем.

Конечно, ученому необходим и огромный оптимизм. Пессимист, который может бросить начатое после первых же неудач, теряющийся от первого же провала, конечно, великих открытий не сделает.

Могу привести в пример физика Ферми, который за пять лет до открытия деления ядра уже наблюдал это явление эмпирически, хотя и не понимал его сущности. Он думал, что у него получаются трансураны. Но пять лет он продолжал работать в этой области, и поэтому другие ученые смогли затем раскрыть секрет того, что происходит при облучении ядер урана медленными нейтронами. Если бы Ферми бросил начатое, возможно, век атомной энергии наступил бы позднее, может быть, другими путями.

Вот еще пример. Менделеев долго бился над систематизацией элементов. Внутренне он был уверен, что закономерная связь между всеми элементами должна быть. В течение длительного времени он этой мысли не бросал. И когда, наконец, решил задачу, то решил именно потому, что настойчиво добивался ответа. Его часто спрашивали корреспонденты: «Как вы нашли свой периодический закон?» Он очень сердился, потому что думал: журналисты представляют себе открытие очень простым делом. Он говорил: «Я, может быть, пятнадцать или двадцать лет бился над этой задачей прежде, чем сделать это открытие».

Часто бывает так: сегодня задача решается очень просто, и мы забываем, сколько ученых раньше шло по неверному пути. Люди упорно бились головой о стену, когда дверь была недалеко от них. Иногда надо только повернуть в сторону, может быть, даже отойти и обойти препятствие, но это узнается лишь тогда, когда задача решена.

Кажется, когда истина открыта, ничего трудного не было в том, чтобы ее найти. Но, если обратиться к истории науки, мы найдем бесчисленное количество примеров того, как трудно, как мучительно добывалась эта истина учеными, сколько труда, сколько бессонных ночей они потратили, чтобы найти истину, которая сегодня известна иногда в виде короткой формулировки закона — всего несколько строк.

И если ученик знает, что в конце учебника всегда найдет ответ на задачу, то для ученого в природе нет такого «конца», куда можно заглянуть: ответ надо искать в самой природе. А эти поиски бывают сложны и трудны. Поэтому путь, который проходит ученый, ища решение трудной задачи, обычно выковывает в нем и мужество, и упорство, и гибкость мышления.

— Значит, задача, которую родители решили за школьника, пользы ему не принесет?

— Конечно, нет.

— И лучше бы он, промучившись[^] ней дома...

— ...и не решив задачи...

— ...пошел бы в школу. Но здесь возникает другая проблема — проблема двойки. Ведь так?

— Трудно сказать... Двойка сегодня может оказаться в перспективе пятеркой, а пятерка сегодня — двойкой...

Тут все должно быть конкретно. Смотря какая задача. Если ученик не решил задачу из-за трудности, — это одно. А если от отсутствия знаний — не умел применить тройного правила или какого-то приема извлечения корня, — совсем другое. Особо надо сказать о задачах на смекалку, где простого знания недостаточно, а надо сообразить.

Сообразительность — умение ориентироваться в незнакомой обстановке — та черта, которую надо развивать с детства. Для ученого она исключительно важна, потому что он ищет там, где до него еще никто не ходил. Кстати, если вернуться к вашему ученику, можно напомнить, что не всегда общепринятое, обыденное мнение о человеке оказывается верным. Вот один случай.

В классе показали ребятам монету. Потом монету спрятали и попросили нарисовать, где у нее отверстие. И все ребята нарисовали, кроме одного, самого неуспевающего, который сказал: «На монете не было дыры». И это было верно. Значит, все рассматривали монету просто так, а малоспособный, как о нем думали, ученик оказался наблюдательным и уловил то, чего другие не заметили.

Часто бывший двоечник или троечник оказывается способным решать задачи, став уже настоящим ученым. Все удивляются, а удивляться, собственно, нечему, потому что такие задатки у него были — просто раньше их не замечали.

— Какова реальная помощь, которую может оказать ученый своему ученику?

— Конкретный пример: открытие, которое касалось скорости света в различных средах, сделанное учеником академика Сергея Ивановича Вавилова Павлом Алексеевичем Черенковым, ныне членом-корреспондентом Академии наук СССР. Это явление эмпирически наблюдал Черенков, теоретическое же толкование было дано Вавиловым. Теперь оно так и именуется: эффект Черенкова — Вавилова.

Но и ученик может оказать помощь учителю.

Я вернусь к примеру с открытием Ферми: это был, конечно, уже сложившийся выдающийся физик. Но если бы рядом с ним оказался молодой ученый, который наблюдал бы те же радиоактивные процессы и который был бы человеком типа Штрассмана или Гана — а они впоследствии разгадали теоретическую сторону явления, — то вместе с Ферми они, возможно, решили бы ту же задачу, как в случае Черенкова и Вавилова. Можно сослаться и

на пример молодого Бора, работавшего у Резерфорда, который решил задачу, ставившую в тупик учителя. И таких примеров много.

— Насколько важно для ученого чувство нового?

— Если чувства нового нет, ученый не может двигаться вперед. Он объясняет все только тем, что ему известно, считает, что выход за рамки существующих воззрений есть отказ от науки, от ее фундамента, разрушение, посягание на ее святая святых. Можно привести много примеров... Ну, возьмем явление радиоактивности. Само по себе это явление эмпирически наблюдается давно. Электроскоп показывает выделение каких-то частиц, положительных или отрицательных. Какое-то излучение идет. Тут можно давать различные объяснения.

В XIX веке большинство ученых считало, что атомы неразрушимы. Поэтому можно было и радиоактивность толковать, исходя из признания неразрушимости атомов. Отсутствие чувства нового заставило бы истолковывать явление радиоактивности со старых позиций. Можно было бы радиоактивность объяснить, как это делал Менделеев, каким-то движением гипотетического мирового эфира, когда сами атомы сохраняются неизменными. Надо учитывать, что Менделееву в то время было уже 70 лет, человек в этом возрасте обычно с трудом пересматривает свои воззрения.

А молодой Резерфорд, хотя никаких прямых данных еще и не было, подошел к этому случаю, как к явлению, доказывающему разрушимость атомов, эволюцию элементов. И когда он, исходя из выдвинутого предположения, стал детально исследовать процесс радиоактивного распада, то нашел, что при распаде радия выделяются другие элементы, образуется гелий, образуется эманация радия, а в конечном счете — свинец. И он заключил, что происходит превращение элементов, то есть атомы разрушаются.

Вы, наверное, знаете, что это и другие открытия в физике вызвали новейшую революцию в естествознании и вместе с тем кризис физики. Вокруг них началась ожесточенная борьба философских направлений, и в результате... Впрочем, я уже отклоняюсь от темы нашей беседы.

— Но, может, вы доскажете?

— Если останется время...

Я пока хотел лишь привести пример того, как важно иногда отказаться от традиционного взгляда.

Мы можем проследить это и на примере Планка, который ввел понятие кванта, прерывности действия; Эйнштейна с его теорией относительности и вообще на примере многих ученых, которые, создавая новые направления, отказывались от традиционных воззрений на природу того или иного явления.

— Видимо, польза хорошей научной школы еще и в том, что ученый, прошедший ее, способен создать и свою собственную школу?

— Да. Здесь происходит нечто вроде цепной реакции: направление как бы ветвится, появляются новые и новые школы. Иногда более детальные, иногда носящие интегральный характер, охватывающие ряд смежных областей, объединяющие то, что было раньше разъединено.

— Мы уже говорили о школе академика Иоффе...

— Школа Иоффе — замечательный пример. Сам Иоффе работал в определенной области физики, а его школа разрослась, охватив сейчас почти всю советскую физику. Можно вспомнить и школу Мандельштама — может быть, более узкую по направлению, но не менее интересную по достижениям.

Рождению научных школ всемерно способствовало то, что Советская власть и Коммунистическая партия уделяют огромное внимание развитию науки в нашей стране. Известно, какую большую заботу о науке и об ученых проявлял Ленин с первых же дней существования Советского государства. На такой питательной почве быстро возникали и бурно росли и ширились новые научные направления, возглавляемые выдающимися советскими учеными.

Школа Иоффе дала и таких представителей, как академик Капица; и таких, как академик Семенов, — это уже область химической кинетики; и таких, которые пошли в область ядерной физики, — Курчатов и многие другие. Здесь, очевидно, мы можем найти известную закономерность, она такова: первая школа в какой-то области, начинаясь с одного крупного ученого, дальше обычно разветвляется на много «рукавов». Если взять вопрос в исторической перспективе, то первая крупная научная фигура обычно представляет не только науку, но и искусство. Например, от Ломоносова начинаются направления в различных областях научной, литературной, художественной и практической деятельности. Аналогичны крупные фигуры и в других странах — Леонардо да Винчи в Италии, Лейбниц в Германии, Декарт во Франции, Бэкон в Англии, очень интересная, так созвучная Ломоносову фигура Босковича в Югославии, в Далмации. Интересно, что и Ломоносов и Боскович часто выражали в стихах свои научные воззрения. Это родоначальники культур двух славянских народов.

В дальнейшем, скажем, в России, были такие физики, как Столетов, Умов, Лебедев, но первая, в подлинном смысле широкая школа с таким вот разветвлением, с такой научной эстафетой от учителей к ученикам — это все-таки школа Иоффе.

— И у академика Семенова в числе учеников есть уже академики.

— И академики, и члены-корреспонденты, и будущие академики, и будущие члены-корреспонденты. Это очень многообещающая школа. И как раз теория цепных реакций, созданная Н. Н. Семеновым, может быть образно переносима и на саму научную деятельность, — процесс научного развития подобен химической цепной реакции.

— Всякое ли направление в науке, сплотившее вокруг себя достаточное число людей с научными степенями, может быть названо научной школой?

— Если направление не прогрессивно, если оно вносит в область науки методы, чуждые ей, если насаждение воззрений осуществляется административным путем, то, конечно, научной школой такое направление назвать нельзя. Ведь обязательное условие для развития науки — свобода мнений, свобода дискуссий, свобода обсуждения любых научных проблем.

Свободная дискуссия, хотя она и не всегда сразу разубеждает инакомыслящих, направлена к тому, чтобы вскрыть сущность разногласий, если они есть. Вот, скажем, область химического катализа. Она разрабатывается разными учеными с разных позиций. Но задача сейчас состоит в разработке общей теории катализа. Недавно скончавшийся академик Баландин, ученик академика Зелинского, создал мультиплетную теорию, но она объяснила только какую-то часть или сторону явлений. Другая теория объясняет другую часть или сторону. Синтез не может быть найден в результате простого сложения теорий. Необходимо преодолеть односторонность, а иногда и отдельные неправильные моменты, которые наряду с зернами истины есть в каждой теории. Это можно сделать только в результате действительно свободного обмена и свободной критики. И общая итоговая теория явится именно синтезом, а не сложением существующих уже теорий.

Поэтому для ученого очень важны способность и желание участвовать в свободных дискуссиях, умение их вести при корректном и товарищеском отношении к оппонентам. Настоящая дискуссия есть еще и умение аргументировать свои воззрения. Но если дискуссия состоит в нанизывании ярлыков на противников и тем более в объявлении их политически вредными для нашего общества, — это уже не дискуссия, а затыкание ртов.

Если вообще ученый не может критически относиться к собственной теории и способен все критические замечания толковать как враждебные ему или даже общественному строю, который он представляет, такой ученый совершенно безнадежен для науки.

— Ныне бурно развиваются науки, так сказать, стыковые — кибернетика, биофизика, бионика и другие. Можно ли и это рассматривать как своеобразную эстафету наук?

— Если мы поищем, где лежал центр научного развития, скажем, сто лет назад, то можно сказать так: в XIX веке все естествознание состояло из основных, так называемых

фундаментальных наук, которые изучали обособленные формы движения или виды материи. Химия изучала вещество, биология — жизнь, физика — состояние тел и веществ, механика — перемещение тел, астрономия — космос, геология — землю и так далее.

В результате этого области стыковые, смежные выпадали из поля зрения. Хотя сейчас старые науки продолжают развиваться и имеют большие достижения, но эстафета перешла к междисциплинарным, «промежуточным» наукам. В настоящее время именно они становятся предметом исследования, заполняя тем самым промежутки между фундаментальными науками, пустовавшие ранее. Это можно назвать эстафетой методов исследования.

Сейчас все более и более утверждается комплексный, интегральный метод исследования. Жизнь изучается не одной биологией, как раньше, а комплексом наук, которые в жизненных явлениях находят сторону и физическую, и химическую, и кибернетическую. И тогда задачей становится синтетический охват результатов, полученных порознь об одном и том же предмете отдельными науками. И центральной задачей сейчас является проблема создания образа предмета, изученного с разных сторон разными методами. То есть аналитические задачи подчиняются синтетическим.

— Видимо, новые проблемы возникли и у историков науки. Вот вы руководите Институтом истории естествознания и техники, где есть сектор истории математики и сектор истории биологии. Но каждый из них в отдельности не может дать историю бионики — они ведь тоже должны объединяться?

— Вы правы, наш институт до недавнего времени работал по схеме наук XIX века. И наиболее интересные современные направления как-то выпадали из поля зрения именно потому, что геолог занимался геологией, а химик — химией. Кто же, спрашивается, в таком случае должен заниматься историей геохимии?

История геохимии — это история науки XX века, но бионика — наука не просто XX века, а даже последнего десятилетия. И следить за развитием этих наук, конечно, особенно важно и интересно. Сейчас мы вообще переключаем внимание на проблематику последнего столетия. Это очень важно.

— Вероятно, для историков науки XX века проблема номер один — кадры?

— Для историков науки она особенно остра. Специалистов, скажем, вообще по самой бионике мало, что же говорить об историках бионики? Их нет вовсе.

Сейчас в наших вузах не готовятся историки науки; когда же мы пытались готовить их в аспирантуре или в порядке переквалификации в нашем институте, то до сих пор это удавалось делать лишь в части фундаментальных, традиционных направлений. Направления же вновь рождающиеся, которые завтра потребуют наибольшего числа специалистов, обеспечены очень плохо. Страдает от этого история современной науки, то есть наиболее важная и злободневная часть истории науки вообще.

Взять хотя бы изучение жизни с точки зрения математических методов. Просто соединить математика и биолога бывает трудно — они не всегда понимают друг друга. Значит, в ходе обучения надо так подготовить математика, чтобы он ориентировался в вопросах биологии, или так обучить биолога, чтобы он ориентировался в математике. Это очень трудно. Но в нашей стране в этом отношении уже есть некоторый опыт. Когда начали готовить специалистов по физической химии, казалось, это почти невозможно: ведь надо было подготовить химика, который знал бы физику, или физика, который знал бы химию. Однако в свое время удалось разработать и профиль такого специалиста и подготовить нужные кадры.

Однако если 50 — 60 лет -назад срок в 10 — 15 лет был еще достаточно коротким, то сейчас он кажется чересчур большим: за 10 — 15 лет могут произойти такие глубокие изменения, что если заранее, сегодня, не подготовить людей, то прогресс науки может затрудниться из-за отсутствия кадров...

*

Вопросы были исчерпаны, но я помнил, что Бонифатий Михайлович обещал поговорить еще о новейшей революции в естествознании...

— Пожалуй, это лучше сделать в другой раз, — устало ответил Кедров. — Впрочем, подождите, — добавил он, — Я вам дам одну книгу, а вы перечитайте ее, когда станете готовить беседу к печати. И вообще обращайтесь к ней всякий раз, когда будете встречаться с философскими вопросами современной науки. — С этими словами Кедров снял с полки книгу, завернул в газету и, улыбнувшись, протянул мне. Я попрощался и вышел.

...Едва захлопнулась дверь, я развернул газету и увидел на обложке книги: В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм».

Интервью вел Г. ЦИТРИНЯК

Из новой книги

Сергей Михалков

Постирушка

Таня с Маней — две подружки.

Любят в «классики» играть,

А у Нади — постирушки:

Ей бы только постирать!

Чуть платочек замарает —

Уж она его стирает.

Все — на речку, загорать,

А она туда — стирать.

Лента под руки попала —

Намочила, постирала.

И стирает, и стирает.

Полоскает, оттирает.

Отжимает двадцать раз.

Мокрых тряпок полон таз!

На передничках от стирки

Появились даже дырки.

Новый бабушкин платок

Целый день в корыте мок.

Бабка охает и плачет,

Порошок стиральный прячет.

Если мыло не убрать,

Внучка примется стирать.

Если спросите у Нади:

— Что купить тебе, дружок!

То она, в глаза не глядя,

Вам ответит: — Утюжок!

Я еще таких девчушек,

В мыльной пене до локтей,

Хлопотушек-ипостирушек».

Не встречал среди детей!

Стойкий Андрей

Мой верный друг Андрей Храбров,
Заядлый экскурсант,
По части ловли комаров
Имел большой талант.

Их было на его счету
Семьсот семнадцать штук,
Он бил их прямо на лету
Посредством длинных рук.

Летит откуда-то комар,
Звенит, как дурачок,
Вдруг — неожиданный удар,
И он уже — молчок!

Куда б, на что б комар ни сел.
Наш снайпер тут как тут —
Взял комаришка на прицел,
И вмиг ему капут...

В тиши июньских вечеров,
Своих врагов губя.
Наотмашь бил Андрей Храброе
И самого себя.

Комар усядется на лоб,
Приладится на нос.
Храброе по лбу ладонью — хлоп
И по носу — до слез!

Никто по выдержке своей
Сравниться с ним не мог.
Но все ж искусан был Андрей
От головы до ног.

Самовыражение

Жужжит пчела — она летит
На свой медовой луг.
Передвигается, кряхтит.
Ползет куда-то жук.

Висят на нитке паучки,
Хлопочут муравьи.
Готовят на ночь светлячки
Фонарики свои.

Остановись! Присядь! Нагнись

И под ноги взгляни!
Живой живому удивись:
Они ж тебе сродни!

Не так ли щепочку свою
Ты тащишь в общий дом
И шепчешь брату-муравью:
— Крепись, браток! Дойдем!

Иной, что сеть свою плетет,
Не схож ли с пауком!
Вот этот — ползает, а тот —
Порхает мотыльком.

А ты меж них и мимо них,
А иногда по ним
Шагаешь на своих двоих,
Усатый гражданин...

восемь лет — девятый

Рассказ о Клубе юных фрунзенцев, его делах и людях, его заботах и радостях

КТО АВТОР ЭТОГО РАССКАЗА И КАК ЕГО ПИСАЛИ.

В Ленинграде, при Фрунзенском Доме пионера и школьника, уже восемь лет существует коммуна.

Как она появилась на свет и как она живет — это вы узнаете из рассказа, который мы предлагаем вашему вниманию. Его писали ребята, члены коммуны, — от новичков, шестиклассников и семиклассников, до «старичков», теперь уже студентов.

Каждый писал, о чем хотел, о самом значительном для себя. Даже плана не было. План стали придумывать потом, когда на столе лежали кипы перемаранных тетрадок и листков.

Связки-ямостики» писали коллективно, Обсуждали, спорили, чуть все не перессорились. Потом все это сложили вместе — листки-воспоминания и общие куски. В результате на наших страницах мелькают то «я», то «мы».

Кто это «мы» — понятно. «Мы» — это коммуна. А кто «я»? «Я» — в каждой главке другой коммунар.

Вот и получилось, как в жизни: «мы» — общее, а «я» — разные. Нам это понравилось. И если все эти «я» перебивают друг друга, говорят вразнобой и на разные голоса, — это не страшно. Главное — чтобы вы почувствовали нашу коммуноу.

1

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ. Каждое дело можно понять, только если поймешь людей, которые его организовали. Поэтому прежде всего мы расскажем о трех создателях нашей коммуны.

К моменту создания коммуны Олегу Ивановичу, кандидату педагогических наук, было 35 лет, и он уже много в жизни и передумал и понял. Он знает педагогику, как никто. Это человек творческий. Рядом с ним все начинают придумывать, анализировать, разбирать.

Журнальный вариант книги «Фрунзенская коммуна».

Олег Иванович — человек страстный до самозабвения. Если он рассказывает, то вкладывает в рассказ кусочек сердца. Если он берется за дело, то с головой уходит в него, и все вокруг него кипит, всем хочется работать, и все, как под гипнозом, вот так же, как он, забывают о себе.

Олег Иванович обаятелен. Это человек-праздник.

У него была мечта: чтобы все ребята жили и воспитывались примерно так, как в коммуне Макаренко или в коммуне «Бодрая жизнь» Шацкого. Лет за пять до коммуны он создал СЭН — союз энтузиастов. В него входили несколько старших пионерских вожатых. Олег Иванович развивал перед ними свои идеи, требовал: «Давайте все это делать в школах!»

Но ни у кого не получалось...

И, может, так ничего и не вышло бы, если бы Олег Иванович не встретил сначала Ларису Павловну, а потом Фаину Яковлевну.

ЛАРИСА ПАВЛОВНА. Лариса Павловна была в ту пору старшей вожатой, двадцати четырех лет. Редко встретишь такого веселого человека. Она всегда была в счастливом настроении, всегда чувствовался в ней какой-то подъем.

Ей легко было организовать любое дело в школе. Спокойно и с улыбкой объяснит, что надо делать, и человек летят. И ему будет легко.

Все в ней было необычно. В квартире — мы часто бывали у нее дома — шведская стенка, гантели. Люди приходят сюда не на кофе, а позаниматься спортом. Если же Лариса Павловна за столом, то стол будет накрыт каким-то необыкновенным способом (в одну минуту все переставит!) да еще заранее будут приготовлены шуточные тосты и сюрпризы. В ее доме был «весь Ленинград», и самые известные люди были рады прийти в гости к Ларисе Павловне.

К тому же она очень любит педагогику. Часто выступая с докладами, она могла говорить почти без подготовки на любую тему, легко, свободно и интересно.

Мы перечитали эти страницы и сами ужаснулись: такой набор совершенств!

Но что поделаешь! Такою и была Лариса Павловна. Жаль, конечно, что нам приходится писать в прошедшем времени: «была». Но и с этим ничего не поделаешь...

ФАИНА ЯКОВЛЕВНА. А третьей была Фаина Яковлевна. Скажем сразу: это имя в нашем рассказе будет встречаться чаще других, поэтому мы будем называть ее так, как называем в жизни, когда говорим между собой: «Ф. Я.», «ФЭЯ». Почти фея. Да она и есть наша фея, на первый взгляд довольно сердитая, а на самом деле добрая. Во всяком случае, к миру волшебников она, несомненно, имеет отношение, потому что никто, кроме нее, не умеет добыть палатки, договориться о месте для лагеря, утихомирить недовольное кем-нибудь начальство, зазвать в коммуну нужных людей.

Ф. Я. в то время, в 1958 году, была методистом Фрунзенского Дома пионеров и школьников. Она и сейчас в этой должности. До работы в Доме пионеров она одиннадцать лет была старшей вожатой.

В нашей Ф. Я. много противоречивого. Посмотрите, как она уверенно и решительно говорит, и вы ни за что не подумаете, что это очень скромный человек. Она старше всех в коммуне (кроме Олега Ивановича), но никто не умеет в такой степени быть учеником — учиться, советоваться, слушать. Она приказывает и командует, но никто не демократичен в такой степени, как она. Нет человека, с которым так же легко спорить. Она не поражает незаурядностью, не вызывает мгновенной, с первого взгляда, любви, но чем больше ее знаешь, тем больше любишь.

ВСЕ ТРОЕ. Познакомились они так. Кто-то сказал Олегу Ивановичу, что для осуществления его идей есть незаменимый человек — добрый, покладистый,

исполнительный. Олег Иванович и Лариса Павловна пришли в Дом пионеров Фрунзенского района.

— Что у вас самое трудное сейчас, Фаина Яковлевна?

— Актив... Школа актива... Ребята собираются, учим их, а на следующее занятие надо вновь вызывать их телефонограммами: добровольно не идут.

Здесь можно было бы написать: «Олег Иванович задумался и вдруг предложил: «А давайте мы... организуем...»

На самом деле было не так. На самом деле все трое долго спорили, искали выход, долго боялись сказать всем трудное слово «коммуна». И, наконец, решились...

Но почему коммуна? Что конкретно означает «ребячья коммуна»? Что она будет делать? Как жить?

Честно говоря, в ту пору даже Олег Иванович не очень представлял себе это. Просто было красивое и надежное слово — «коммуна».

В Дом пионеров вызвали ребят из тридцати школ района и предложили им...

ЦВЕТОЧКИ. В пионерскую комнату поступила телефонограмма: «Сегодня в 16.00 пришлите в Дом пионеров самого активного, инициативного, сообразительного пионера с цветочком».

Цветочек окончательно добил Аринушку. Так в моей школе звали старшую вожатую.

Мы тосковали над телефонограммой вдвоем — Арина и я, — семиклассник, председатель совета дружины. Мы уже немало ребят по таким бумажкам отправляли в разные школы актива. Но тут «с цветочком», да к тому же телефонограмма почему-то целый день пролежала в канцелярии, сейчас 3 часа, никого уже не предупредить. Все ясно: идти мне.

Вторым делегатом был единогласно избран фикус, стоявший в уголке пионерской, видимо, со дня основания нашей стариннейшей школы.

С фикусом в руках я еле вылез из пионерской, обогнув длинный стол, накрытый зеленой скатертью.

В Доме пионеров цветочек сдал в биокружок, — и больше ничего неожиданного не предполагалось, все будет как обычно: войдет женщина... (вошла женщина), поздоровается... (поздоровалась), начнет говорить, что мы должны, что мы будем учиться...

— Как вы думаете, почему у нас в школах такие" плохие вожатые?

Здрасьте! До сих пор я знал, что вожатый может или быть, или не быть, но его наличие уже само по себе исключает прилагательное «плохой». Что бы это значило и что будет дальше?

А дальше нам предложили собираться, вместе ходить на экскурсии, говорить с интересными людьми, спорить, но, в сущности, все уже было решено самой первой фразой, первыми словами Ларисы Павловны.

Ребята подобрались разные. У всех тьма нагрузок-перегрузок. Диапазон — от скрипки и спортсекции до шефства в детсадики. Поэтому встречались довольно редко.

Как-то Лариса Павловна сказала:

— Кажется, удастся сделать большой лагерный сбор, человек на восемьдесят...

Мы бешено затопали по площадке трамвая.

НАТЕ, ПОЖАЛУЙСТА! Утром, в первый день каникул, я побежала в ДПШ'. После общего сбора нас вывели в фойе, раздали ведра и тряпки. Думаете, мне хотелось мыть пол? Только пришли — и сразу: нате, пожалуйста, работайте! Но тут заиграл духовой оркестр, и мне почему-то захотелось и мыть пол, и петь, и сделать больше всех. И взрослые вместе с нами, на равных, мыли и убирали наш Дом. Из-за этого субботника мы его и полюбили.

ИДЕИ. Вот какие мысли имелись к тому времени: коммуна будет учить ребят красивой жизни. Красивая жизнь — это жизнь вместе и жизнь для всех.

Такой жизни беседами и лекциями не научишь. Ее вообще нельзя «дать» — ее надо делать, и притом самим.

Но это долго и скучно, а ребята нетерпеливы.

Значит, кто приходит в коммуны, должен сразу, с первой минуты почувствовать в ней необычное. Что же может предложить коммуна?

С ЗАПАДА НА ВОСТОК? Новый сбор коммуны решили провести в августе, чтобы ребята как следует «зарядились» перед школой.

13 июля на общий сбор явилось 120 ребят, и среди них только 15 коммунаров весеннего призыва, того призыва, что «с цветочком». Немного. Но Олег Иванович улыбался и повторял: «Замечательные ребята! С ними только и работать!..»

Отрядов у нас получилось шесть. Олег Иванович предложил:

— Давайте назовем отряды так: выберем для начала любые географические названия...

Общий сбор с географией справился быстро.

— Волга!

— Днепр!

— Алтай!

— Кавказ!

— Ура! Мы — Урал!

— Сибирь!

— Прекрасно! Как же будем работать — с запада на восток или с востока на запад?

ОГОНЕК. К первому летнему сбору у Олега Ивановича родилась потрясающая идея. Быть может, она, эта идея, и сделала коммуны.

1 ДПШ — Дом пионера и школьника.

Идея эта выражалась в одном слове: «огонек». Вот это что такое.

Каждый вечер вся коммуна собирается у костра. Костер маленький, два-три полешка. Уютно. Сначала поем. Потихоньку, для настроения. А потом начинаем обсуждать, как прошел день.

Три вопроса задают на «огоньке»:

— Что сегодня было хорошо?

— Что плохо?

— Что надо сделать еще?

Ну, думай, шевели мозгами, вспоминай, оценивай, говори!

Ох, как трудно было на первых «огоньках»! Конечно, не так уж сразу все коммунары разговорились. Спасибо, Олег Иванович и Лариса Павловна помогли нам на первых порах!..

На другой день после первого же «огонька» мы все стали чуть-чуть внимательнее к делам в коммуне. Что хорошо? Что плохо?

Очень простой и очень хитрой штукой оказался этот «огонек». Теперь мы привыкли: каждое дело должно быть «разобрано». И если мы отправились в «трудовой десант» — поработать на колхозном поле, — а вечером не обсудили вместе, как прошел десант, то остается какая-то неудовлетворенность, будто не закончили работу.

Так постепенно возникла цепочка: каждое дело сами придумываем, сами выполняем и сами оцениваем.

Уберите одно звено, и от самоуправления ничего не останется.

ТИМУРОВСКИЙ ДЕСАНТ. Свою жизнь «Азия» по-настоящему начала с тимуровского десанта.

...Разведчики вернулись к вечеру. Через три минуты собрался весь отряд.

Рапорт: в деревне есть три работы. В детском саду напилить и наколоть дрова. В конце деревни помочь старикам принести воду и полить огород. Во дворе школы грязно. Надо привести в порядок.

Ясно? Вопросы есть?

— А как распилить дрова тихо?..

В этот день вечерняя линейка и «огонек» шли, как всегда. Только после «огонька»...

— «Азия» и «Кавказ» к выходу с территории лагеря готовы. Разрешите выход?

— Разрешаю. Возвращение — к 5.00. Сейчас 23.30. Дежурные командиры, сверьте часы.

Трудно идти тихо, когда в цепочке — три десятка ребят. У развилки бригады расходятся.

Мы у детсада. Организация работы продумана еще в лагере. Первая смена пильщиков передает через забор козлы, берет пилы и топоры и уходит в лес. Остальные осторожно несут длинные сучковатые бревна. Шума почти не слышно: разведка рассчитала точно.

Двигутся две цепочки: подносящая бревна и ун[^] сящая наколотые дрова. Через пятнадцать минут пильщикам смена.

Стоп! На левом фланге подозрительный шум. Перемигнулись фонари, и работа мгновенно прекратилась. Ребята замерли. Через минуту связь доложила: все в порядке. А в три часа ночи снова тревога: в домике на территории детсада кашляют. В окне зажигается керосиновая лампочка.

Приходится остановить работу, пока не погасла лампа. Наконец погасла. Поленица растет. И вот — 4 часа. Все сделано. Козлы — на место, на дровах оставляем маленькую бумажку с контуром значка коммуны. На нем буквы «КЮФ» — Коммуна юных фрунзенцев.

В 4.40 дежурный командир коммуны принимает наш рапорт. Рассвело. Через три часа — общий подъем. На утренней линейке:

— Отряды к коммунарскому дню готовы! И ни слова о ночном десанте.

ДЕВИЗ. Коммуна родилась во Фрунзенском районе, вступила в жизнь с именем Михаила Васильевича Фрунзе. Когда Фрунзе командовал войсками Южного фронта, он часто заканчивал свои приказы словами: «Смело и бодро вперед!» Или: «Победа во что бы то ни стало!».

Общий сбор выбирал девиз и никак не мог выбрать. И вдруг несколько голосов разом закричали:

— Вместе! Давайте соединим!

С этого дня в коммуне на призыв «Смело и бодро вперед!» хором отвечают: «Победа во что бы то ни стало!»

ПОНЕМНОГУ ПРОЯСНЯЕТСЯ. Понемногу прояснилось, как же будет жить наша коммуна.

Собираться вместе будем на каникулах. Весенний сбор, летний, осенний, зимний... Между сборами — работа в школах. Все, что узнали, чему научились, — в школу.

Наша коммуна стала районным пионерским штабом.

На каждом сборе изменения: кто-то уходит, кто-то приходит. «Старички» приводят друзей, те ведут на сборы новых ребят...

И внутренняя жизнь коммуны сложилась. Она держится на ДК — дежурных командирах. Каждый день новый дежурный командир в отряде (ДКО), и каждый день новый командир в коммуне — ДКК. Как у Макаренко. Вечером, на «огоньке», разбор дня начинают с обсуждения работы командиров.

Сначала это было трудно: сегодня командовать, завтра подчиняться. Но вскоре и этому научились. И теперь уже трудно сказать, «пассив» ли исчез или «актив».

Что «пассива» нет — хорошо, это каждому понятно. Но еще больше нам нравится, что нет и «актива», нет ребят, привыкших к особому положению, выделяющихся среди других, с особой психологией «активности».

Даже постоянные командиры меняются у нас каждую декаду, независимо от того, хорошо они работали или плохо.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. Вечером все собрались в зале. Погасили свет. На большом блюде остались гореть двенадцать свечей.

— О мудрейшие из мудрых! Позвольте мне с вашего согласия открыть нашу первую тайную вечерю. Мир вокруг нас полон великих и малых неразгаданных тайн. Пусть каждый поведаст высокому собранию об известных ему тайнах земли и неба. Кто же из вас, о мудрейшие, потушит первую свечу?

Колеблющееся пламя поочередно выхватывает из темноты чьи-то фигуры, лица, чью-то руку, лежащую на плече товарища.

— Может ли человек родиться второй раз? Что, если случайное сочетание клеток случайно повторится в том же самом виде? Тогда человек сможет прожить еще одну жизнь...

— А что, если мы уже когда-то жили? Представляете? Мы живем заново, и память не сохранилась. А думаем, может быть, так же...

— Но вероятность такого практически равна нулю. Если дважды подбросить тысячу монет, маловероятно, чтобы во второй раз они упали так же, как в первый. А тут человек! Один только мозг — миллиарды нервных клеток! Нет, человек никогда не сможет повториться, это утопия...

По рядам волной проходит и быстро смолкает сдержанный гул. Он будет еще много раз вот так же подниматься и стихать в этот вечер.

— А я где-то читал, что растение тоже чувствует. И если его срывают, ему больно.

— А еще цветы любят музыку.

— Откуда же это могли узнать?

— Они под музыку быстрее растут, особенно если музыка веселая...

— А вы знаете о статуях с острова Пасхи?..

— О Гунгусском метеорите?

— Я читал, что Атлантида бесследно исчезла под водой. Неужели ее так никогда и не найдут?

— Может быть, ее совсем и не было.

— А вдруг она сама когда-нибудь всплывет? Через миллионы лет?

— А я читала о таинственной гибели одного корабля...

Пусть сегодня не разгадано ни одной тайны. И все же мы потушим все двенадцать свечей. И кто-то узнает то, что было ему неизвестно, и мир станет интересней и ближе, когда в зале снова зажжется электрический свет.

ПОЛУЧАЕТСЯ! К концу второго года можно было, пожалуй, сказать, что у нас кое-что получается.

Вот что писали в анкетах участники первых сборов:

«Я впервые услышал, как поются песни по-настоящему. Решают все сами ребята. Дисциплина. Дружба. Я даже удивлялся, как совсем незнакомые ребята веселились, работали, все делали вместе».

«В первый раз я встретила с коммуной на общем сборе. Сначала было страшновато, но недолго. В зале было много ребят, шумели, пели, и было как-то легко. В отряде приняли за свою, и через пять минут казалось, что ты всех знаешь давно. Меня удивило, что взрослых

совсем мало и что решают все сами ребята и говорят очень серьезно, с большой ответственностью».

«Я сделал в жизни гораздо меньше, чем мог. Лишь после того, как я пришел в коммуны, появились цели, радость. Я привык к ребятам, к походной жизни и не представляю свою жизнь иначе».

Словом, жизнь начиналась действительно хорошая. Такая хорошая, что в коммуны потянулись не только ребята, но и взрослые тоже...

Друзей у нас много: драматург А. Володин и писатель К. Курбатов, журналисты Людмила Региня, А. Островский, А. Л. Мойжес, А. Крестинский, Лев Стржижовский; ученые И. М. Палей, Вернер Гайда, Е. С. Махлах, врач А. Саль, соратник Луначарского Владимир Иванович Бреннер. Виктор Малов — выпускник Ленинградской консерватории, Ира Леонова — скрипачка, Марк Бородулин («Мавр») — виолончелист. Игорь Ефремов — инженер-строитель. Директор Фрунзенского Дома пионеров А. И. Скурихина. Педагоги М. Г. Казакина, А. Г. Зуев, М. П. Забрай.

Они не гости коммуны, а именно друзья: постоянно бывают у нас, ездят на наши сборы, пишут нам, помогают. У каждого отряда есть один-два (а то и три) друга в ревкоме и еще множество друзей из старших. В дни рождения коммуны, когда мы строим идем по городу, в нашей колонне около двухсот ребят, а впереди — человек сорок взрослых.

Это самая веселая часть колонны.

РЕВКОМ. На первых сборах с отрядами работали старшие вожатые из школ. Но не все они понимали складывавшийся стиль отношений в коммуне.

Однажды коммуны облетела весть:

— Работаем без вожатых!

С тех пор вожатых отряды выбирали сами, из «старых» коммунарков.

Взрослые у нас не вожатые, а друзья отрядов. Они только помогают работать, а не руководят.

Обычно бывает так: старшие поддерживают дисциплину в коллективе, а в делах ребят стараются не участвовать: «Сами, сами, вы должны быть самостоятельными».

У нас наоборот. Дисциплина и организация — целиком на ответственности ребят, а вот в работе, в творческих делах взрослые участвуют наравне со всеми, и мы у них учимся. В этих делах все равноправны.

Сначала старшие друзья составляли штаб коммуны. На одном из сборов штаб совещался на чердаке. Там был стол и кровать, покрытые красным кумачом (за неимением другого материала). И вот однажды какой-то мальчишка, впервые попавший на чердак, с изумлением сказал, обводя рукой все красное:

— У вас тут как в ревкоме...

К утру кто-то неизвестный вывел на чердачной двери красной краской: «Ревком». Так это слово и осталось за штабом коммуны.

3

НА ПЕРЕПУТЬЕ. Казалось, все хорошо. Живем веселой, интересной жизнью, не такую, как все! И вместе с тем угрожающие признаки. В наказе первых сборов новому поколению коммунарков стоит: «Закрепить обычаи... Сделать мачту... Сделать баскетбольную площадку... Провести физкультурный праздник...»

Все для себя, для коммуны.

Но что же такое коммуна? Кому от нее лучше на свете, кроме нас самих?

Нет, красивая жизнь не такая... Красивая жизнь — это когда ты чувствуешь, что нужен людям. И ты сам нужен, и вся твоя коммуна...

В СТРАНУ ЕФИМИЮ! Поход коммунаров в Крым был делом решенным. Ревком предложил, общий сбор одобрил, и родители согласны.

О Крыме мечтали полгода. Мечтали о грузовых вагонах с нарами, о теплушках. На последнем сборе ревком докладывает о маршруте.

По лицу Олега Ивановича поняли — готовится «тронная» речь. Так и есть:

— Ребята, вам не кажется, что в коммуне сейчас примерно такое же состояние, какое было в колонии имени Горького перед завоеванием Куряжа? Все как будто очень хорошо, а чего-то не хватает...

Не успели мы оглянуться, как на столе очутилась большая карта Ленинградской области. И тут по рукам пошла записка: «Кажется, дело пахнет подшефным районом». В самом верхнем углу карты большим красным кружком отмечен поселок Ефимовский...

А как же Крым? Как же наш веселый отдых?

— Дело за вами, ребята, решайте. Хотите отдыхать — поедем в Крым. В Ефимовском районе веселого мало. Но там очень нужна наша помощь.

Саша Прутт (без энтузиазма): «Раз надо — поедем».

(Это он был автором записки, пущенной по рукам.)

Галя Кулиева: «Два года мы считаемся шефами ефимовских пионеров. А что сделано за эти два года? Собрали подарки, отпрапортовали райкому, а сами что? А теперь на лето в Крым смоемся?»

«ПИ-ШИ-ТЕ!» Сегодня мы уезжаем в Страну Ефимию. Сбор начинается традиционной линейкой.

— Командирам отрядов доложить о готовности к сбору!

— Товарищ председатель совета коммуны! Отряд к операции «Человек — человеку» готов!

Мы идем по Загородному проспекту. Рядом с нами второй, гораздо менее стройной колонной идут родители. Нам никогда не узнать всего, что говорила неделю назад на собрании наш полпред в стране родителей Фаина Яковлевна. Может быть, оно и к лучшему, потому что, если бы мы это услышали, нам трудно было бы удержаться от тихих завистливых вздохов: «Вот ведь какие места есть!»

А места — словно из книжки-раскраски для малышей. Жить будем в самом современном и шикарном интернате, через дорогу (не волнуйтесь, по ней не ходят машины) — аптека, дальше...

А если без раскраски? Тогда наши палатки в получасе ходьбы от ближайшей деревни, а до медпункта — пять километров. и только солнце на обеих картинках одинаковое: не зажатое домами и трубами, оно заполняет все небо. Но о солнце родители спрашивают меньше. В одном они все едины: «Пишите!»

И когда поезд трогается — снова: «Пи-ши-те!» Вот это — постараемся. Не слишком часто, конечно, но постараемся.

«МОЙ «УРАЛ»...» Нам не верили. Каждый год в Ефимию кого-то присылали из города: рабочих, студентов. А тут люди сами рвутся в такую глухомань. Деньги им не нужны: да и какие тут заработки? А впрочем, чего можно ждать от детей?

Председателям колхозов приказали принять коммунаров и обеспечить работой. Они усмехались: «Чего обеспечивать? Работы хватит. Только вот захотите ли?»

Но не прошло и недели, как в Спирово к шести утра стали съезжаться председатели. Прямо к нам, не заворачивая в райком. А нас было всего 150 человек. На планерках от председателей только и слышно было: «Мой «Урал»...», «Моя «Волга»...», «Мой «Алтай»...»

Не последнюю роль в нашей ефимовской жизни играли шоферы. Они подвозили коммунаров на поле днем и ночью, в любую погоду. Часто делали лишний конец, чтобы подбросить наших до лагеря.

Когда мы были в этих местах через год, ночью на станцию должна была срочно выехать женщина-врач. Она обратилась к Ф. Я.

— Что делать? Знаю я этих шоферов | — ни один не возьмет на попутку.

Фаина Яковлевна дала ей свой красный плащ, и первый же проезжавший мимо шофер остановил машину. Потом он, правда, сказал ей:

— А ведь вы не та...

АНКЕТА. Когда сбор в Ёфимовском районе кончался, по традиции была роздана анкета. Среди других вопросов один каверзный:

«Если тебе следующим летом представятся одновременно три возможности:

1) отдохнуть с родителями;

2) поехать с коммуной в Ефимию;

3) получить путевку во всероссийский пионерлагерь «Орленок», — что ты выберешь?»

На анкету отвечали 111 человек. 98 выбрали коммуны и Ефимию.

Новички отвечали:

— Я бы поехал в коммуны, потому что только в коммуне можно стать человеком.

— Я бы поехал в коммуны, чтобы увидеть, как она изменится.

— По-моему, не обязательно каждый год ездить на сбор. Но обязательно продолжать дело коммуны и в лагере и в школе — всю жизнь.

Две трети участников Ефимовского сбора и сегодня работают в коммуне, хотя все они уже окончили школу.

4

Самоуправление. Историю нашей коммуны можно представить как развитие идеи самоуправления. Мы учились думать, учились считать дела коммуны собственными, учились руководить и подчиняться — все это довольно сложные науки. Самоуправление нельзя «дать», нельзя «взять», нельзя «ввести». Его приходится годами вырабатывать и отрабатывать. Само-управление. Но что скрывается за словом «сами»? Кто это «сами»? Совет коммуны? Старшие коммунары? Вся коммуны? Кто реально должен вести коммуны, чье слово решающее?

Идеал — чтобы решающим, или по крайней мере весомым, было слово каждого. Чтобы мальчишка, впервые попавший на сбор коммуны, тоже чувствовал себя значительным человеком, к голосу которого прислушиваются с таким же уважением, как к голосу коммунара с пятилетним стажем. Но не в один день этого добьешься, не сразу наладится сложная механика командования и подчинения. в коммуне должна быть дисциплина — иначе ничего не будет сделано. И в то же время эта дисциплина не может быть суровой, жесткой, беспрекословной: тогда не останется места для самоуправления. Мы мечтали о какой-то гибкой, свободной дисциплине. Пусть каждый чувствует себя вольно, а в коммуне — порядок. Возможно ли такое сочетание?

Практика показала: да, возможно, если никто не держится слишком уж крепко за власть, если дисциплина не самоцель, если каждый из взрослых, каждый из командиров готов поступиться властью и даже своим авторитетом во имя более значительного — во имя коммуны.

в большинстве случаев наши взрослые были на высоте. Они поддерживали авторитет не тем, что в их руках власть, а тем, что они самые опытные среди нас, самые умные, самые большие выдумщики, самые преданные коммуне люди, и тем, что больше и лучше других работают. а власть они уступали нам, ребятам, хотя не всегда обходилось без трений.

ПЕРВЫЙ БУНТ. Утром 25 марта на линейке было оглашено решение совета коммуны:

— По предложению ревкома снова начинается соревнование между отрядами. Будем присуждать вымпелы «За заботу о коммуне», «За смекалку», «За чистоту». Причина — в отрядах много новых ребят.

Это и послужило предпосылкой первого в истории КЮФ 1 бунта против ревкома.

На другой день был назначен коммунарский бал...

Идея коммунарского бала всем понравилась, а Павел Колк, наш главный горнист, вызвался привести оркестр. Народ в оркестре был довольно взрослый — 18 — 20-летние парни, набившие руку на разных платных вечерах. Павлу стоило немало труда уговорить их прийти в коммуну, где играть надо было, разумеется, бесплатно.

И вдруг ревком в разгар бала вызывает оркестр наверх.

Мы стояли внизу и ждали. Наконец дверь открылась, оркестранты спустились с лестницы и прошли через весь зал к выходу. Последним, ни на кого не глядя, шел Павел. Кто-то спросил у него, в чем дело. Он ответил: «Выгнали» — и ушел из коммуны. Навсегда.

На «огоньке» Сашка Прутт встал и спросил у Олега Ивановича:

— Какое право вы имели без нас выгнать оркестр?

За Сашкой встал весь «Алтай». Ира Леонова, член ревкома, с жаром начала объяснять, что игра оркестра была проявлением самых низких музыкальных вкусов, недопустимых вообще и в коммуне в особенности. Но ее почти не слушали. Тогда поднялся Олег Иванович.

— Вы можете не доверять мнению музыканта-профессионала, это ваше право. Но Ирина Михайловна говорила сейчас от имени ревкома. Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы считать решение ревкома правильным?

Ребята поднимали руки нехотя. Кто-то сказал: «Ну, раз халтура...» И дело пошло быстрее. Наш «Алтай» остался в меньшинстве.

Ночью в интернате, кажется, не спал ни один человек. В спальнях шумели. По коридорам двигались тени. Слышались возбужденные голоса. Отбой игнорировали почти в открытую.

Вернувшись с совета, Таня Теплиц рассказала, что утром «Алтаю» будут вручать переходящие вымпелы «За смекалку» и «За чистоту». Ребята заявили, что это — издевательство: ведь сегодня ревком нарушил наши права на самоуправление!..

Утром дежурный командир коммуны объявил о присуждении вымпелов «Алтаю», «Сибири», «Днепру» и «Волге».

— «Алтай» отказывается от вымпелов! — гордо крикнул наш дежурный командир.

«Сибирь» единодушно присоединилась к «Алтаю».

После завтрака алтайских зачинщиков пригласили в ревком. Все было обставлено очень торжественно. За столом сидели Олег Иванович, Фаина Яковлевна и Лариса Павловна. Мы сели напротив. Олег Иванович откашлялся и сказал:

— Ребята, это была проверка. Вы ее выдержали. А теперь, если у вас есть какие-то предложения, подумайте, посоветуйтесь и давайте вместе все обсудим.

Мы удалились на совещание. Говорить с ревкомовской тройкой поручили Сашке Прутту. Он был краток:

— «Алтай» требует от ревкома: во-первых, отказаться от соревнования. Во-вторых, полностью уйти «на пенсию». Ревком должен быть совещательным органом без права решающего голоса. В совет коммуны будет входить только дежурный член ревкома.

1 КЮФ — коммуна юных фрунзенцев.

В-третьих, комплектование отрядов передать в руки коммунаров. В-четвертых, никаких закулисных назначений сверху на посты вожатых отрядов.

Сашку выслушали молча. Когда он кончил, Олег Иванович спросил:

— Это что же, ультиматум?

— Да.

Несколько минут за ревкомовским столом тихо перешептывались. Потом Олег Иванович встал и сказал:

— Ну что же, мы принимаем ваш ультиматум. — И повторил: — Вы с честью выдержали проверку.

С версией о проверке ревком выступил и на общем сборе. Конечно, ни в какую проверку ребята не поверили, но версию приняли спокойно, потому что следом за ней ревком огласил свой ответ на наш ультиматум.

Решение ревкома коммуны
от 28 марта (утро)

1. «Бунт» коммунаров против ревкома считать справедливым. В этом выразился рост наших ребят (ядра коммуны).

2. Нужно сделать новый шаг вперед по пути расширения ребячьих прав в организации жизни коммуны.

3. Учесть требования ребят — членов совета коммуны и опыт отряда «Алтай».

РАЗРЫВ. Однажды Олег Иванович пришел на заседание ревкома с новым планом. План был грандиозный: коммуна должна была перенести всю работу в школы. Весь Фрунзенский район будет коммунарским!

Ревком план не принял: почти всем он показался утопическим и опасным.

— Но ведь вся наша работа — педагогический эксперимент, — настаивал Олег Иванович, — а я руководитель эксперимента.

Это поразило всех. Мы как-то забыли уже, что мы «подопытные», мы не хотели быть «участниками эксперимента». Коммуна давно уже была нашим общим делом, а не только делом трех ее первых организаторов.

— Нам казалось, у нас другие отношения, — сказали в ревкоме. — Мы друзья, товарищи по работе, и среди нас нет никаких руководителей.

Рассердившись, Олег Иванович стал говорить нечто и вовсе не понятное:

— Мы не товарищи... Просто вы работаете со мной и помогаете мне... Неужели это непонятно?

Лариса Павловна поддержала его.

— Или вы будете подчиняться, или я уйду! — сказал наконец Олег Иванович.

Гром среди ясного неба. Такого в коммуне никогда не было. Вспомнили: не было такого, чтобы предложение Олега Ивановича не принималось на «ура»...

Мы молчали.

Тогда Олег Иванович предложил:

— Давайте соберем старших ребят-коммунаров. Я уверен, они согласятся со мной!

Коммунары собрались. Олег Иванович обратился к нам:

— Я должен сказать вам честно и прямо. Мы должны четко определить наши отношения. Я веду педагогический эксперимент. Коммуну надо перестроить так...

И Олег Иванович развернул перед нами аккуратные схемы-планы на больших листах. Вверху каждого листа было написано: «Научный руководитель О. И. Петров».

Ребят это задело. Опять то же самое. Выходит, все было игрой, «научной работой», экспериментом, который по воле авторов можно куда угодно повернуть, а в случае чего и закрыть, тщательно подведя итог.

— Нет. Мы так не можем, — сказали ребята.

— Значит, погибнет дело, — мрачно проговорил Олег Иванович, встал и ушел. Вместе с ним ушла Лариса Павловна.

Наступила страшная тишина. Как будет коммуна без Олега Ивановича? Это невыносимо.

Но как будет коммуна с Олегом Ивановичем после того, что произошло? Тоже невыносимо.

Фаина Яковлевна тихо сказала:

— Ребята, я должна уйти. Я не могу заменить их. У меня нет ни опыта, ни подготовки, ни способностей таких...

И это было правдой. Все знали, что так оно и есть.

— Фаина Яковлевна, не бойтесь, мы поможем, — сказал Володя Лосенков.

Лосенков говорит меньше всех, позже всех и только то, что думают все ребята. Кажется, Лось ни разу в жизни не сказал пустого, невыношенного слова.

Но в этот день даже такая поддержка мало значила. Коммуне угрожала бесславная гибель.

...Не однажды собирались мы. Говорили, спорили. Кажется, 'за эти дни все стали старше. Горе делает людей мудрее. У нас было горе.

Все казалось, завтра придет Олег Иванович, жизнерадостный, как обычно, и скажет, что это была «проверка», и все останется по-прежнему. Мы опять охотно поверили бы в «проверку»!

Но Олег Иванович стоял на своем, некоторые друзья коммуны уговаривали нас:

— Что вы делаете? Опомнитесь, вы еще мальчишки и девчонки, вы ничего не знаете о жизни. Он ведь голова, понимаете? Голова! Кем вы его замените?

Общий сбор выслушал все уговоры и проголосовал: Олега Ивановича и Ларису Павловну из коммуны исключить.

ЕГО ПОБЕДА. И только теперь мы понимаем, что, может быть, это поражение и было самой важной, самой полной победой Олега Ивановича и его идей.

Олег Иванович все время прививал нам дух свободомыслия, учил нас быть принципиальными во всем и перед всеми. Свободолюбие без принципиальности — пустое бунтарство, его в коммуне не любят. Но отстаивание принципов — дело необходимое. Если бы мы подчинились Олегу Ивановичу, мы тем самым предали бы его.

Сколько всевозможных отрядов, кружков и команд распадаются, как только уходит их руководитель-энтузиаст!

А коммуна выжила и сохранила положения, на которых она была основана Олегом Ивановичем. Эти положения оказались сильнее всех — даже сильнее самого Олега Ивановича. А что может лучше говорить в их пользу?

5

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? Разрыв с Олегом Ивановичем потряс коммуны. Мы пересматривали всю нашу работу. Мы размышляли: как жить дальше? Вопрос о том, кто будет руководить коммуной, был не самым главным. Остался ревком, осталась Ф. Я., остались все «старые», опытные коммунары, остался заведенный, налаженный механизм. Но...

Но что-то должно было измениться в самом духе ее, в самом направлении ее работы.

Ревком заседал каждый день. Спорили до утра. Ездили в Москву к друзьям коммуны. Опять ночные собрания, опять размышления.

Чем держалась коммуна? Чем привлекала она ребят? Сутью своей — работой для людей, ощущением полезности жизни, которое она дает каждому. Укладом своим — песнями и строем, «огоньками» и дежурствами, традициями, привязанностью к коммуне старших ребят. Дружбой, коллективностью своей...

Один из первых законов коммуны звучал так;

В коммуне друзья

Живут без «я».

Всем на удивление

Одно местоимение — «Мы»!

Но правилен ли этот закон? Правильно ли постоянное подчеркивание «мы, мы, мы»?

Когда стали разбираться, заметили: это гордое «мы» ведет и к некоторой заносчивости. Ребятам, увлеченным коммунарской жизнью, стало казаться, что мы какие-то особенные, единственные в своем роде... «Мы — коммуна», «У нас все не так, все особенное», «Мы живем для людей».

А что же другие ребята, те, что не в коммуне, те, что в классе рядом с коммунарами, — они что, спят?

Они ведь тоже работают, занимаются, увлекаются науками, ездят в библиотеки, развиваются и растут... И, может быть, это самое «мы» уже не помогает нашим ребятам, а мешает им, в какой-то степени обедняет их?

Первые коммунары стали комсомольцами-старшеклассниками, им нужно — каждому в отдельности! — много работать для себя, учиться, чтобы потом стать полезными для всех.

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ. Нет, пожалуй, это неверно — разделять, разрывать эти понятия: «для себя» и «для всех». Надо найти оптимальный вариант, лучшее сочетание...

Еще одна опасность. Мы присмотрелись: все ожесточеннее споры на «огоньках», все суровее становятся «откровенные разговоры». Все чаще раздаются голоса: «Выгнать!» Нет ли во всем этом какого-то фанатизма? А если есть, то как излечиться от болезни, не подрывая основ коммуны? Как научиться более широкому взгляду на жизнь, терпимости, уважению к товарищам?

Постепенно стала выявляться такая схема. Сначала, когда коммуна только создавалась, все было правильно: мы учились отказываться от личных, эгоистических стремлений, подчинять свое «я» интересам коллектива. Это приносило счастье ребятам, потому что только коллективная работа, только общее дело приносит удовлетворение. А теперь наступает новый этап: теперь уже созданный коллектив должен помогать раскрыться каждому человеку, обогатить каждое «я».

Продолжая работать в Ефимии, не отказываясь от «трудовых десантов», от физической работы, от всего, что было найдено, коммуна должна сделать поворот к искусству и литературе, к науке.

Но не сразу мы поняли все это...

«ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО ШЕСТИ». Летом на сбор в Ефимию с нами поехали 5 музыкантов и 10 художников. С музыкантами никаких разногласий и конфликтов не было. Они наравне с нами работали, мы наравне с ними пели. С художниками было сложнее.

Художник Борис Михайлович Неменский привез на сбор группу своих учеников — студентов художественно-графического факультета Московского педагогического института (кстати сказать, среди них была Галя Скотина, которая на этих страницах иллюстрирует наш рассказ). При первой же встрече Б. М. сказал:

— Давайте сразу условимся: мы приехали не в гости, а работать. Полдня — на этюдах, полдня — с ребятами. Коммуне нужна эстетика.

Мы согласились: хотите рисовать — рисуйте, а с эстетикой видно будет. У нас отношение к эстетике было более чем сдержанное.

Каждый обеденный перерыв неизменно сводился к спору между ревкомовцами и художниками. Борис Михайлович настойчиво провозглашал:

— Кого вы хотите воспитать: фанатиков или убежденных людей? Если фанатиков, тогда вы правы: фанатикам не нужно никакого искусства, никакой красоты. А коммунары должны быть добрыми и человечными. Поймите, не может быть добрым человек, если он не умеет видеть прекрасное, если в нем нет трепета перед красотой, если его не волнуют полотна Рафаэля и Тициана.

— И что же вы предлагаете? После прополки свеклы обучать ребят священному трепету перед произведениями искусства?

— Да, хоть бы и так. Дайте нам два часа в день — от четырех до шести, и вы увидите, что могут сделать с ребятами беседы об искусстве.

В промежутках между спорами Б. М. объезжал с искусствоведом Лией Макоед ефимовские деревни. Б. М. вел за руль велосипед, к которому трубой назад, как пулемет на тачанке, был приторочен огромный эпидиаскоп. Лия несла коробку драгоценных стеклянных диапозитивов. Там, в колхозных клубах, они рассказывали об искусстве людям, никогда не видавшим картинных галерей. И показывали диапозитивы.

Наконец, художникам разрешили два часа в день «внедрять эстетику» в души вернувшихся из трудового десанта коммунаров.

В тот же день Борис Михайлович и его ученик Коля Павлов развесили в зале спировской школы свои репродукции. Ребята уселись на полу, и Коля начал с жаром рассказывать про красоту линии и цвета. До шести продержаться не удалось: мы засыпали.

На следующий день художники изменили тактику. «Во избежание засыпания» репродукции развесили по всей школе и водили ребят из класса в класс.

Борис Михайлович признал:

— Мне кажется, ребятам сейчас не до экскурсий. — И тут же предложил: — А не попробовать ли нам вместе пойти по селам — собирать народную одежду, утварь, инструменты, записывать старинные песни?

...Но самое удивительное, что и художников заразил наш «фанатизм». Борис Михайлович не узнавал своих любимых учеников: этюды заброшены, художники аршинными буквами («так, чтоб корова прочитывать могла») пишут бирки для фермы в Спирове...

ВОКРУГ ОЛИМПИАДЫ... Чем отличалась коммунарская олимпиада от школьных олимпиад?

Во-первых, она включала в себя 10 областей науки и искусства. Кроме традиционных в то время состязаний в математике, физике, химии, литературе, у нас были конкурсы по биологии, географии, живописи, музыке, иностранным языкам.

Во-вторых, многообразие разделов олимпиады позволяло требовать, чтобы участвовал в ней каждый. Тех, кто не хотел участвовать ни в одном из разделов, просили предложить свой, любимый.

В-третьих, организовали олимпиаду не учителя, а ученый совет, в котором не было никого старше 19 лет, а преобладали семиклассники.

В-четвертых, как и любое коммунарское дело, олимпиада была опутана сетью придумок.

Утром в день олимпиады в коммуноу пришло письмо от Незнайки. Потом был митинг, на котором ученый совет выступил со следующим воззванием:

«Математик Эварист Галуа в 21 год в ночь перед дуэлью сформулировал важнейшие математические принципы, его записные книжки расшифровываются до сих пор. Сергей Рахманинов в 19 лет написал оперу «Алеко».

Мы уже прожили 13, 14, 15 лет и еще почти ничего не успели.

А нам предстоит создать единую теорию поля и запустить космический корабль с человеком на Луну, исследовать проблемы наследственности и раскрыть тайну рака.

Надо создать свою симфонию, написать свою картину, доказать свою теорему... Надо успеть. Надо торопиться жить: ведь с тридцати лет человек ежедневно теряет 3 000 мозговых клеток (а всего их у нас около 15 миллиардов).

Мы же не умеем получать и собирать знания и не всегда даже знаем, что хотим знать, а к учебе относимся подчас как к печальной необходимости.

Стойте! Одумайтесь!

Тратить годы — самые юные, самые плодотворные — преступление. Во имя ваших будущих профессий и свершений — в бой за знания!

Пусть соревнуются ум и эрудиция, смелость и сообразительность, талант и поиск.
Да будет царство мысли!
Ученый совет коммунарской олимпиады знаний».

Спутать залы математики, истории, живописи, химии было невозможно. Младшие бегали из зала в зал, смотрели и выбирали. Часто шли туда, где лучше оформлено.

Особенно тщательно продумывалась заключительная часть олимпиады. Трое парней вносят в зал предлинную скамью, заваленную книгами. Поверх книг скамью опоясывают ленты.

Сначала награждаем три отряда-победителя: чемпиону — ленту на флаг, двум другим — полиэтиленовые мешки конфет. Потом чествуем трех победителей по каждому разделу олимпиады. Победители получают ленты с надписью «Чемпион I коммунарской олимпиады» и книги.

Награждение длится минут двадцать. По количеству криков «ура», качаний и улыбок это были самые концентрированные минуты сбора.

6

«ДАЕШЬ «СПУТНИКИ!» Вот что нам уже под силу: в каждой школе района создать свой лагерь по типу коммунарского — «Спутник коммуны». Пусть в школе будет хотя бы несколько десятков ребят, воспитанных на принципах коммуны. Это, конечно, скажется на работе школы...

Только не торопиться! Стали прикидывать. Итак, лагерь-«спутник». В нем должно быть пятьдесят — шестьдесят ребят из одной школы. А сколько будет среди них коммунаров? Пять-шесть...

Смогут ли эти пять-шесть человек привить «спутнику» коммунарский стиль жизни, научить ребят нашей методике, самоуправлению?

Опять споры и обсуждения.

Решились.

И вот летом в Ефимовский район едет не сто ребят, как бывало, а шестьсот «спутников коммуны». На следующий год — тысяча двести! Операция «Человек — человеку» продолжается. Но в каких масштабах!

Обстоятельства сложились трудные. В каждом лагере-«спутнике» было по одному, по два учителя от школы. Но они не знали коммунарской методики, удивлялись ей. То берут на себя все дела, как положено учителю, то, наоборот, отходят в сторону: «Ну, раз вы все сами знаете, то и делайте сами...»

Выходило, полагаться можно только на себя — на коммунаров — и на свой опыт. Помощи ждать неоткуда.

Коммунарам предстояла самая суровая проверка. Впервые мы действовали не всей коммуной, а порознь.

СДАЮ ДОСРОЧНО. Первый летний лагерь-«спутник» оглушил, ошеломил меня. Меня увлек ритм сбора. Все делалось на подъеме, с удовольствием, с интересом, без какого бы то ни было нажима со стороны коммунаров и старших. Походы, встречи, новые люди, поиски семей героев, дружба с местными, работа в поле — все это мне очень нравилось. Я старался делать все, и после этого сбора меня приняли в коммунары.

Я не понял, что произошло, но событие это повлияло на мою жизнь...

И в школе — правда, не сразу — почувствовал: что-то во мне изменилось, появилась жажда работать, хотелось, чтобы ребята ощутили в «спутнике» то, что мне удалось ощутить после первого сбора. Я так увлекся, что даже досрочно сдал экзамены за 8-й класс, чтобы уехать на сбор вместе со всеми.

Путь коммунара ясен: из «спутника» — в коммуны, затем из коммуны — в «спутник».

НОЧЬ НА ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ. Вот уже несколько дней подряд мы ходим по деревням и селам Ефимовского района. Из дома в дом. Невелики деревни, но ни в одной нам еще не попадалось дома, из которого война не вырвала хотя бы одного человека. И до сих пор не было в этих местах памятника тем, кого нельзя забывать. Ни памятника, ни простого обелиска, ни придорожного камня с выбитой звездой. Мы решили поставить обелиск павшим солдатам.

Мы стучимся в дома. Люди впускают нас. Мы напоминаем им о самом страшном и горьком, что было в их жизни, и они впускают нас в свои сердца. Они рассказывают и плачут, вынимают поблекшие фотографии и письма. Они спрашивают: «Вы не торопитесь?» — и тогда начинают все сначала, с самого начала: с детства — если о сыне; с юности — если о муже. Двадцать лет лежат в земле и сын и муж, а боль жива. И люди смотрят на нас с надеждой, хотя мы растревожили их давнюю боль. Мы уходим, и они говорят нам вслед одно и то же: «Спасибо, что не забыли. Спасибо, что вспомнили...»

Настала и двадцать вторая июньская ночь. В деревнях многие не расстилают постелей, не гасят света. Люди собираются в путь, иные — за двадцать, за тридцать километров. А у нас горнист играет отбой. Это значит: все по палаткам. Сегодня приказ дежурного командира звучит по-особому, и никто не посмеет его нарушить.

При свете костра несколько человек довязывают огромные, тяжелые венки, надписывают траурные ленты: «Памяти павших будьте достойны».

Многие не спят в палатках, но в лагере тишина. Мы, девчонки, бредем по мокрой от росы траве и собираем гвоздику — алые огоньки в бледном сумраке ночи.

Не переставая, тревожно кричат чибисы. Действительно похоже: «Чьи вы, чьи вы?» Лес, тающая в тумане дорога; аромат цветов... Сейчас тишину разорвут сигналы горна. «Тревога, люди, тревога!» Сегодня нам не нужны часы. Мы сверяем время по тревоге. Четыре часа утра. «От Советского Информбюро. Сегодня, 22 июня 1941 года...»

Горит огонь в память погибших. Приспущен флаг на мачте. Застыли на линейке ребята. Их поднял горн, и те, кто не успел обуться, стоят босые на мокрой утренней траве.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Мерным шагом в траурном марше идут четыре «спутника» коммуны. Мы входим в деревню, и к нашей колонне молча пристраиваются люди. Идут на костылях инвалиды. Ведут под руки дряхлых старух. На площадь, к обелиску.

Замер почетный караул, склонились знамена. Четыре грани у обелиска, четыре простых доски с именами погибших...

Обелиск установлен перед школой — это единственная деревенская площадь, единственное подходящее место.

Да, мы родились после войны. Мы видели войну в кино; мы знаем ее только по книгам; мы никогда не слышали, как ревет сирена, как падает бомба. Мы не видели, как люди падают на колючую проволоку, как пылают печи крематориев...

Плачут женщины, плачут фронтовики. Молча глотают слезы ребята. Это война. Мы никогда не забудем, никогда не простим...

Минута молчания. Рыдания затихли. Женщины стиснули зубы.

Возлагаем венки и слышим голос дежурного командира:

— Добровольцы пойдут работать на поле. Шаг вперед, добровольцы!

Маршем молчания мы идем на поля. Добровольцы — все.

Над рекой стелется туман. Встает солнце. Мы пропалываем борозды. Час, второй, третий. Над полем тишина. Между бороздами застыли в карауле склоненные знамена...

АНКЕТЫ В «СПУТНИКАХ». Отвечали 1 000 новичков.

Что понравилось на сборе «спутника»?

950 человек ответили: «Граурная линейка в память погибших», операция «Человек — человеку», «Интересные дела», «Все решали сами», «Песни у костра», дружба ребят.

Собираешься ли ты делать что-то похожее у себя в школе?

830 спутниковцев ответили «да» и развернули целую программу будущих действий.

7

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ. Ну что ж, со «спутниками», пожалуй, управились. Теперь они работают каждый год, и в школах почти весь актив — из тех, кто вырос в «спутниках», и в коммуны новый приток — из «спутников».

Стало понятно главное: если взять пятьдесят любых ребят, дать им коммунарских вожатых и включить в их число хотя бы пять-шесть коммунаров, —

через несколько дней в отряде (или в команде) начинается коммунарская жизнь. Кто-то назвал это принципом «бутерброда». Смешной «принцип», но, пожалуй, верный: давление сверху и снизу...

В «Орленке» собрался первый отряд комсомольцев «Клуба юных коммунаров». Там тоже были наши.

Под Новый год в Москву на сбор юных коммунаров съехались 90 человек. В первый же день был спор. Денег ни у кого нет, приехали на свои, заработанные субботниками. Всего пять дней... Многие впервые в Москве... И все же общее требование: экскурсии — до минимума. Главное — узнать, что делается у друзей, научиться...

Кстати, идет Новый год. Как его встречать?

Горком комсомола пригласил гостей на бал в Колонный зал. Заманчиво!

Кто-то из московских ребят зовет к себе: поместимся!

А встречали Новый год в просторном зале почтового отделения № 261, на Ленинском проспекте. На почте гора поздравительных телеграмм. Ровно в двенадцать разошлись по участку — приносили телеграммы в самые первые минуты Нового года, к праздничному столу.

Эта операция называлась «Радость людям».

Весной опять собрались, на этот раз в Киеве. А потом уже зимне-весенние сборы стали проходить сразу во многих городах, по десять сборов на каникулах. В Горловке, Архангельске, Свердловске, Киеве, Новосибирске, Одессе, Челябинске, в Москве и Ленинграде, в Бресте и в Перми... На каждом сборе — гости из других городов и, конечно, обязательные «пресс-конференции» — обмен опытом, рассказ о своих делах. И у каждой новой секции клуба — свои старшие друзья, такие же энтузиасты, как наши ревкомовцы.

...А все ведь началось с двадцати «активных, инициативных», которых однажды телефонограммами вызвали в Дом пионеров и школьников на Загородном проспекте. Помните? «Пришлите активиста с цветочком...»

Встречи, встречи. Наш пятый зимний сбор — всесоюзный.

8

СБОРЫ, СБОРЫ... Стоп! Мы должны остановиться, оборвать предыдущую главу и начать новую. Иначе у читателя, пожалуй, сложится впечатление, будто коммуна превратилась в сплошной праздник: поездки, встречи, объятия, поцелуи... И все это во всесоюзном масштабе.

А на самом деле жизнь коммуны продолжается, как всегда: зимний сбор, весенний, летний, осенний... И каждый сбор надо долго готовить, и на каждом должно быть что-то новое. Ребятам, сегодня вступающим в коммуны, нет дела до истории. Они едут в Ефимию этим летом, и нынешний сбор для них первый, главный — сбор «на всю жизнь». У каждого коммунара, когда бы он ни пришел к нам, должна быть своя Ефимия.

И потому:

Решение общего сбора коммуны от 18 мая 1966 года.

1. Одобрить результаты коммунарской разведки.

2. Выезд в Ефимию на 8-й летний сбор коммунарский назначить на 9 июня. Сбор в ДПШ.

Другой сбор. Огромный завод. Мы работаем на строительстве нового цеха. Девчонки грузят на машины кирпичи. Мы ломами сбиваем застывший цемент. На каждый отколотый кусок уходит пятнадцать, двадцать минут.

Невыносимо жарко (больше 30°), тяжело и... невероятно весело. У рабочих давно перерыв — смотрят на нас: кто с удивлением, кто с улыбкой, а мы — без перерывов, только бегаем обливаться из шлангов. Солнце. Все мокрые. Неменский рисует (раньше бы на него злился, а теперь весело). Рисует, наверно, большие ломы, маленькие фигуры, худые руки в огромных перчатках, а ты поднимешь лом, привстанешь на носки — сейчас ударишь! И чувствуешь себя очень сильным, ну просто Геркулесом (правда, после совершения десятка подвигов уже устал). На каждый кусок теперь уходит больше получаса.

Часто меняемся. Бьем неверно. Ну хоть бы ветерочек. От девчонок доносится песня про вольный ветер.

— А ну-ка вдарим!

И еще час. И еще. Солнце. И весело.

ПЕРЕДВИЖНОЙ КИНОТЕАТР. Юра Виноградов приехал на сбор с маленьким рюкзаком и с большим чемоданом. В чемодане был проекционный фонарь и диафильмы. Каждое утро мы получали буханку хлеба на двоих и отправлялись в путь. Новый день — новый маршрут. За 5, 10, 15 километров. Иногда нас подвозили на попутках.

Во многих деревнях уже знали наш передвижной кинотеатр.

Стоило нам появиться у околицы, как со всей деревни с криками сбегались ребятишки:

— «Кюфик» пришел, «Кюфик»...

Афишу вывешивали больше для порядка.

Скоро мы обросли вторым, еще более вместительным чемоданом. Утром его еле поднимали, зато обратно несли пустым. После сеансов обычно устраивали лотерею — разыгрывали игрушки и книги.

За месяц ребята окрестных деревень перевидали столько фильмов, сколько, наверно, не видели раньше за всю свою жизнь. Киномеханики привозят, как правило, только «взрослые» картины, да ведь и не в каждой деревне есть своя кинобудка.

9

КТО ПРЕДСКАЖЕТ СУДЬБУ? Мы пишем эти строки сегодня, на девятом году коммуны, но с таким же успехом могли мы написать и три года назад или три года спустя... Что ожидает коммуны? Не знаем. Разве человек может предсказать свою судьбу? Но он верит, что будет жить вечно. Вот так же и мы верим, хотя порою нам бывает очень трудно, и все новые и новые проблемы встают перед нами, и сначала они кажутся неразрешимыми, кажется, все пропало. А потом, глядишь, выход найден, все как-то само собою утрясается, и — смотри! — жива коммуна, и новенькие после сборов пишут в анкетах такие же восторженные слова, какие мы, старшие, сами когда-то писали...

А мы стали строже к коммуне. Нас все время что-то не удовлетворяет, мы ругаемся на сборах между собой и ругаем коммуны — мы требовательны к ней беспредельно.

«НЕ УХОДИТЕ ИЗ КОММУНЫ!» В университете на вступительном экзамене по истории женщина-экзаменатор задала мне первый вопрос: «Коммуну не бросили?» (На

отвороте пиджака у меня был приколот значок.) «Нет, — ответил я. — А вы знаете о коммуне?» «А вот знаю, — улыбнулась женщина. — Ну, приступайте к первому вопросу». Билет попался хороший, и через десять минут у меня была пятерка. (Сколько из этих пяти баллов принадлежит мне?) Возвращая экзаменационный лист, женщина немного смутилась и сказала: «А из коммуны не уходите. Хорошее дело».

По-видимому, она не слишком много знала о коммуне, иначе не дала бы такого наивного совета. Коммуна не кружок при Доме пионеров, в который можно прийти и записаться, а потом легко покинуть. (Не понравилось!..)

ОПЯТЬ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ. На сбор в Музее Ленина в день рождения коммуны пришел со своими учениками Олег Иванович.

Мы не видели его несколько лет. Он очень изменился. Постарел. Держится бодро. Улыбается нам. Чувствует себя неловко.

Мы растеряны. Мы любим этого человека и не любим его. Кто-то предлагает:

— Давайте пригласим Олега Ивановича в наш строй. Неудобно.

Дежурный командир думает.

— Нет, — говорит он.

Мы не спорим. Спорить — значит говорить и объяснять. А говорить трудно.

ЧУТЬ-ЧУТЬ О ЦИФРАХ. За восемь лет мы провели тридцать шесть сборов коммуны, каждый раз продолжительностью в неделю или в месяц. Через коммуны прошло 600 человек, а через «спутники» ее — более пяти тысяч. Сейчас в коммуне, кроме пионеров, девяносто комсомольцев. Шестидесят из них работают уже пять — восемь лет. Это студенты. Каждый второй студент учится в педагогическом институте или на факультете психологии в университете. В городе работают 27 старших пионерских вожатых коммунаров, 42 коммунара — на комсомольской работе.

ПОСЛЕДНЯЯ АНКЕТА. Какая черта объединяет всех коммунаров?

Целеустремленность. Без чего бы я не смог сейчас жить? Без коммуны, без друзей, без мечты. Какие у меня самые счастливые дни?

Дни, проведенные с коммунарами в Новгороде, дни в Михайловском и 24 марта — дни рождения коммуны.

Зато гораздо больше счастливых часов. Мне очень хорошо, когда со мной семь самых близких друзей, очень хорошо, когда мы (коммуна) все вместе и когда все хорошо, когда слышу любимые аккорды, читаю, рисую, стою у пейзажей Куинджи, брожу по Ленинграду...

Мне очень часто бывает хорошо. Спасибо за это всему простому и доброму.

Что изменила в моей жизни коммуна?

Изменила все.

Пришел совсем другим. Коммуна перевоплотила меня во второе «я». Спасибо!

КОММУНАРСКОЕ БРАТСТВО. «Раз, два... Не уроните!.. Три, четыре, еще — пять», — я подлетаю над палатками. Меня качают впервые в жизни.

Вокруг улыбающиеся лица. Сегодня у всех коммунаров праздник.

Мы беремся за руки и змейкой бежим на огромную горбатую поляну. Все что-то кричат, а я не могу: в горле комок. Такое я только в кино видела: все рады, все поют, кричат, каждый каждому товарищ. Если бы сейчас посмотреть с самолета, был бы виден один огромный белый круг на зеленой поляне. А я — частица этого круга, и, если я уйду из него, он разорвется. А сейчас нас много, и мы сильные...

К пятилетию коммуны Б. М. Неменский подарил нам свою картину.

На огромной горбатой поляне сидят в кругу ребята. Поляна напоминает земной шар. Коммунарское братство.

Это — о нас.

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ПУТЬ НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Между Чаткальским и Ферганским хребтами, в глубоком, пугающем своей неприступностью ущелье, бьется бешеный Нарын. По своей гидротехнической мощности он лишь немного уступает Волге, Оби и значительно превосходит такие реки, как Днепр, Иртыш, Вахш...

Здесь, на пустынном и труднодоступном участке предгорий Тянь-Шаня, пять лет назад появились первые палатки, первые камышовые кибитки, хозяевами которых стали строители — посланцы комсомола Киргизии. Они пришли сюда, чтобы соорудить крупнейший Токтогульский гидроузел с электростанцией мощностью в один миллион двести тысяч киловатт. В глубине каменистого ущелья бурный и стремительный Нарын перегородят 215-метровой железобетонной плотиной, и почти на 300 кв. км разольется в Кетмень-Тюбинской долине искусственное море.

XIV съезд ВЛКСМ объявил строительство Токтогульской гидроэлектростанции всесоюзной ударной комсомольской стройкой. И ребята в начале прошлого года выдержали первый серьезный экзамен на зрелость — перекрыли Нарын. Сейчас его своенравные воды направлены по искусственному руслу — 800-метровому обводному тоннелю.

На высоте в каменных стенах берегов пробиваются тоннели и залы для энергетических цехов, дробится камень, гремят взрывы, стучат отбойные молотки. На этих скользких склонах и работают люди особой профессии — скалолазы-монтажники.

Я видел их внизу. В эбонитовых касках, в куртках, перетянутых реп-шнуром, с замками и кольцами, в горных ботинках они выглядели не менее впечатляюще, чем космонавты в своем предстартовом облачении.

Над Нарывом около высотной отметки «500» висит 640-метровый пролет воздухопровода. Поверх отметки плотники устроили мостки, монтажники протянули трос, и стало это вроде бы мостом, по которому рабочие должны переходить с левого берега на правый. Вначале, когда еще не было перемычки и дороги, попасть на левый берег не мог никто, кроме альпинистов. А работа на левом берегу ждать не могла.

Установить трубу-мост поручили бригаде верхолазов, которой руководит опытный альпинист Анатолий Балийский.

Шел липкий, обильный снег, свистел ветер, и ущелье напоминало аэродинамическую трубу, в которой испытывают двигатели. Добираться до отметки «500» Анатолий решил сверху, с высоты 1 300 метров. Прицепившись к тросу, он начал медленно опускаться.

Страховали его ребята из его же бригады. Шаг за шагом подбирался Анатолий к цели. Усилием воли заставлял себя не спешить. А спешить хотелось. Обледенели перчатки, застыли руки. Ноги, обутые в горные ботинки, потеряли чувствительность. В штормовку набился снег. Анатолий попробовал пошевелить пальцами, но, двигаются ли они, понять не смог. Каждый мускул был напряжен и ныл, тело просило отдыха. Зубами Анатолий стянул перчатки, попробовал дыханием согреть руки. Когда они потеплели, посмотрел вниз. Белая стена ускользала из-под ног. На берегу реки работали бульдозеры. Отсюда, с высоты, они напоминали спичечные коробочки.

И снова спуск... Сколько времени добирался он до отметки «500», Анатолий не помнит. Помнит только, как махнул рабочим рукой: мол, готов принять трубу.

Вес этой трубы достигал нескольких тонн. На тросах, закрепленных на бульдозерах, ее стали спускать с правого берега. Под порывами ветра она раскачивалась из стороны в сторону, стальные тросы гудели.

Анатолий должен был ухватиться за конец трубы, надеть на нее петлю и закрепить. Ветер не унимался. Вихрился в дьявольской пляске, залепливал снегом глаза, рот и не давал дышать.

Восемь часов продолжалась эта нелегкая борьба человека со стихией. И человек победил.

Не снимая реп-шнура, Анатолий прошел по только что закрепленной им трубе на правый берег и тяжело опустился на камень. Ноги больше не держали его. Под ледящим ветром, на скользких камнях обрыва, на тонком страховочном шнуре, без куска хлеба и воды он провел восемь часов.

Так соединился правый берег с левым.

Юрий МАСПОВ

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ...

Он был расстрелян ранним апрельским утром 1919 года. Когда палач пытался надеть ему на глаза повязку, он крикнул: — Я смотрю на мир открытыми глазами. Это вы должны пугаться, зубры, а не я! Да здравствует революция!

Казису Балтарагису, военному комиссару ревкома и одному из основателей ячейки коммунистов Ионишкелиса, было лишь восемнадцать, когда он погиб.

Трудно пришлось весной 1919 года защитникам Советской власти в северо-восточной части Литвы: белые наступали, поддерживаемые немецкими пулеметчиками. Казис был схвачен, когда пытался разведать расположение вражеских войск, уже захвативших Ионишкелис. Поздно вечером он навестил свою девушку Ону Мейлунайте, а на следующий день она увидела, как четыре вооруженных солдата с белыми повязками вели по улице Казиса в здание бывшего ревкома. В ту же ночь его посадили в тюрьму. Враги Советской власти ликовали: наконец-то попался этот гимназист, нахватавшийся в России революционных идеалов!

«Наша камера была совсем рядом с камерой Балтарагиса, — вспоминает сидевший тогда в тюрьме Ионишкелиса Казис Левинкас. — Высунувшись через решетку окна, он грозил проходящим мимо полицейским и солдатам, а рабочим махал шапкой, приветствовал их, призывал к борьбе за Советскую власть. Мы говорили Казису, чтобы он не вел себя так: слишком опасно. Но он отвечал: «Погибнуть за правду я не боюсь. Пусть мою кровь собаки будут лакать, но недолго будут смеяться и те, которые прольют мою кровь. Я погибну за правду, а их постигнет собачий конец».

Недавно краеведы Ионишкелисской средней школы узнали, что Она Мейлунайте-Буткайтене все эти долгие годы хранила записки Казиса, которые он ей посылал из своей камеры до дня расстрела.

Вот некоторые из этих записок.

(Без даты.)

Почему вчера ты так уныло и такими жалостливыми глазами смотрела в заделанное железом окошко моего красивого приюта... Там сидел твой К., боровшийся за свободу трудящихся. Когда ты поймешь, Оните, для чего человек живет на этом бедном свете, тогда ты будешь смеяться, глядя на меня, черного, как чертенок из самого пекла, с заросшей бородой.

Без сомнения, в настоящее время хорошо жить молча и тихо, но так говорят люди, которые живут только для себя, любят только себя, защищают только свою шкуру; видя, что избы их товарищей уже горят, они не идут их гасить, а ждут, пока загорится и их шкура от того же самого огня.

Нет, Оните, я таких людей ненавижу, хотя, может быть, и я когда-нибудь, а может быть, и скоро, стану таким же, как они. Но теперь, когда у меня внутри горит яркий огонь вечной борьбы за правду, за свободу, за свет, я не могу молчать...

Хотя я сижу в тюрьме, но остался таким же, как был прежде. Я люблю всех бедняков и других добрых людей (как ты, О), и эта любовь надолго.

Итак, если ты меня снова увидишь, то не смотри на меня со слезами... Пиши мне о всех твоих мечтах. Я же буду счастлив, если ты придешь хотя через окошко меня увидеть.

Твой Казиукас.

(Без даты.)

Вчера было очень хорошо спать. Я лежал на земле, и у меня был большой плащ, которым я хорошо накрылся и под бок его подоткнул. Ночь воевал с буржуями, но «жабы маринованные» начали меня тащить в пекло. Теперь я как раз в пекле, но все равно через несколько дней воскресну.

Твой Казис.

4 апреля 1919. Сегодня вечером я получил твое письмо, за что сердечное спасибо. Спасибо тебе, Оните, за ласковые словечки, таких не слышал уже с самого детства. Ты меня успокоила этими словами: «Казиук, как знаешь, не долго». Я от этих твоих слов почувствовал себя совсем здоровым и тотчас же обрел энергию и попытался взломать железную решетку, но напрасно...

Твой Казис.

6 апреля 1919.

У нас нового ничего не слышно. Перевезут ли нас в Шауляй, пока еще неясно, я не теряю надежду, хотя и в Шауляе твою «Schuler» не пропадет. Я не опускаю нос, и ты не смей опускаться. Когда вернусь, ты будешь опять смеяться.

Твой Казис.

(Без даты.)

Извини, что я вчера ничего тебе не писал: очень болит голова. Чем дальше находишься в этом «цветнике», тем все хуже себя чувствуешь... Что же поделаешь, если уж так пришлось помучиться за благо людей. Может, они когда-нибудь мое горе поймут и, поняв, без сомнения, будут благодарны.

Но, Оните! Мне кажется, что когда-нибудь я все же выйду на свободу, и воздух свободы придаст мне новые силы, и я смогу встать на последний бой с врагами трудящихся.

Всего хорошего! Твой К.

Эта записка была последней... Так жил и умер юный коммунист Казис Балтарагис.

А. ДУЛЬКИНАС

СПОРТ

10 самых-самых...

Полвека, начиненные спортивными событиями, как Лужники болельщиками в день матча «Спартак» — «Динамо»...

Имена победителей и побежденных бесстрастно и точно фиксируют судейские протоколы. В протоколе, который вы прочтете сегодня, побежденных нет. Каждое имя из этого списка — целая эпоха в истории советского спорта. Десять самых выдающихся спортсменов полувека. Десять самых-самых...

Но существуют ли критерии «самого-самого»? И кто возьмет на себя смелость применить их к сравнительной оценке событий, разделенных непроходимыми границами многих поколений и десятков видов спорта?

Каждый год Федерация спортивных журналистов СССР рассылает анкету своего новогоднего опроса. «Назовите десять лучших, по вашему мнению, советских спортсменов за прошедший год».

Сколько анкет, столько и мнений. Но, имея несколько мнений, всегда можно найти среднее — общее. Технология тут простая — «олимпийская»: первое место оценивается в 10 очков, второе — в 9, третье — в 8 и так далее. Получивший после подсчета всех анкет

наибольшее число очков объявляется лучшим спортсменом года. «Хозяева» десяти наибольших сумм составляют список сильнейших.

Естественно поэтому, что редакция «Юности» обратилась к помощи спортивных журналистов. На IV Спартакиаде народов СССР, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в гудевшем с утра до глубокой ночи пресс-центре заполнялась эта анкета.

Анкета была роздана также писателям и поэтам, которым близок спорт. Вот заполнил анкету Лев Кассиль. По его мнению, список лучших должен выглядеть так: Ю. Власов, Л. Яшин, М. Исакова, В. Куц, В. Бобров, Л. Белоусова и О. Протопопов, Г. Федотов, Андрей Старостин, Л. Латынина, В. Попенченко.

Принесла ответы радиокомментатор Нина Еремина. А вскоре сообщает свое мнение Вадим Синявский. И что же? Четвертой в его анкете стоит... заслуженный мастер спорта баскетболистка Нина Еремина! А первым Вадим Синявский назвал прославленного футбольного вратаря сборной страны 20-х годов Николая Евграфовича Соколова. «Однажды, — вспоминает Синявский, — мне посчастливилось нести на стадион его чемоданчик. Это был великий спортсмен! В матче со сборной Турции Соколов играл весь второй тайм со сломанной ключицей!..»

Итак, в редакции ровно 100 мнений. Почти в каждой анкете мотивировки, почему именно этот спортсмен избран автором.

И вот уже растет список «самых-самых». Здесь и герои двадцатых годов — конькобежец Яков Мельников и легкоатлетка Мария Шаманова; и те, кто прокладывал путь к вершинам европейских и мировых рекордов в годах тридцатых, — легкоатлеты Николай Озолин и Нина Думбадзе, пловцы Леонид Мешков и Семен Бойченко, прославленные боксеры Николай Королев и Альгирдас Шоцикас, герои первых послевоенных чемпионатов штангист Григорий Новак и борец Иоганнес Коткас. А некоторые журналисты назвали и прославленного русского богатыря Ивана Максимовича Поддубного, который в 20-е годы в возрасте 55 лет, вернувшись на ковер, победил на открытом чемпионате Соединенных Штатов Америки.

Растут колонки цифр, отражающих десятки мнений. И уже очевидно, кто именно возглавит десятку. Ясно определяется и шестерка лидеров. А дальше, как это часто бывает на стадионах, замыкающие первую десятку спортсмены финишируют довольно тесной группой.

Вот они, десять «самых-самых»:

1 ВАЛЕРИЙ БРУМЕЛЬ — рекордсмен мира и олимпийский чемпион по прыжкам в высоту (615 очков).

Трижды — в 1961, 1962 и 1963 годах — представительнейший международный форум журналистов называет его лучшим спортсменом земного шара. Подобных лавров не достаивался ни один другой атлет. Сейчас, когда жизнь многих мировых рекордов исчисляется неделями и даже днями, его 2,28 — недостижимый пик. Пока не видно того, кто может бросить перчатку Брумелю, хотя поднять ее он уже не в состоянии.

Борис ХАВИН — «Спорт за рубежом».

Может быть, общими усилиями (ученые, тренеры, врачи и, наконец, повара — питание в виде особо калорийных таблеток) и создадут когда-нибудь «трехметрового» прыгуна. Но и его станут называть «вторым Брумелем» — через это сравнение никому не перепрыгнуть.

Александр НИЛИН — «Советский спорт».

Самый первый — за талантливость.

Алексас КРУКАУСКАС — газета «Комьяунимо Тиеса», Вильнюс.

2 ЮРИЙ ВЛАСОВ — неоднократный чемпион и рекордсмен мира по тяжелой атлетике, олимпийский чемпион 1960 года (488,5 очка).

Победная ночь на Олимпиаде в Риме, его феноменальные рекорды последних лет заставляли нас восхищаться и гордиться силой советского человека. Его обаяние, культура, интеллект, принципиальность в жизни и спорте должны служить примером нашей молодежи. Именно таким я себе и мыслю настоящего советского спортсмена.

Николай ОЗЕРОВ.

...Доказал, что интеллигенты тоже могут поднимать тяжести, и даже такие, которые другим людям не под силу.

Анатолий ГЛАДИЛИН.

Не люблю в спорте дураков с мышцами, а он умный и с мышцами.

Леонид ПЛЕШАКОВ — «Комсомольская правда».

На мой взгляд, идеальный тип спортсмена. Не просто «гора мышц». Боец, у которого сила, упорство, упрямство, воля сочетаются с разносторонним интеллектом. Побольше бы таких спортсменов! Побольше бы их в самых разных видах спорта!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Его рассказы открыли нам чудовищную тяжесть штанги. А он ее еще и поднимал.

Лев ФИЛАТОВ — «Футбол».

3. ВЛАДИМИР КУЦ — неоднократный рекордсмен мира в беге на длинные дистанции, дважды олимпийский чемпион (364 очка).

Мельбурн. Стадион стоял и скандировал: «Куц! Куц! Куц!» Нет, этого нельзя забыть!

Вадим СИНЯВСКИЙ.

Он предлагал сумасшедший темп: выдержишь — честь тебе и хвала. Но не выдерживали ни Затопек, ни Пири, ни Ихарош, ни Чатауэй. Правда, Куца побеждали, но «по-лисьи»: вырвавшись из-за спины. Но даже побежденный, он не был превзойден.

Стив ШЕНКМАН — «Легкая атлетика».

Мельбурнская олимпиада — это во многом Куц.

Игорь МЕЛЬНИКОВ — «Правда».

Бегун не может быть скопидомом. Широко, бескорыстно дарит он людям свои богатства — выносливость, волю, быстроту... Десять лет назад Куц подарил нам в Риме свой рекорд на 5 тысяч метров, который все это время никто из его наследников не мог побить. А когда совсем недавно это все-таки произошло, Куц вручил новому рекордсмену свою наибольшую драгоценность — золотую медаль, полученную им за «тот самый рекорд»...

Виктор ВИКТОРОВ — «Огонек».

4. ЛЕВ ЯШИН — вратарь сборных футбольных команд мира, Европы и СССР (358,5 очка).

Самую тяжелую футбольную славу с достоинством несет на удивление долго. Его имя во всем мире как пароль советского спорта.

Я видел триумф многих наших мастеров и команд на зарубежных стадионах. И все же первое место я отдаю моему любимому герою — лучшему вратарю мира Льву Яшину.

Николай ОЗЕРОВ.

Что касается Яшина, то этот лучший вратарь мира дорог мне еще и потому, что он как бы воплотил давнюю мою мечту: еще тридцать лет назад в романе своем «Вратарь республики» я попробовал наметить образ нашего современного голкипера, ставшего общепризнанным «вратарем мира». Помню, что меня упрекали тогда в беспочвенном, чуть ли не утопическом фантазировании. А вот сбылось!..

Лев КАССИЛЬ.

Новатор футбола. Впервые в мировом футболе стал играть по всей штрафной площади и за ее пределами.

Анатолий ЧЕРНЫШОВ —

«Спортивные игры».

5 МИХАИЛ БОТВИННИК — неоднократный чемпион мира по шахматам (343 очка).

Я входил в шахматы с именем Ботвинника. И когда в сорок третьем году в чемпионате Москвы я сел с ним за доску, то ущипнул себя: не верилось, что это наяву, что я играю с самим Ботвинником. Для людей моего поколения он был идеалом в шахматах, как Знаменские в легкой атлетике, как Чкалов в авиации.

Юрий АВЕРБАХ — «Шахматы в СССР».

Наверное, Ботвинник заслуживает более высокого места, но в десятке очень тесно.

Владимир МАЕВСКИЙ —

«Спортивная газета», Киев.

Человек, научивший страну любить шахматы.

Александр КИКНАДЗЕ —

«Советский спорт».

6 ВСЕВОЛОД БОБРОВ — капитан сборных команд СССР по футболу и хоккею (315,5 очка).

Бобров — кумир моей юности, и мне в жизни не забыть гол, который он забил в ворота «Динамо» в 1948 году, когда я, весь в соплях, сидел на трибуне. Это был Его Величество Гол.

Василий АКСЕНОВ.

Включаю Боброва в десятку прежде всего как хоккеиста, который открыл для канадцев... канадский хоккей в русском варианте, дав им понять, что их единовластие кончилось.

Вячеслав ГАВРИЛИН —

«Красная звезда».

Недавно в югославской спортивной газете я прочел: «Народ не забывает ни великих футболистов, ни великих хоккеистов. Бобров был и тем и другим. Таких великих спортсменов дарят людям только великие спортивные державы». Добавить к этому что-нибудь трудно.

Леонид ГОРЯНОВ —

«Спортивная жизнь России».

Блестящий премьер в хорошем смысле этого слова. Человек, у которого атака в крови. Незабываемый спортсмен.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Если бы он играл в теннис, он был бы великим теннисистом. Если бы увлекся боксом, стал бы вторым Роки Марчиано. Спортивная гениальность.

Юрий ТРИФОНОВ.

7 СЕРАФИМ ЗНАМЕНСКИЙ — многократный рекордсмен СССР в беге на средние и длинные дистанции, трехкратный победитель кросса «Юманите» (212,5 очка).

Выдающийся по своим данным спортсмен, впечатляющий своей непосредственностью и обаянием человек.

Герман КОЛОДНЫЙ —

«Вечерняя Москва».

Многие имена, гремевшие на заре советского спорта, еще до выхода наших мастеров на олимпийскую арену и на официальные международные состязания, несколько стерлись в памяти. Спорт все время идет вперед. Поэтому, если подходить с точки зрения голой цифры, то ныне братья Знаменские были бы второразрядниками... И все же: Серафим Знаменский. «Первый среди равных» братьев. Ему немного более повезло, чем Георгию, по числу установленных рекордов. Наверно, поэтому я его и ставлю впереди брата.

Юрий ВАНЬЯТ — «Труд».

8 ЛАРИСА ЛАТЫНИНА — двукратная абсолютная олимпийская чемпионка по гимнастике (199 очков).

Она улыбалась, нравилась, гимнастика была ею придумана.

Лев ФИЛАТОВ — «Футбол».

Я ценю Латынину как выдающуюся спортсменку, замечательного товарища, заботливую мать, интересного собеседника и... может быть, это удивит вас, как способного радио- и телевизионного комментатора. Однажды она вела по радио концерт, и профессиональные артисты были рады уступить ей в этом пальму первенства.

Шамиль МЕЛИК-ПАШАЕВ-

Всесоюзное радио.

9 ВИКТОР ЧУКАРИН — двукратный абсолютный олимпийский чемпион по гимнастике (168 очков).

«Чукарин — это понятие» — так писала западногерманская пресса после Олимпиады в Хельсинки. Получив в обязательной программе за вольные упражнения меньше 9 баллов, Чукарин, стиснув зубы, отвоевывал драгоценные «десятые» и стал абсолютным чемпионом.

Петр СОБОЛЕВ —

«Физкультура и спорт».

10 ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — трехкратный олимпийский чемпион по академической гребле 156,5 очка Его лодка весит 12,5 килограмма. Не меньше вес и его коллекции победных медалей самой высокой пробы, завоеванных на Олимпийских играх, чемпионатах Европы, мира и Советского Союза. Если бы он жил в Англии — стране, где академическая гребля — спорт, не уступающий в популярности футболу, — он стал бы национальным героем XX века и ему при жизни был бы поставлен памятник рядом с адмиралом Нельсоном.

Борис ФЕДОСОВ — «Известия».

Интересно, что журнал «Спортивная жизнь России» подводит в ноябрьском номере итоги аналогичного конкурса. «Десять лучших за 50 лет?» — таков был вопрос журнала, обращенный к читателям. Какова же «десятка», составленная более чем тысячей читателей этого журнала? Спортсмен № 1 — ЛЕВ ЯШИН. Далее следуют Ю. ВЛАСОВ, В. БРУМЕЛЬ, В. КУЦ, братья ЗНАМЕНСКИЕ, В. БОБРОВ, Л. ЛАТЫНИНА, Л. БЕЛОУСОВД и О. ПРОТОПОПОВ, М. БОТВИННИК и Л. СКОБЛИКОВА. Расхождения, как видите, невелики: большинство имен в десятке — те же, что и в «Юности» у журналистов.

Итак, мы назвали «десять самых-самых». Но, видимо, прав один из старейших спортивных журналистов (стаж 43 года), Герман Колодный («Вечерняя Москва»): «Трудно уложиться в «десятку», можно назвать гораздо больше имеющих право войти в нее» (сам Колодный втиснул в «десятку»... 15 спортсменов!). А спортивный обозреватель «Известий» Борис Федосов считает: «Нужно было назвать как минимум двадцать человек».

Кто же вошел во вторую «десятку самых-самых»?

Ее открывает ГЕОРГИЙ ЗНАМЕНСКИЙ. За ним следуют ИГОРЬ НОВИКОВ, МАРИЯ ИСАКОВА, ГРИГОРИЙ ФЕДОТОВ, ЕВГЕНИЙ ГРИШИН, ЛЕОНИД ЖАБОТИНСКИЙ, ИНГА АРТАМОНОВА, ЛИДИЯ СКОБЛИКОВА, ВАЛЕРИЙ ПОПЕНЧЕНКО. А двадцатое место с равной суммой очков делят сразу трое: ЯКОВ МЕЛЬНИКОВ и «золотая пара» — ЛЮДМИЛА БЕЛОУСОВА и ОЛЕГ ПРОТОПОПОВ.

А всего в ста журналистских анкетах названо 104 спортсмена, и каждое имя — это страница истории советского спорта.

Материалы анкеты подготовили: судья всесоюзной категории В. РОДИЧЕНКО и В. АНДРЕЕВ.

ГЛАВА - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Сегодня на Галке Галкиной необычный костюм. Она одета в синюю блузу, в униформу первых революционных сатириков, в наряд «бодрых задир», как называл их Маяковский. «Синяя блуза» — это массовое театральное движение, которое в двадцатые годы объединило молодые таланты молодой Советской республики. Полстраны оделось в синюю блузу, полстраны ходило смотреть их представления.

Сейчас, когда мы празднуем пятидесятилетие Октябрьской революции, очень часто устраиваются повторные премьеры классических советских фильмов и спектаклей. Вот и у нас, в нашем маленьком эстрадном театре, объявляется премьера синеблузного представления.

Премьера эта будет несколько своеобразной. Дело в том, что все участники сегодняшнего галапредставления исполняют в нем две роли. Во-первых, роли молодых синеблузников 20-х годов — артистов Жоры Тусузова и Саши Степанова, литераторов Миши Вольпина и Арго, студента музыкального училища Зиги Каца, а во-вторых, роли известных советских артистов, писателей, композиторов с теми же самыми фамилиями, но с солидными именами, которые теперь, в 1967 году, называть без отчества просто неудобно.

А сейчас пора начинать.

Итак, раздаются бодрые музыкальные аккорды, на сцену выскакивают юноши и девушки в синих блузах.

Пред вами «Блуза Синяя» —
Газетная братва.
Прямая наша линия,
Прямые и слова.
Мы дружескими узами
Связались навсегда
Со всеми профсоюзами
Республики Труда.
Мы — синеблузники,
Мы — профсоюзники,
Нам все известно обо всем.
Мы вдоль по миру
Свою сатиру,
Как факел огненный, несем.
Мы — синеблузники,
Мы — профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи.
Мы только гайки
В великой спайке
Одной трудящейся семьи.

Композитор Сигизмунд К а ц. Это был парад, открывающий каждый спектакль «Синей блузы». Актеры пели, маршировали по сцене, перестраивались, делали гимнастические пирамиды. Все это шло в диком темпе. У нас, у аккомпаниаторов спектакля, даже было такое соревнование: кто быстрее проведет пролог. Выигрывал пианист, у которого парад занимал меньше 56 секунд.

Писатель Арго. Все мы, старые синеблузники, смотрим сейчас на свои афиши двадцатых годов с теплым чувством, с доброй улыбкой, как на фотокарточку своей первой любви.

А началось все с того, что несколько студентов Института журналистики стали под аккордеон или под гитару распевать советские песни и частушки перед публикой.

Время было нэповское. На первых порах синеблужникам пришлось выступать в пивных и ресторанах, где тогда квартировалась эстрада.

Так пошли наши студенты разносить искусство среди пьющих и едящих. Они шли на это без ложного стыда, с твердым сознанием, что делают важное, нужное советское дело.

Основным нашим почитателем была молодежь, и со сцены мы постоянно впрямую обращались к ней.

В 1926 году синеблужники исполняли такие мои стихи:

СМЕНА СМЕН

Отстучал пулемет...
Откричала труба...
Опустели пушек утробы...
Годы идут,
проходит борьба,
Проходят годы учебы.
Тебя, героя борьбы
и засады,
Разве не мучит злая досада;
Что ты,
прошедший фронты
и фронты.
Полон невежества и темноты?
Эй, Иваны да Марьи,
Лельки да Петьки,
По всем деревням,
По всем городам
Вы,
Герои, не знающие
арифметики,
Героини, читающие
по складам.
Заводи новые песни —
Учись, хоть тресни!

Загоняй старый быт в лузу, — заводи в клубе „Синюю Блузу”.

Заслуженный артист РСФСР Г. Т у с у з о в. Мы очень часто выступали после собраний. Вообще многие руководители предприятий считали, что вечер без «Синей блузы» не будет идеологически обоснованным. Поэтому частенько делали так: в первом отделении выпускали «Синюю блузу», а во втором салонная певица пела «Мы странно встретились и странно разойдемся...».

С. К а ц. Однажды прибываем в какое-то учреждение. Эстрады нет, выступать негде. Но, как известно, голь на выдумки хитра. Сдвигаем письменные столы — вот и сцена готова. А были в программе знаменитые в те времена куплеты:

Раньше тракторов не знали,
Лошадей вгоняли в пот.
На одной сохе пахали,
а теперь наоборот.
Трактор едет, а кобыла
Грустно смотрит на него.

Без привычки трудно было,
а привыкла — ничего.

И вот в том месте, где в последней строке значится тире, актеры должны были делать кульбит. Но так как сцена из письменных столов получилась гораздо уже обычной, договариваемся кульбита не делать. Всех об этом предупредили, забыли только сказать Михаилу Гаркави, и он один сделал кульбит. Конечно, свалился в публику. Правда, зрители думали, что это подготовленный комический трюк. Страшно смеялись...

Режиссер телевидения А. Н. Степанов. Кульбиты кульбитами, но мы никогда не забывали о своей самой главной задаче — агитации за дело Октября, за молодую Советскую власть. Мы всегда помнили, что мы сначала «агитаторы, горланы, главари», а уж потом артисты, музыканты и танцоры.

Сейчас, на фоне современного театра, кино, телевидения, некоторые вещи в синеблузных спектаклях выглядят очень неумелыми и даже примитивными. Но в двадцатые годы, когда огромные народные массы только-только двинулись в путь к пониманию пролетарского искусства, «Синяя блуза» была их надежным и веселым проводником.

Как и все молодые люди тех лет, мы были полны энтузиазма первооткрывателей новых человеческих отношений, азарта изобретателей новых обычаев и традиций. Все это мы старались переносить на сцену, обо всем этом мы хотели говорить с современниками.

СергейТретьяков

ДНИ

Раскрой уши, слушай!
Я понедельник —
Прогульщик с похмелья.
Я вторник — хмуряга и ерник.
Я среда —
Лень, что всех заедает.
Я четверг —
Вечным дождичком смок и смерк.
Я пятница —
Постная морда, монашек
приятельница.
Я суббота —
Шабаш в пивной за рабью работу.
Я воскресенье —
Поповье душеспасенье.
Из века в век горячей, чем
польнь,
Всю ту же седмицу знай
вольнь,
Требуем имени нового,
Переименовывай!
— Ладно!
Внимание!
В помойку — имен ошметки,
С-под глаз оттирай синяки!
Будут новые семерки —
Шаги легки.
Памяти Ленина —

Лендень.
Именем фабрики —
Фабдень.
Помни деревню —
Земдень.
Делу партийному —
Партдень.
Всех осоюзит —
Профдень.
Смену готовь —
Юндень.
Жендень.
Чтоб каждый день был
Бойдень,
Чтоб каждый день был
Стройдень,
Чтоб наши недели
Гудели...
Чтоб каждый год
На полный ход!
Вот!
1926

Драматург Михаил Вольпин. С тех пор прошло более 30 лет. Много изменилось. Но у молодежи тех лет и современной молодежи пайдется немало общих черт. Взять хотя бы такое явление, как мода на одежду. Несмотря на трудные годы, она владела молодыми людьми. Ведь одеться красиво хочется всегда. Высокие ботинки на шнуровке, широкие галифе и френч старался иметь каждый из нас, так же как сегодня мальчики нового поколения хотят иметь клеши и широкий пояс на брюках.

Конечно, и тогда у юношей и девушек были свои недостатки. Мы, синеглазые сатирики, часто выступали на так называемые «молодежные темы». К сожалению, многие из них не устарели и сейчас. Вот, например, вспоминается отрывок из сценки В. Типота и Б. Южанина:

Есть такой, которому дорога
в ликбез,
А он в вуз полез,
Не зная ни «а», ни «бе».
А в анкете пишет о себе,
Что отец его был пролетарием
всех стран,
Дед — известный революционный
буян,
Прадед, хоть порой и ходил
в ресторан,
Но ни разу в жизни не был пьян.
А сам он — сын рабочих и
крестьян.
И что его влекла к себе свобода
С 1781 года.

Г. Т у с у з о в. «Синяя блуза» боролась за новый быт, новую мораль. Артистам, например, запрещалось курить. В редакции журнала «Синяя блуза» висел лозунг: «Не хотим вдыхать никотин!». Девушки не должны были подводить глаза, красить губы, иметь кольца.

М. Вольпин. В «Синей блузе» собрались веселые ребята. Это было время бесконечных розыгрышей. Розыгрывали друг друга, разыгрывали чужих людей. Вот приходит Арго в рыбный магазин и спрашивает продавца: «Что это за штука?» Продавец отвечает: «Щука». Арго: «А что там в середине?» Продавец: «Селедка». «А что у окон?» «Окунь». И так далее, пока продавец буквально не обалдевал от этих бесконечных рифм.

С. К а ц. Если уж речь зашла о смешных случаях, я расскажу про свой конфликт с Борей Тениным, ныне народным артистом РСФСР. Он был блестящим исполнителем частушек. Зал буквально валялся от смеха, когда пел Боря.

Привинчу к сохе я крылья
И пропеллер к бороне,
И вот эта эскадрилья
Живо вспашет землю мне.

Стало каждому видней,
С кем ни говори ты:
Метрополитен нужней,
Чем митрополиты.

Тетку Дарью дядя Тихон
Саданул в портретину.
И за это ныне впихан
Ею в стенгазетину.

У Митюхи волос — веник,
А гармошка — соловей.
Он в сберкассе держит денег
Девяносто семь рублей.

Вьется речка под вербой.
Бродит конь подкованный.
Баба стала не рабой,
А организованной.

Старики стоят за сохи,
Молоды — за трактора.
Старики все — «ахи», «охи»,
Молодые все — «ура»!

А чтоб было еще смешнее, он придумал такой трюк: в конце номера он подходил ко мне, аккомпаниатору, и ударял меня своей балалаечной по голове. Балалаечка разлеталась на мелкие кусочки — публика была счастлива. Я терпел-терпел, а потом сел и написал заявление в нашу профсоюзную организацию о том, что актер Тенин оскорбляет мое исполнительское достоинство и прошу, мол, свята этот трюк. Профсоюз постановил: трюк не снимать, но впредь балалайку разбивать не об Зигу Каца, а об рояль.

Арго. Инициатором «Синей блузы» был Борис Южанин — личность примечательная, фольклорная, чуть ли не варицательная для своего времени.

Про Южанина говорили, что когда его кто-то спросил: «Как тебе нравится «Война и мир» Льва Толстого?» — он будто бы ответил: «Ничего. Если подсократить и ввести частушки, можно использовать в «Синей блузе».

Г. Т у с у з о в. Его фанатизм шел от абсолютной преданности «Синей блузе». Она была для него всей жизнью. Он не изменил ее вкусам и тогда, когда синемолузное движение перестало существовать. Даже внешне он всегда оставался тем же: черная рубашка, черный галстук, серый костюм.

Арго. Под руководством Южанина «Синяя блуза» крепла, мужала и ширилась. В середине двадцатых годов она ездила на гастроли за границу: в Китай, Германию, Прибалтику.

В 1928 году она справила свой пятилетний юбилей с должным признанием и уважением.

Но время менялось. Государство окрепло, зритель настолько вырос в своих запросах, что ему уже не было нужды в лобовой черно-белой агитации. Ощущалась потребность в мюзик-холле, в театральном ревю, уже назревал Театр сатиры. «Синяя блуза» не могла перестроиться, переменить свое существо. Если бы она перестроилась, то перестала бы быть собою.

Поэтому «Синяя блуза», придя к своему пределу, легко и безболезненно перестала существовать.

Устав наш строг — ни колец, ни серег.

Г. Тусузов. В конце прошлого театрального сезона я побывал на спектакле эстрадной студии МГУ «Наш Дом». Показывали спектакль «Смех отцов». Какова же была моя радость, когда на сцену вышли молодые люди в синих блузах и запели: «Мы — синемолузники, мы — профсоюзники...!» Это было тем более любопытно, что постановщик спектакля молодой режиссер Марк Розовский, никогда не видевший живую «Синюю блузу», точно воспроизвел характер и атрибуты представления.

Режиссер эстрадной студии МГУ «Наш Дом» Марк Розовский.

В этом прежде всего заслуга нашего художника Натальи Ерофеевой, которая в своем оформлении использовала элементы графики знаменитых художников 20-х годов — Лисицкого и Родченко.

Лет десять назад, интересуясь историей нашей эстрады, я зашел в Московскую театральную библиотеку, чтобы почитать комплекты журнала «Синяя блуза». Я был потрясен фотографиями, эскизами, самим масштабом этого эстрадно-революционного движения, охватившего всю страну... Имена знакомые — Юткевич, Милов, Ардов, Р. Зеленая, Листов — перемежались здесь с десятками других, мне неизвестных: Тамара Томисс, Владимир Мрозовский, Борис Южанин... Но самое главное, за всеми этими именами, шрифтами, фотографиями пирамид и эскизами костюмов с аппликациями, типичными для левого фронта искусства 20-х годов, я увидел большее: концепцию политического театра в его народно-площадном выражении. Приемы кабаре, пластика массовок, плакатная ударность речи, секрет трюка — все это стало понятным и близким мне... И тут меня мучительно потянуло в 20-е годы. Туда!.. К вам!.. Рев-комедиантам, рев-живописцам, рев-песенникам, как называл вас Маяковский!

Я сидел в театральной библиотеке и страдал от невозможности сделать прыжок в наше театральное прошлое. Чувство подавленности усугубилось еще и тем, что многие страницы журналов «Синяя блуза» оказались даже неразрезанными!.. Значит, за многие-многие годы я был первым читателем журнала! Неужели теперь все это забыто и никому не интересно?..

Конечно, нет! Я убедился в этом, когда поставил в нынешнем году в эстрадной студии МГУ «Наш Дом» вечер советской сатиры — спектакль «Смех отцов». Он начинается с синемолузото монтажа из стихов В. Маяковского. И хотя я ставил этот номер не в

мемориальном стиле, а руководствуясь своим представлением о «Синей блузе», тем не менее я считаю, что мой «побег» в 20-е годы все-таки состоялся!

Наше гала-представление мы кончим тем, чем кончали свои спектакли синеблузники. Снова звучит марш, актеры выскакивают из-за кулис и поют:

Окончив газету, согласно плана,
И молодые и старики,
Забудем роли, сотрем румяна
И сбросим маски и парики.

Мы — синеблузники,
Мы — профсоюзники,
Нам все известно обо всем,
Мы вдоль по миру
Свою сатиру,
Как факел огненный, несем,
несем,
несем...

Занавес

Роза Хуснутдинова

КАРТИНКИ ВОСТОЧНОЙ жизни

ПРАВДОЛЮБ

Когда Гаджи Магометов заснул на своем гранатовом дереве и его нинан не могли найти, тогда позвали родственники Наби Магометова, попросили: «Найди нам его».

Тогда вышел Наби Магометов на крыльцо и сказал: «Гаджи Магометов! В твоей бороде пятьсот семьдесят шесть волосков, и три из них белые».

Тогда вышел из сад?. Гаджи Магометов и сказал: «В моей бороде шестьсот восемьдесят девять волосков, и все они черные».

Н И Я З

Вот все кричат:

«Нияз упал в колодец! Нияз бросился в колодец!» «Он бросился потому, что ему ничего другого не оставалось!»

«Потому что жена его слишком много себе позволяла!» «Потому что мы от него слишком много требовали!» «Потому что его задел Ашир!» «Потому что его изругал Берды!» «Потому что его обошел Курбан!»

Но почему никто не говорит о том, что воды в этом колодце было полметра, что день был жаркий, и Ниязу захотелось немножко освежиться, и что он сам туда полез?..

Почему об этом не говорит никто, и почему сам Нияз об этом молчит и сидит среди нас как ни в чем не бывало?..

ПЛАКСА

Хотела утром заплакать Месадо, да с дерева спелая слива упала, за ней — вторая.
Хотела днем Месадо заплакать, да бабушка начала варить свежую халву.

Хотела вечером Месадо заплакать, да брат теленка пригнал, мокрого от росы, и сыр привез. «Видно, завтра», — решила Месадо.

ЧУЛОЧНЫЕ ЧАСЫ

На крыше своего дома сидит Алпуда, вяжет красный чулок с зелеными и норичневыми узорами. Говорит:

— Может, уже полдень?..

На соседней крыше сидит Месадо, вяжет синий чулок с красными и зелеными узорами. Говорит: — Еще нет. До полудня еще полчулка.

ЧИНАРА

— Сколько лет этой чинаре?

— Когда я спросил об этом своего отца, которому в 1960 году исполнилось 88 лет, он сказал, «то, когда он спросил об этом своего отца, который умер на 98-м году своей жизни, тот сказал, что когда он спросил об этом своего отца, которому в 1800 году исполнилось 60 лет, который потом прожил еще 50 лет, то он сказал, что эта чинара всегда была такая большая...»

«БОРЮЩИЙСЯ ФАРФОР»

Октябрьский переворот 1917 года решительно взорвал замкнутый, узкокамерный мир живописи по фарфору. Появился новый фарфор — фарфор агитационный. С плакатов, протянутых от здания к зданию, с листовок и прокламаций, из газет и журналов перешли на фарфор решительные слова: «Кто не с нами, тот против нас», «Борьба родит героев», «Ум не терпит неволи», «Пусть, что добыто силою рук трудовых, не поглотит ленивое брюхо»... Новая, советская геральдика, эмблемы молодой республики — звезда, серп и молот — появились на фарфоре одновременно с рождением нового государства. Мучительное напряжение борьбы и стремительный темп жизни на глазах изменили не только темы, но и цвет живописи, ее ритмы, линии. Революционный набат чувствовался во всем. Романтический ветер времени плескал на фарфоре кумачом полотнищ, наполнял революционные стяги, выстреливал строчками лозунгов, раздувал пожар красок.

Еще не кончилась изнурившая страну война, а А. В. Луначарский уже обеспокоен судьбой бывшего императорского, отныне Государственного фарфорового завода. В январе 1918 года художественным директором завода был приглашен известный график, талантливый декоратор и знаток старого искусства С. В. Чехонин. И хотя жизнь в городе крайне тяжела, транспорт стоит, а в заводских помещениях стужа, Чехонин организует новое отделение при заводе, набирая туда молодых живописцев. Среди них А. Щекатихина-Потоцкая, З. Кобылецкая, 44. Голенкина, В. Фрезе, М. Адамович, Е. Розендорф, В. Рукавишников и многие другие.

В огромном зале пустынного, занимающего целый квартал бывшего художественно-промышленного училища барона Штиглица было размещено новое живописное отделение. Маленькая печка — в центре комнаты, но работать рядом с нею нельзя: художникам нужен свет, и они сидят у заиндевелых окон. Работают в пальто, часто не снимая перчаток. А кисть, несмотря ни на что, должна бежать быстро, легко, уверенно. Все это трудно представить теперь, глядя на фарфор, переживший многих своих создателей (см. третью стр. обложки). Трудно представить потому, что недоедание и холод преодолевались силой жизни — художники были молоды. Повседневное не могло заслонить светлого чувства радости, ожидания перемен, свершения надежд, окрыляющего чувства нового. Потому и остался на фарфоре навсегда сверкающий праздник цвета, передающий революционный пафос и героику тех лет.

Л. АНДРЕЕВА,

В НОМЕРЕ

О ПРОЗА

Петр КАПИЦА. Завтра будет поздно. Повесть. Окончание, о Сергей БАРУЗДИН. Я люблю нашу улицу... Рассказ . . .

50

ф СТИХИ

Алексей СУРКОВ (стр. 2), Эдуардас МЕЖЕЛАИТИС (47), Расул ГАМЗАТОВ (48), Ато САГИЯН (57), Максим РЫЛЬСКИЙ (58), Аскад МУХТАР (59), Сергей МИХАЛКОВ (86).

ф ПУБЛИЦИСТИКА

Ф. Н. ПЕТРОВ. Будь счастлив, мой юный друг!..... 4

Сергей КУРЗЕНКОВ. Приземление..... 60

А. И. МИКОЯН. О днях Бакинской коммуны .

66

Юность мира у стен Зимнего....."^^

88

Восемь лет — девятый .....

ф НАУКА И ТЕХНИКА

70

В чей дом ударит молния?..... 'Щ

ф К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Иван КУПЦОВ. Наш путь — в революцию дальше.....65

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

* Юрий МАСЛОВ. Путь на левый берег * А. ДУЛЬКИНАС. Для чего человек живет?.....IVI

ф СПОРТ

10 самых самых.....: 103

ф «ПЫЛЕСОС»

Гала-представление «Синяя блуза».....107

Роза ХУСНУТДИНОВА. Картинки восточной жизни . . 111

На 1 — 4-й страницах обложки — рисунок Т. ЛИВАНОВОЙ по мотивам плаката В. ЛИВАНОВОЙ.

На 3, 13 и 21-й страницах журнала — линогравюры художника Л. ДУРАСОВА к повести Петра Капицы «Завтра будет поздно». Плакаты-иллюстрации к советским песням (стр. 11, 17, 19, 25, 29, 33, 39 и 43) — работы художника О. ШАМРО.

Художественный редактор Технический редактор

Ю. Цишевский. Л. Зябкий а.

Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52. Телефон Д 5-17-83. Рукописи не возвращаются.

А 00482. Подп. к печ. 21/Х--1967 г. Формат бумаги 84X108'/16.

Объем 12,18 усл. печ. л. 17,82 учетно-изд. л. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 1958. Заказ № 2536.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.